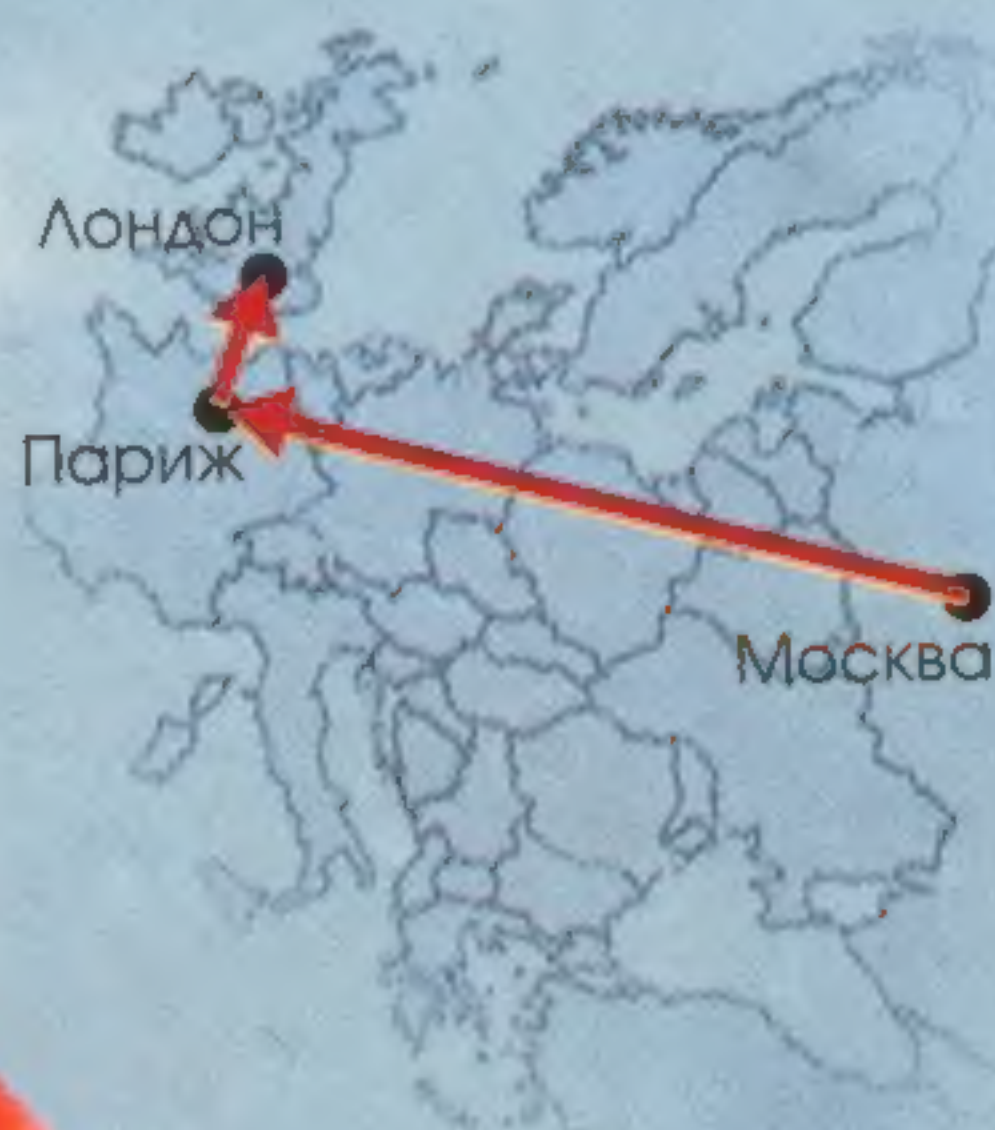

P2
Л 8 1

Надя Лоули

брачный Транзит

At. 1213 2

258

142729 (7)

11.12.13

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
сроков возврата

Книга должна быть возвращена
не позже указанного срока

1 8 ДЕК 2007

1 5 МАЙ 2008

2 0 ИЮН 2008

0 9 ОКТ 2008

1 1 НОЯ 2008

2 3 ДЕК 2008

1 8 АПР 2009

1 6 МАЙ 2009

2 6 МАЙ 2009

0 9 ИЮЛ 2009

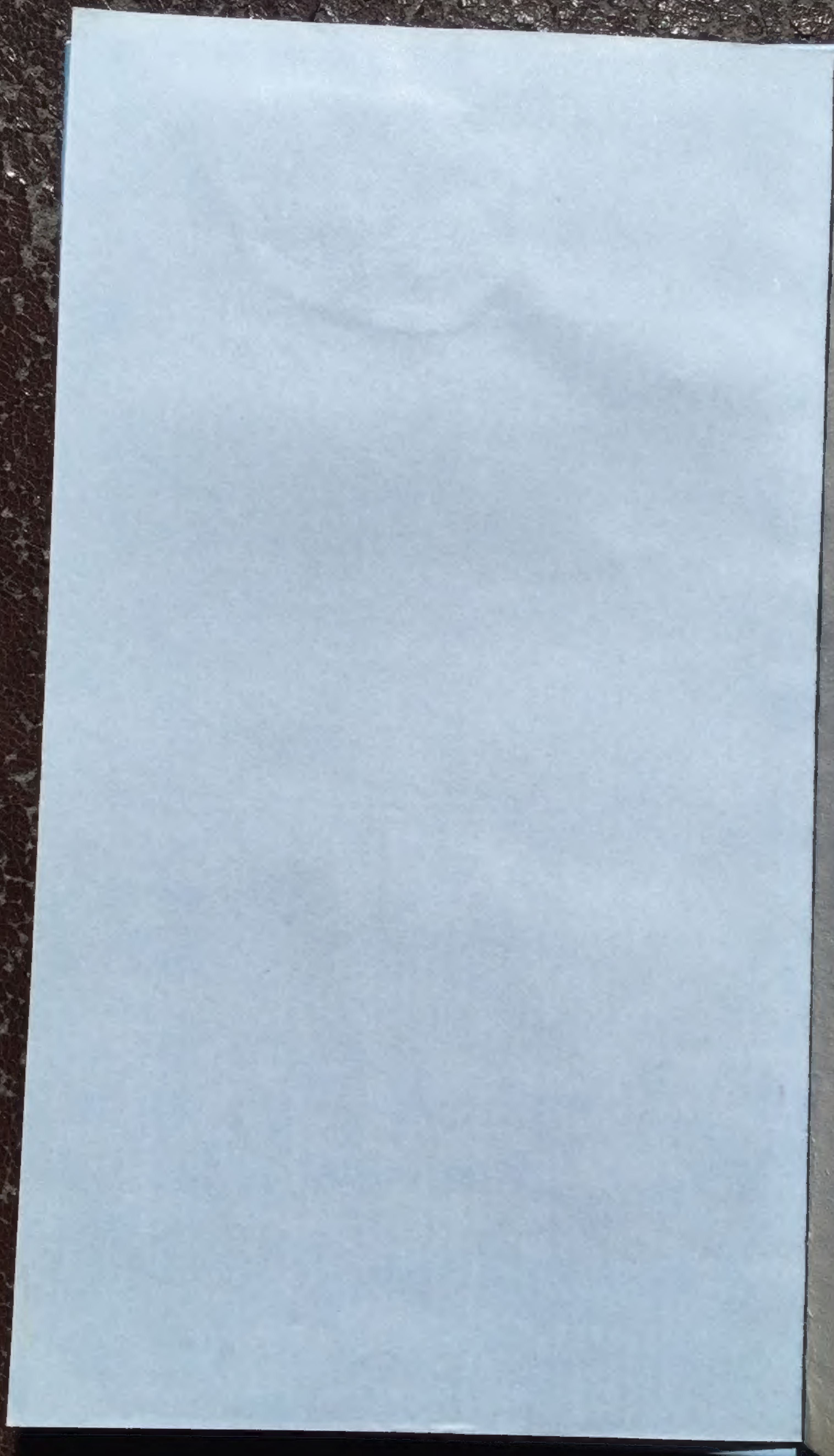
2 3 АВГ 2009

1 3 НОЯ 2009

2 9 ДЕК 2009

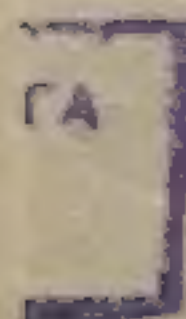
2 5 АВГ 2010

0 3 СЕН 2011

брачный
транзит

+

6

14

Государственный
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
БИБЛИОТЕЧНЫЙ
Южного адм

P2
Л 81

Надя Лоули

брачный Транзит

МОСКВА-ПАРИЖ-ЛОНДОН

16+

14 27 29 (7)

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2006

Государственное учреждение культуры г. Москва
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА № 1
Южного административного округа

ЦБС ЮЖН. АДМ. ОКРУГА
Фигурант № 258

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Л 81

Оформление Александра Ефимова

Л 81 Лоули Н.
Брачный транзит Москва—Париж—Лондон: Авантюрная мелодрама. — СПб.: Азбука-классика, 2006. — 224 с.

ISBN 5-352-01624-2

Авантюрный роман из жизни русской Золушки! Между Александрой Стюарт, женой лондонского банкира, и Алькой Захаровой, журналисткой ленинградской газеты «Смена», лежит целая жизнь, в которой было все: любовь, предательство, большой риск, разочарование, несказанная удача и снова любовь.

Жизнь заставила Альку пуститься в авантюру, которая могла стоить ей жизни. Она оказалась в компании валютных проституток, она была на крючке у КГБ, но случай в лице парижского музыканта не отвернулся от нее...

ISBN 5-352-01624-2

© Надя Лоули 2006

© «Азбука-классика», 2006

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Почти весь декабрь температура держалась выше нулевой отметки. А тридцатого хлынул настоящий ливень. Только к вечеру он постепенно перешел в привычную питерскую морось.

Огни разукрашенного к Новому году Невского двоились и троились, отражаясь в мокром асфальте, витринах и окнах домов, словно компенсируя полное отсутствие снега.

Эти разноцветные новогодние огни сотнями звездочек искрились на распахнутой шубке не спеша идущей вдоль Невского женщины, сверкали в ее спадающих на плечи платиновых прядях.

Женщина тряхнула волосами, рассыпая вокруг себя тысячи световых брызг, и засмеялась: хорошо, ах, хорошо!

Она, довольно прищуривая глаза, рассматривала отреставрированные, подсвеченные фасады зданий. Подолгу останавливалась у витрин

магазинов и модных бутиков, с удивлением качая головой и вскидывая брови. Потом шла дальше, вглядываясь в праздничную толпу, спешащую ей навстречу. Надо же, совсем другие лица!

«И с любопытством иностранки, плененной каждой новизной, глядела я, как мчатся санки, и слушала язык родной...» Уже который раз за сегодняшний день она повторила эту неотвязно преследующую ее строку.

Что ж, можно и так сказать — иностранки.

Двадцать лет прошло с тех пор, как она, Александра Стюарт, — тогда еще Алька Захарова, — покинула родину. И вот теперь, спустя столько времени, спустя целую эпоху для страны и целую жизнь для нее самой, она снова здесь, дома.

И что касается родного языка — тоже правда. Еще вчера в аэропорту, ожидая багаж, она случайно услышала разговор нескольких молодых людей, по виду студентов, и обнаружила несколько совершенно новых для себя словечек и выражений.

Одно ей запомнилось особенно — «крыша поехала» (хотя, признаться, со словом «крыша» у нее были связаны совсем другие ассоциации). Второе — «башню снесло» — являлось, как она поняла, синонимом первого и означало определенную степень сума-

сшествия. Позитивного сумасшествия или негативного — зависело, очевидно, от контекста.

Сейчас, совершая прогулку по Невскому, или, на жаргоне ее юности, «пойдя прошвырнуться по Броду», — она поняла: выражение «башню снесло» очень точно определяет ее душевное состояние.

Сверкающий Невский и мрачноватый, с облупившимися фасадами Невский двадцатилетней давности, та прежняя, серая, озабоченная толпа и сегодняшние нарядные, улыбающиеся люди, — настоящее и прошедшее теснилось в ее сознании, пока никак не сливаясь в единую картину.

На углу Невского и Владимирского, возле отеля «Рэдиссон-САС», женщина остановилась.

Вот это да! «Сайгон»-то накрылся! Один из немногих в тогдашнем Питере кафетериев, где можно было выпить не кофе, видите ли, с молоком из противной жестяной бочки, а настоящий, хорошо приготовленный черный кофе, — так вот, этот неблагонадежный, разбитной, свободолюбивый, потихоньку фарцующий, сомнительный, богемный «Сайгон», продержавшийся все годы махрового застоя, не выдержал напора рыночной экономики и сдал позиции!

Хотя почему его не прикрывали тогда — очень даже понятно. Отсюда и теперь по прямой пешком пятнадцать минут до Литейного, 4. Того самого дома, из окон которого Сибирь хорошо видна. Осведомителям бегать было недалеко. А то, что «Сайгон», это тусовочное, по-нынешнему выражаясь, место, просматривался и прослушивался, и сомневаться не приходилось. Должна же была Софья Власьевна знать, чем дышит молодое поколение художников, писак всех мастей и прочих сочувствующих интеллигентов.

Да ведь и правда — Ритка же говорила, что на месте «Сайгона» уже в девяностых годах открыли салон модной сантехники. Но долго он не продержался. Здание-то — лакомый кусочек. И вот, пожалуйста, — пятизвездочный отель мирового класса.

Однако в нем, на первом этаже, углом заходя с Невского на Владимирский, опять кафе. Правда, цены здесь совсем не для тогдашней, да и не для нынешней, судя по посетителям, богемной публики, но... Гений места все-таки существует!

Швейцар распахнул дверь, и Александра Стюарт, поддав ногой полу легкой норковой шубки так, что сверкнула светлая атласная подкладка, вошла в ласковое тепло, пахнущее, как и тогда, крепким кофе.

Ах, хорошо!

Она оглядела помещение: интерьер в золотистых тонах, кожаные кресла, слева барная стойка... А вон в том углу двадцать лет назад широко известный в узких кругах поэт В., охальник и выпивоха, стрелял у барышень трояки, пенял на свою горькую жизнь и приглашал посидеть у него на коленях...

Женщина скинула шубку и, оставляя за собой, точно шлейф, интригующий запах дорогих французских духов, прошла к столику возле окна.

Небольшого роста, легкая, с сияющими глазами и роскошной светлой шевелюрой, она невольно привлекала взгляды присутствующих. Сколько ей лет, и сам черт не разобрал бы, а фигура, подчеркнутая узкой короткой юбкой и обтягивающим джемпером с глубоким вырезом, была у нее как у девчонки.

Заказав пятьдесят граммов «Хенесси» и двойной эспresso, она подперла щеку ладонью и принялась рассматривать людей, спешивших по своим праздничным делам.

Официант поставил перед ней коньяк и кофе. Глотнув из бокала обжигающий напиток, женщина зажмурилась от внезапно навернувшихся слез: то ли коньяк был

крепок, то ли вспомнилось что... А вспомнить Александре Стюарт действительно было о чем.

Партийно-комсомольское собрание затягивалось.

Алька почувствовала, что вот-вот заснет, и трянула головой. Светлые волосы взметнулись и снова опустились на плечи.

Сан Палыч, секретарь парторганизации, недовольно поднял глаза от бумаги и вновь продолжил чтение. Эх! И дернуло же их с Риткой сесть в первый ряд. Собрание, посвященное 67-й годовщине Великого Октября, да еще в такой идеологически значимой организации, как газета «Смена», — с этим лучше не шутить.

Алька прислушалась.

«...руководители блока НАТО должны знать, что их претензиям на достижение военного превосходства никогда не суждено сбыться. Советский Союз совместно со своими союзниками предупредил их об этом...»

Господи, да когда же это кончится? В Каткином садике ее ждет Мишка Говоров. Впрочем, питерские букинисты и просто любители хорошей литературы знали его под прозвищем

Мишель-«холодник». Обещал принести там-издатовского Владимова. Замерз уже, наверно, бедняга, согласно своему прозвищу. Алька коротко вздохнула и стала изучать стены.

Шла «пятилетка пышных похорон». В воздухе отчетливо пахло формалином. Алька с максимальным доброжелательством принялась рассматривать портрет очередного генсека. Узкий лоб, выступающие надбровные дуги и скулы. Высоко поднятые напряженные плечи. Нет, холодильник какой-то. Предыдущий был явно посимпатичнее. Но недолго. А «дорогой Леонид Ильич» вообще казался чем-то вроде дальнего иногороднего родственника: встречаться лично не довелось, но помер — жалко.

Алька немного развеселилась от этих мыслей и перевела взгляд на Володьку Архангельского, сидевшего рядом с начальством в президиуме. Тоже мне, комсомольский лидер. Сидит и пялится на Алькины коленки. Вон какую шею отъел, бугай, на комсомольских харчах.

Алька посмотрела ему прямо в глаза своим «фирменным» прозрачным невинно-нахальным взглядом и положила ногу на ногу. И без того короткая юбка задралась выше некуда. Архангельский злобно прищурился. Тогда Алька глумливо покачала носком туф-

ли, и коварная улыбка тронула ее красиво очерченные губы.

У Архангельского на носу проступили капли пота. Из первого ряда это очень даже хорошо было видно. Ага, не забыл, значит, как прошлой осенью, на картошке, агитировал вступать в партию. Мол, без этого никакой карьеры не получится. А потом, на танцах в местном клубе, зажал ее в углу и, слюняво тычась в шею, говорил, что все для нее сделает, все, все...

Еще пять лет назад это был застенчивый сублильный провинциальный мальчик, ес однокурсник. Все думали, закончит Вовка журфак и отчалит в свой родной Мурманск — скромным редактором в какую-нибудь «Красную верфь», ан нет...

Архангельский вдруг круто пошел вверх по комсомольской лестнице. И ни в какой Мурманск пополнять тамошние журналистские кадры он не вернулся, а, совсем напротив, остался в Ленинграде, очень даже неплохо устроился и довольно быстро скурвился. Хотя что значит — остался? Если Альку взяли в «Смену», когда она была еще студенткой пятого курса, то Архангельского туда «воткнули» по звонку из обкома комсомола.

Довольно, по-кошачьи жмурясь, Алька представила, как сегодня же вечером, устро-

ившись удобно в старом плюшевом кресле, будет изменять с запретной книгой этим душным и малопривлекательным во всех отношениях мужчинам в президиуме и на портретах.

«...неисчерпаемы резервы нашего строя в социальной активности масс. Именно на развитие инициативы, на реализацию огромного творческого потенциала трудящихся и нацелены осуществляемые партией меры по дальнейшему совершенствованию социалистической демократии...»

Фу ты, ничего не разобрать. А ведь идеологический вуз закончила. Алька пожалела красного как рак Архангельского и одернула юбку.

Впрочем, что там было насчет «активности масс»? Хорошая мысль. После собрания надо быстро заскочить к заведомо и напомнить ему про обещанную командировку в область. «Строительство птицефермы закончено досрочно!» Обещал ведь. Как ни крути, а добавка к жалованью. Пара таких поездок да еще тринадцатая зарплата... Тогда она сможет перехватить в долг у Мишеля денег на фирменные зимние сапожки, которые Риткина знакомая где-то надыбала. «...Доблестные строители обеспечили счастливое будущее советских кур, самых синих птиц в

мире...» Ничего, сапожки того стоят. А еще хочется французские духи... И без хороших книг не обойтись...

Алькины сладострастные мысли были прерваны довольно неслаженными аплодисментами, заглушаемыми хлопаньем откидных сидений. Народ устремился к выходу.

Алька, крикнув закадычной подруге Ритке, чтоб не ждала, ринулась в кабинет заведом. Через пять минут, рассыпаясь в благодарностях, потрясая в воздухе командировочным удостоверением, она спиной выдвинулась из кабинета, схватила в гардеробе куртку и рванула к проходной, едва не сбив с ног старого вахтера Петровича.

Оказавшись на набережной Фонтанки, Аллька перевела дух. Ничего, и так и так опоздала. Ни к чему появляться перед влюбленным в нее Мишелем с красной физиономией и прилипшей к потному лбу челкой. Тем более что идти тут не больше десяти минут. Никуда он не денется.

Алька огляделась. Разгар осени — красиво! Золотые и красные кроны отражаются в воде, заходящее солнце окрашивает стены домов в благородный терракот, ветерок ме-

тет по асфальту сухие листья... Но уже довольно холодно, черт возьми!

Алька накрутила вокруг шеи длинный вязанный шарф, постукивая новыми набойками на каблучках, миновала «Лениздат», свернула на улицу Зодчего Росси и от удовольствия причмокнула: кра-а-сиво-то как... будто вовсе и не в совдепии живем...

После встречи с Мишелем надо заскочить в продуктовый и бегом домой. Екатерина Великая уже заждалась, одна за стол не садится. Екатериной Великой за величественную осанку и царственные манеры прозвали Алькину бабушку, отцову мать, соседи.

Это было ритуалом. Даже зная, что Алька задерживается по работе, идет в театр с подружкой или на очередное свидание, Екатерина Кирилловна стелила белую крахмальную скатерть, накрывала стол на два прибора и ждала. Сказывалась белая кость.

Когда-то вся квартира на третьем этаже дома по 6-й линии Васильевского острова принадлежала ее отцу, адмиралу царского флота, точнее — их большой и очень дружной семье.

После революции («переворота» — как, презрительно вскидывая брови, говорила бабушка) началось постепенное уплотнение. Старые хозяева — кто умер, кто попал в ме-

ста не столь отдаленные, да так и не вернулись. И наконец остались жить в двух комнатах из прежних восьми Алькина бабушка с мужем да сын их Василий, будущий Алькин отец.

Муж Екатерины Великой погиб в войну. Точнее, умер от голода во время блокады: его, как военного инженера, оставили в городе. А Екатерину Великую отправили с сыном в эвакуацию. Когда весной сорок четвертого она вернулась в город, то застала только неухоженную могилу на Серафимовском.

Сын вырос, по стопам деда пошел в морское училище, стал офицером, мотался по всей стране и где-то между Одессой и Калининградом, не спросив благословения матери, женился.

А потом родилась Алька. Маленькую внучку Екатерина Великая видела всего несколько раз, поскольку служил сын далеко от Ленинграда.

Так, скитаясь с родителями по всей стране, Алька подросла, пошла в школу. Вскоре сменила ее на другую, в другом городе, потом на третью... Она так привыкла к этим сменам мест жительства и учебы, что и расставаться научилась легко, и привязанностями старалась не обзаводиться. Чтобы после не страдать...

Потом Алькины родители затеяли развод. Альку, подальше от скандалов, отправили к бабушке в Ленинград. Мать ее вскоре вышла замуж второй раз, да так больше на Алькином горизонте и не появилась, а отец через пару лет умер, прямо на службе, от инфаркта.

Алька же, попав наконец в настоящий дом, пригрелась, прижилась в ранее незнакомом городе, точнее, почувствовала вдруг, что здесь-то и есть ее корни.

Так она закончила десятилетку и поступила в университет, на журфак, потому что, еще учась в школе, обнаружила вдруг, что обладает «легким пером», и начала печатать — то в «Ленинских искрах», то в «Костре» — небольшие рассказы о том, что повидала, скитаясь вместе с родителями по «необъятным просторам родины».

Едва вырулив из-за угла Пушкинского театра на площадь Островского, Алька увидела Мишеля. Высоко подняв воротник куртки и грея руки в карманах, он ждал ее у входа в садик.

Чуть запыхавшись, Алька на всем ходу притормозила возле окоченевшего Мишеля, подхватила его под руку и закружила.

— Ну, Мишечка, дорогой, не сердись, собрание, понимаешь, праздник ведь на носу, годовщина того, этого самого... — И Алька подставила для поцелуя щеку. Почувствовав прикосновение холодного носа, она засмеялась: — Ведь не сердишься, правда?

— Что ты, Алечка, подумаешь, какие-то полтора часа. Мне ведь не привыкать — на улице... — Мишель зябко повел плечами. — Да ладно, пойдем в кино, Алечка, в «Колизее» комедия с Челентано...

— Нет, мой дорогой, бабушка заждалась, и еще в магазин надо. Книгу принес?

Мишель достал из видавшего виды кожаного портфеля обернутую в газету книгу.

— Ты поосторожнее, в транспорте не читай, сама знаешь.

— Да не волнуйся ты, не впервой. Миш, мне двести рублей позарез надо. В феврале верну. Выручишь?

— Конечно, Алечка, о чем разговор, тебе сейчас?

Они двинулись через Катькин садик. Здесь все было как всегда. Посередине стояла Императрица, по бокам, на скамеечках, склонив головы над шахматными досками, сидели энтузиасты игры, в глубине — томно слонялись женственного вида юноши.

Алька искоса посмотрела на Мишеля. Высокий, кареглазый, милый, преданный... Она коротко вздохнула:

— Миш, хочешь, поедem к нам. Екатерина Великая пирог испекла. Она тебе обрадуется.

Мишель оживился:

— Конечно, поедem, Алечка, сейчас такси поймем и поедem. Я твою Екатерину Великую люблю, сама знаешь...

У этой любви, надо сказать взаимной, была своя история. Вообще-то первой с Мишелем-«холодником» познакомилась Екатерина Кирилловна, а потом уже Аллька. А случилось так.

Когда потихоньку из дому был вынесен фамильный кузнецовский сервиз на двенадцать персон, потом памятные безделушки из мейсенского фарфора, потом все столовое серебро, кроме украшенного витой монограммой половника, — дело дошло до картин и книг.

Распродажу последних Екатерина Великая оттягивала, как могла. Но ее пенсии на них двоих с Алькой никак не хватало. Стипендия же Алькина суть дела кардинально не меняла.

И вот однажды, скрепя сердце, она повлеклась в «Букинист» на Литейном, сдавать прижизненное издание «Горя от ума». Возле входа в магазин симпатичный молодой человек осведомился, что она хочет продать.

По причине исключительно скверного настроения Екатерина Кирилловна в несвойственной ей грубой форме заметила, мол, не его это, в сущности, дело. Молодой человек с предельной учтивостью произнес в ее удаляющуюся спину, что все равно он заплатит больше.

Цена, которую предложил продавец, даже ей, весьма далекой от коммерции особе, показалась оскорбительной. Выплыв из дверей магазина, она величественно кивнула молодому человеку.

Но поскольку показывать товар из-под полы или, что еще хуже, заходить в ближайшую подворотню она не считала для себя возможным, то молодой человек с внушающей доверие наружностью был милостиво приглашен в гости.

Надо сказать, Мишель оправдал ее ожидания. Он по-настоящему знал книги, любил их и мог говорить о них часами. А своим не вполне законным, по советским понятиям, делом занимался не ради какой-то баснословной наживы, а, скорее, по наследственной склонности: его прадед приехал в конце девятнадцатого века в Петербург из Ярославля и стал «холодником», то есть торговал книгами на улице, с лотка.

Услышав эту историю, Екатерина Великая Мишеля душевно полюбила и открыла

Братный пра
ему двери
очередь.
вещал их,
мог, безот
С тех
...Пров
Екатерина
Альке за
— И ч
морочишь
тыре стор
Алька
прозрачно
— Так
Екатери
с укором,
ворила:
— Легк
хание...
Екатери
На лю
была обре
особой вл
чайню и ка
ность меж
ной газова
устранивал
ва, родите
ведке) "

ему двери своего дома. А Мишель, в свою очередь, влюбился безответно в Альку, навещал их, когда было время, и помогал чем мог, безотказно.

С тех пор прошло пять лет.

...Проводив Мишеля и убирая со стола, Екатерина Великая беззлобно выговаривала Альке за ее бессердечность:

— И что же ты, негодница, голову ему морочишь. Отпустила бы парня на все четыре стороны.

Алька подняла на нее свои смеющиеся прозрачно-голубые глаза:

— Так ведь скучно будет, бабулечка!

Екатерина Великая рассмеялась и не то с укором, не то с тайной гордостью проговорила:

— Легкое дыхание ты, Алька, легкое дыхание...

Екатерина Великая обожала Бунина.

На любовном фронте Алька, казалось, была обречена на вечные победы. Хотя сама особой влюбчивостью не отличалась. Случайно и как-то впопыхах потеряв девственность между кухонным шкафом и зажженной газовой плитой (в десятом классе они устраивали лютые сборища у Витьки Попова, родители которого работали в геологоразведке) и пережив на первом курсе Универ-

ситета весьма сильное увлечение и не менее сильное разочарование, она подуспокоилась и последующие годы лишь благосклонно и снисходительно принимала знаки внимания многочисленных ухажеров. Ну, не метлой же их было разгонять, в самом деле...

Вот так и ждала своего принца.

Номер в «Гранд-отеле Европа» доставлял Альке подлинное наслаждение. Она вообще обожала жить в гостиницах, но жить в гостинице в своем собственном городе — в этом было что-то особенное...

Она чувствовала себя своей и в то же время как бы посторонней. Такое легкое раздвоение личности будоражило ее, заставляло работать воображение. Сейчас в ней проживали свое прошлое и настоящее одновременно два человека: Алька Захарова и Александра Стюарт.

С Невского она свернула на Михайловскую улицу. Роскошный, элегантный отель словно подтверждал, что Петербург вновь вернулся в ранг мировых столиц. Деревья на площади Искусств были окутаны сеткой из маленьких зажженных лампочек, а подсвеченный имперский желто-белый Русский музей, казалось, парил в воздухе.

Из прошлой жизни здесь был, пожалуй, только дежурный голубь на голове у Пушкина. Александра еще утром с удовольствием отметила наличие птицы. Но сейчас, за поздним временем, и та смылась.

Александра вошла в отель. Прелестный крытый внутренний дворик служил одновременно и местом регистрации. Она уже направлялась к лифту, одновременно доставая из сумочки пластиковую карточку-ключ, когда к ней с улыбкой подошла сотрудница отеля.

— Извините, вы миссис Стюарт?

— Да, это я. — Александра удивилась, что кто-то здесь заинтересовался ее персоной.

— Вам просили передать вот это.

— Мне? — Александра удивилась еще больше.

На конверте красивым уверенным почерком и, что самое удивительное, ручкой с настоящими чернилами было выведено ее имя: «Для госпожи Александры Стюарт». Странно. Никто, кроме Ритки, не знает, что она в Петербурге, да и знать-то уже особенно некому.

Она поднялась на четвертый этаж, вошла в номер, сняла сапоги, скинула на кровать шубку и, усевшись в кресло, вскрыла конверт.

Бумага «верже»... Изысканно и красиво, ничего не скажешь. В таких вещах она

знала толк. Едва ощутимый запах дорогого мужского парфюма. Надо же, прямо кино какое-то.

На бумаге той же рукой, что и на конверте, было написано: «Александра Васильевна, позвоните, пожалуйста, по этому телефону». И номер. Все. Немного словно, надо признать. И кто бы это мог быть?

Неопределенности она не терпела и поэтому, пересев к столику с телефоном и положив перед собой письмо, набрала незнакомый номер.

Ноябрьские отсалютовали, солнечная ясная погода сменилась обычным питерским осенним ненастьем.

Алька продолжала по мере сил освещать в своей колонке культурную жизнь города, перемещаясь с выставок в театры, из театров в коллективы художественной самодеятельности, в промежутках, в виде «халтуры», снисходя до коровников и курятников.

Однажды вечером Алька, прежде чем идти домой, решила заглянуть в «Петухи».

Эту столовую возле своего дома она часенько посещала, когда хотелось выпить чаш-

ку хорошего кофе (второе место после «Сайгона»), побаловать себя порцией взбитых сливок, поглядеть на университетскую публику да поболтать с молодыми художниками, которые там кучковались, поскольку заведение находилось аккурат по дороге от Академии до метро.

Только она начала разматывать свой длинный шарф, как за одним из столиков приветственно вскинулась рука.

— О, Александра Васильевна, двигай к нам!

Махнув в ответ, Алька подошла к столу, за которым сидел ее приятель, скульптор Витя Архипов, в компании загорелого молодого человека. Мужчины вежливо привстали и предложили Альке стул.

— Что это ты, Витюша, меня по имени-отчеству величаешь?

— Так ведь уважаю, Алечка. Помнишь, еще по весне ты про нашу выставку в своей газете писала? Так я уже второй заказ после этого получаю. Вот, кстати, познакомьтесь. Стефан Ивич. Братская Югославия. Заканчивает у нас искусствоведческий. А это — Александра Захарова, надежда отечественной журналистики.

Молодой человек в модной вельветовой куртке и небрежно повязанном кашне взял в свою загорелую руку озябшую Алькину ла-

дошку, прикоснулся к ней губами и поднял зеленые глаза. Его длинные, выгоревшие по краям ресницы сомкнулись и разомкнулись.

И Алька поняла, что пропала.

С тех пор они встречались почти каждый день.

Не по-здешнему элегантный и раскованный, Стефан притягивал взгляды, казалось, всего женского населения города. Но Альке это даже нравилось. Ведь из тысяч женщин он выбрал именно ее.

Они были потрясающей парой: светловолосая, ясноглазая, изящная Алька, и он — высокий, смуглый, с выгоревшими на адриатическом солнце волосами и зелеными равнодушными глазами.

Стефан водил Альку по кафе и ресторанам, о которых она в обычной жизни и мечтать не могла. Покупал ей цветы и дефицитные продукты. Видно было, что в деньгах он не нуждается.

Как-то пригласил их с Риткой в расположенный под самой крышей ресторан гостиницы «Европейская», поил шампанским и рассказывал о полуострове Истрия в Северной Адриатике, о городе Пиран, откуда он был родом (Стефан говорил на итальянский лад — Пирано, подчеркивая этим свою близость к волшебной, какой-то совершенно не-

сбыточной для них с Риткой Италии), о Венеции, до которой морем рукой подать — всего-то три часа на катере...

Признания в любви слетали с его уст так же легко, как пожелания доброго здоровья. И выражение его нездешних адриатических очей всегда оставалось несколько отрешенным.

После этих свиданий Алька влетала домой как чумовая, без всякого аппетита съедала подогретый Екатериной Великой обед или ужин (в зависимости от времени суток), пристраивалась в кресле против окна и сидела так, глядя в одну точку и шевеля изредка губами. Потом она открывала старый, дореволюционный еще, чудом сохранившийся атлас, и ее жгучие слезы капали прямо в безмятежное, ничего не подозревающее Адриатическое море.

Екатерина Великая начала беспокоиться. Не только состояние Альки внушало ей тревогу. Она хорошо знала повадки дорогого государства и понимала, что за столь тесную дружбу с иностранцем, пусть даже из дружественной (правда, слишком западно расположенной) республики, могут по головке не погладить. К тому же особых симпатий

ей этот чудо-мужчина (Екатерине Великой приходилось довольствоваться только рассказами Альки, которая боялась приводить столь ярко выраженного «нездешнего» красавца в густонаселенную коммуналку) почему-то не внушал.

Поздними вечерами, когда соседи окончательно расходились по своим комнатам, Алька пробиралась в коридор, садилась на маленький стульчик возле общественного телефона и подолгу вполголоса, переходя на шепот, изливала душу подруге Ритке.

Потом наконец ложилась, брала с полки у изголовья любимый черный томик Ахматовой и читала вслух бодрствующей из солидарности Екатерине Великой:

— «Подушка уже горяча с обеих сторон. Вот и вторая свеча гаснет...» Слышишь, бабуля, она мучается, не спит, ей душно, — ну, помнишь, как пушкинской Татьяне, — уже и подушку перевернула... А вот еще: «Я на правую руку надела перчатку с левой руки...» Видишь, какими рассеянными становятся люди от любви...

— Да все я слышу и вижу, Алечка! Давай уже спать, поздно.

— Вот еще, послушай: «Перо задело о верх экипажа. Я поглядела в глаза его...» Вот как любит! Ничего, кроме него, вокруг не ви-

дит. Чуть лоб себе не расшибла, выходя из кареты...

Екатерина Великая всхлипывала, и было непонятно, плачет она или смеется.

В третьем часу ночи Алька гасила ночник, и обе они засыпали.

Последнее утро две тысячи четвертого года было солнечным и ясным. Сквозь неплотно задернутые тяжелые шторы это было хорошо видно.

Александра счастливо потянулась на шелковых простынях, потом легко вскочила, сделала привычный утренний комплекс упражнений и начала набирать воду в джакузи.

Какое-то вчерашнее дело осталось незавершенным. Она потерла лоб. Ах да, письмо с номером телефона! Вечером ей ответил автоответчик. А с этой персоной Александра общаться не любила и потому повесила трубку.

Утренний звонок принес тот же результат. Но сейчас ей было не до размышлений о загадочном незнакомце. На одиннадцать у нее была назначена встреча с группой англичан. Отказаться она не могла. Это были деловые партнеры ее мужа. Им предстоял

бизнес-ланч с российскими коллегами, и Александра, будучи confidentом англичан, как нельзя лучше подходила на роль переводчика.

Освободившись около трех, она вернулась в отель, переоделась в ажурное кремовое платье от Диора, взяла большую сумку с подарками, заказала такси и уже через час была в Озерках, в старой Риткиной квартире.

В кухне дым стоял коромыслом. Верная подруга жарила и парила, точно ждала в гости не одну Альку, а роту голодных солдат.

— А чадо куда спроварила?

— Федор с классом в зимний лагерь укатил, в Кавголово. Ничего, еще успеешь наглядеться. Раздевайся, проходи, садись. — Вытерев руки о передник, Рита достала со шкафа пластиковую папку. — Вот, миссис Стюарт, получай свой шедевр обратно.

— Ой, Ритусь, неужели осилила за два дня?

— А фиг ли нам, красивым бабам. У меня ведь не семеро по лавкам. Продукты ты сама закупила, мне только готовка и осталась. В общем, есть тут у меня один знакомый издатель. Вернешься из Москвы — отведу.

— Рит, ну а вообще — как?

— И вообще, и в частности — хорошо. Душа заныла, будто я в прошлом побывала.

Ну, хватит, давай друг другу подарки дарить. А потом пировать начнем.

Александра стала выгружать сумку.

Ритка сняла передник и радостно, точно ребенок, зашуршала яркой оберточной бумагой. Золотистый кашемировый джемпер оказался впору. А флакончик «Шанели № 5» она любовно прижала к щеке.

— Помнишь, что мне нравится, Алечка, спасибо. Ой, да тут еще целый вагон косметики! Так этого ж мне по гроб жизни хватит! А это что за чемоданчик?

— А это Федору игровая приставка к телевизору. Представляешь, человеку уже пятнадцать, а я его еще ни разу не видела, только на фотографиях...

— Ну, Алечка, ты и его побаловала, спасибо, родная.

Смахнув слезу, Ритка скрылась в спальне. Через минуту, охая от тяжести, она вынесла в обеих руках новый восьмитомник Булгакова.

— Читай, подруга дорогая! Помнишь, как раньше из-под полы доставали...

Полюбовавшись подарками, они принялись не спеша накрывать на стол.

Александра сочувственно поглядывала на подругу. Родив сына, Ритка ушла из суетной журналистской профессии и до сих пор

преподавала в Полиграфическом институте. Риткины вроде и не старые еще родители ушли один за другим пять лет назад, а через два года погиб в автокатастрофе ее муж.

Если бы Алька не подбрасывала с оказиями денег, совсем бы худо ей приходилось, ведь какая у преподавателей зарплата? Слезы одни.

Александра с нежностью и печалью смотрела на осунувшееся, покрытое сеточкой морщин лицо любимой подруги. Да, уколом ботокса тут уже не отделаешься. Она ласково погладила ее руку.

— Ничего, Ритусь, прорвемся, и не такое бывало...

Новый год встретили тихо и вкусно. В двенадцать выпили по бокалу шампанского, потом водкой помянули своих.

— Знаешь, Алька, когда ты свинтила, ну, уже насовсем, Екатерина Великая очень сдала. Год еще как-то держалась, а потом... Если бы не Мишель, совсем плохо было бы. И хороший, в сущности, он. Я так была, на подхвате.

Аля опустила голову на руки, затуманилась.

— Рит, знаешь, я иногда думаю, как бы моя жизнь повернулась, останься я тогда. Я ведь сюда за собой прежней приехала. Ведь живу последние годы *там* с ощущением, что

Б...
часть ме...
это? А М...
Рита...
отправил...
третий ч...

Хож...
нов, гол...
рожные...
всеми з...
так долго...
чуть был...
коннике...
кающиеся...
Однаж...
шель. Он...
ка никого...
И Мишел...
жанный по...
гами, нав...
от счастья...
савцу, не...
В само...
шил, что...
взял акад...
Осталось...
что и был...
2 Звк. № 32

часть моя бродит здесь. Скажешь, нормально это? А Мишка? Знаешь о нем что-нибудь?

Рита неопределенно пожала плечами и отправилась на кухню ставить чайник. Шел третий час ночи.

Хождение по улицам, посещение ресторанов, головокружительные поцелуи и судорожные объятия в ледяных, продуваемых всеми зимними ветрами подъездах — нет, так долго продолжаться не могло. Как-то их чуть было не застучали на широком подоконнике какой-то очередной лестницы спускающиеся жильцы.

Однажды на Невском их встретил Мишель. Они шли прямо ему навстречу, но Алька никого и ничего вокруг себя не замечала. И Мишель, прижав к груди свой старый кожаный портфель, набитый неизменными книгами, навсегда запомнил Алькино ослепшее от счастья лицо, обращенное к высокому красавцу, небрежно обнимающему ее за плечи.

В самом конце декабря Стефан сообщил, что его сосед по комнате в общежитии взял академку и уехал в родной Свердловск. Осталось только договориться с вахтером, что и было сделано за определенную мзду.

Теперь они могли спокойно встречаться в почти домашней обстановке, в тепле. Это были дни настоящей, горячей, всепоглощающей близости. Такого Алька еще не испытывала ни разу.

Екатерина Великая, понимая, что скандалы и запреты ни к чему, кроме отчуждения, не приведут, просила ее об одном — приходить ночевать домой.

Стефан познакомил Альку со своими земляками, студентами из Югославии. Эти милые веселые ребята и девчонки, сносно болтающие по-русски, неплохо чувствовали себя в чужой стране, чужом городе. Многие из них потихоньку занимались мелкой коммерцией (как было принято выражаться в Советском Союзе — спекуляцией). Они привозили из Югославии фирменные джинсы, обувь, сигареты, косметику, и все это улетало в считанные мгновения и за приличные деньги, ведь советский ассортимент не отличался ни изысканностью, ни разнообразием.

Иногда Стефан пропадал на два-три дня. Появляясь, никогда не рассказывал, где был и что делал. А расспрашивать Альке не позволяла гордость. Она страдала, но терпела.

Ей казалось, что она и жизнью могла бы пожертвовать, только бы опять и опять повторялись их встречи в маленькой комнате студен-

ческого общежития на Васильевском острове, и, целиком отдаваясь своему чувству, хотела взамен только одного — чтобы ее любили.

Как-то после Нового года Стефан предложил Альке немного заработать. Она ответила, что готова попробовать. Во-первых, подходило время раздачи долгов, во-вторых, если Стефан просит, значит, это ему тоже нужно. Отказывать любимому человеку ей не хотелось.

На другой день он принес на продажу пару фирменных джинсов. Узнав их цену, Алька обомлела: да у нее и знакомых, которые могут себе такое позволить, раз-два и обчелся! Но, заметив тень разочарования в потемневших глазах Стефана, согласилась. Только действовать она решила не через подруг — это было бы малорезультативно и долго, — а через преданного и безотказного Мишеля.

Тем же вечером она договорилась с ним о встрече.

Они встретились в «Лягушатнике». Поникший вид Мишеля обеспокоил Альку, но

вдаваться в чужие подробности у нее сейчас не было времени.

— Понимаешь, Мишечка, мне очень нужна твоя помощь. Ты же весь Невский знаешь. Помоги «толкнуть» пару джинсов.

Брови у Мишеля поползли вверх от удивления.

— Ну, Аля, от кого угодно мог ждать такое, но не от тебя. Это для твоего импортного хахаля, что ли?

— А ты откуда про него знаешь?

— Да видел тут вас недавно. Мимо прошла и не заметила. — Мишель опустил голову.

Теперь понятно, по крайней мере, почему у него такой расстроенный вид. Однако сдаваться так легко Алька не собиралась. Она дотронулась своей маленькой ладошкой до руки Мишеля и заставила его посмотреть ей в глаза.

— Миш, это мне надо — не ему. У меня ж долги, сам знаешь. Познакомь меня с нужными людьми.

— Еще чего не хватало. Лезешь не в свое дело. Неприятностей захотелось?

Так грубо Мишель никогда с ней не разговаривал. Алька даже подскочила на месте, едва не опрокинув вазочку с мороженым.

— Ревнуешь, да? Ну и пошел к черту. Сама справлюсь.

Она подхватила сумку, собираясь уходить.

— Пой, не надо. И не в ревности дело. Давай твои джинсы. Я помогу. А про долг забудь.

Алька передала ему непрозрачный целлофановый пакет. Тетка с ребенком за соседним столиком подозрительно покосилась на них.

— Давай, Миша, расплатимся и уйдем отсюда. Как-то мне не по себе.

— Тебе и будет не по себе, если с этим типом не развяжешься.

— С этим типом? Да как ты смеешь? — Алька почувствовала, что слезы закипают у нее в горле.

Мишель бросил на стол десятку, схватил Альку за руку, и через минуту они были уже на Невском.

— Прости меня, Алечка, только не плачь. Я все сделаю, что ты просишь. А сейчас езжай домой. Пожалуйста.

Он довел ее до метро и, не дожидаясь, пока она войдет внутрь, махнув рукой, пошел в сторону Гостиного двора.

Через день Мишель принес Альке деньги. Триста рублей. Она держала в руках больше, чем свою двухмесячную зарплату. Боже,

как все просто оказалось! Сколько проблем можно, оказывается, решить одним махом.

Обрадованная, она поехала в общежитие, к Стефану. Он вернул Альке все «заработанные» ею деньги, похвалил, назвал «своей маленькой умной девочкой» — с его акцентом это вышло особенно нежно — и кружил ее по комнате до тех пор, пока они вместе не упали на кровать. Стягивая с Альки одежду, он шептал, что если она ему поможет, то они очень скоро разбогатеют и тогда поедут вместе на его родину, где он познакомит ее со своей мамой, со своими братьями, со своими сестрами...

«Господи, сколько же их там? И вообще, какая мама? Это же все совершенно нереально! Да что со мной происходит?» — еще успела подумать Алька, пока вообще не потеряла способность думать, целиком растворяясь в своей любви.

С того дня жизнь Альки шла как в горячке. Многочисленные друзья Стефана, боявшиеся открыто торговать в общежитиях, начали приносить вещи. Горы вещей. Хранить все в комнате Стефана было невозможно. Часть пришлось отнести домой.

Екатерина Великая, все поняв, презрительно поморщилась и на какое-то время прекратила с Алькой разговаривать.

Очередной раз встретившись с Мишелем в Катькином садике, Алька стала умолять, чтобы он напрямую вывел ее на нужных людей. Тот наотрез отказался. Тогда прямо на скамеечке Алька заплакала. Сначала Мишель даже не понял, что она плачет. Просто слезы тихо и безостановочно катились по ее щекам.

Мишель внимательно посмотрел на Альку. Выражение упрямой, бесповоротной решимости на ее лице пугало.

— Ладно. Твоя воля. Но если будут проблемы, сразу звони.

Теперь Алька фактически работала передаточным звеном между Стефаном, его друзьями и известными питерскими фарцовщиками.

Денег стало много, и необходимость в ежедневном хождении на работу с ее рутинной и идеологическими заморочками отпала как бы сама собой. Но совсем не работать было нельзя. Это грозило статьей «за тунеядство» со сроком до двух лет лишения свободы.

Как-то, сев напротив Екатерины Великой, Алька сообщила, что хочет устроиться

в котельную. Очень удобно. Сутки через трое. А что? Многие из ее богемных приятелей литераторов именно так и сделали.

Услыхав такие речи, Екатерина Великая стукнула по столу кулаком и сказала, что только через ее труп. Пришлось подчиниться.

На работе Володька Архангельский, нагло сев боком на ее письменный стол, однажды поинтересовался, на какие это шиши она купила себе столько фирменных шмоток и почему совершенно устранилась от общественной жизни.

Алька подняла на него прозрачные невинные глаза, улыбнулась и молча показала фигу.

После сессии Стефан засобиравлся домой, на каникулы. Они бегали вместе по магазинам, покупали подарки его многочисленной родне и еще товар на продажу.

— На продажу? — удивилась Алька. — Да кому это там нужно?

Стефан со снисходительной улыбкой объяснил, что на его родине очень ценятся икра, водка, янтарь, золото — те вещи, которые здесь можно купить за бесценок.

— Вы, русские, смешные люди: покупаете джинсы за сумасшедшие деньги, а золото продаете за копейки!

За русских Алька в душе обиделась, но урок запомнила.

Вскоре Стефан, нагруженный подарками и вещами для продажи, улетел в свою далекую сказочную страну. И Алька погрузилась в мрачное, изнуряющее ожидание.

А через несколько дней позвонил молодой человек и, представившись земляком и другом Стефана, попросил о встрече.

Собственно, друзей оказалось двое. Аспиранты с кафедры русской филологии университета. Встречу назначили в «Петухах».

За чашкой кофе они сообщили Альке, что, уезжая, Стефан посоветовал им обратиться к ней с выгодным деловым предложением. У Светлоша, так звали одного из молодых людей, была возможность переправить из Белграда в Ленинград большую партию спортивных костюмов и кроссовок фирмы «Адидас».

Одеться во что-нибудь «адидасовское» было тогдашней мечтой многих советских парней и девушек. Даже поговорка ходила: «Тот, кто носит „Адидас“, тот и Родину продаст».

Друзья сказали, что на продаже этих вещей и Алька, и они неплохо заработают. Де-

ло за малым. Надо найти пять тысяч рублей для закупки товара.

Конечно, для Альки это была астрономическая сумма. Но ей так хотелось помочь землякам Стефана! Да и сам он, конечно, обрадуется, что ей удалось заработать.

И еще у нее была тайна. Как только в руки к ней потекли деньги, она стала откладывать на кооперативную квартиру. Пусть на самую малюсенькую, но квартиру, которая сможет стать их со Стефаном домом. Две тысячи рублей она уже огложила на это дело. Хорошо. Предположим, две тысячи у нее есть. Осталось найти три. А ее «навар» составит, как сказал Светлош, восемь. Но где взять эти три тысячи? Она попросила новых знакомых позвонить через пару дней, а сама бросилась к Мишелю.

Они встретились в субботу на Невском, во время ежедневного обхода Мишелем букинистических лавок. Видно было, что к общению он не расположен. За три недели, что они не виделись, он еще больше похудел, потемнел лицом и держался довольно-таки отчужденно. Однако Мишель был единственным человеком, который мог сейчас реально помочь ей.

Брачный п

Аль
за, брат
как мог
тормоз
мерзла
рестора
— С

В это
было. За
тями. С
окнами,

Альк
бутылку

Он п
— Не

это тебе
Непо

заказанн

чиво эк
время е

— Да
Она

обойтис

жения п
далско.

эти мину
заставля

Полож
учени...

Алька улыбалась, заглядывала ему в глаза, брала под руку — в общем, кокетничала, как могла. Наконец ей удалось немного растормошить Мишеля. Сказав, что ужасно замерзла и проголодалась, она затащила его в ресторан «Кавказский».

— Сегодня я тебя гуляю, Мишечка!

В это ранее время посетителей почти не было. Заманчиво пахло восточными пряностями. Скатерти были в меру чистыми. За окнами, как в немом кино, двигалась толпа.

Алька заказала двести граммов водки, бутылку «Хванчкары», лобио, шашлык.

Он посмотрел на нее с удивлением:

— Не многовато ли будет, Алечка? Зачем это тебе нужно?

Непонятно было, что он имеет в виду — заказанную выпивку или то, как беззастенчиво эксплуатировала Алка все последнее время его чувства к ней.

— Да нет, Мишечка, в самый раз.

Она понимала, что без Мишеля ей не обойтись, и, кажется, собиралась ради достижения поставленной цели зайти как угодно далеко. Она сама себе была отвратительна в эти минуты, но что-то, что было сильнее ее, заставляло Алку говорить и действовать.

Положив руку на руку, точно примерная ученица, она сидела против Мишеля, блед-

ная, прелестная, с мрачным огнем решимости во взгляде.

Официант принес заказ и разлил по рюмкам водку. Они чокнулись, не глядя друг другу в глаза, и Алька выпила, забыв закусить.

— Знаешь, Миша, там у меня, кажется, — всё. Мы не встречаемся. — Алька подумала, что не слишком-то она и врет: учитывая, что Стефан в отъезде, они действительно не встречаются. — Я поняла, что мне нужен рядом настоящий друг.

Вторая рюмка водки теплом разлилась по животу и быстро достигла головы. С утра Алька ничего не ела.

Мишель молча и вдумчиво жевал шашлык. Похоже, он решил дать Альке полностью выговориться.

— Мне тут предложили одно клевое дело. Миш, заработаем, снимем квартиру поближе к центру, уедешь из своей халупы. Сколько можно с родителями жить-то...

Мишель перестал жевать.

— Так вот зачем ты все это затеяла, Алечка. Молодец, нечего сказать. И сколько же тебе надо?

Он почти со злостью посмотрел на разругавшуюся от водки Альку.

Та поведала ему об авантюре с «адидасовскими» шмотками.

— Ну, знаешь ли, таких денег и у меня нет.

— Мишечка, помоги, очень прошу.

В голосе ее звучала мольба.

— Завтра принесу полторы тысячи, больше не смогу. — Отодвинув тарелку с недо-
еденным шашлыком, он встал. — Извини,
у меня дела.

И ушел, оставив Альку одну.

Весь остаток дня и часть следующего она металась по городу, «стреляя» у друзей и знакомых в долг. Кто-то дал двести рублей, кто-то триста — в общем, нужная сумма была собрана. Всем она обещала отдать долг через две недели. Мишель на углу Невского и Садовой молча сунул ей в руку пакет с деньгами, молча же повернулся и зашагал в сторону Катькиного садика.

В понедельник Алька отдала всю сумму «югославским товарищам».

Через неделю вернулся Стефан. Алька была на седьмом небе от радости. Она рассматривала подарки: несколько блузок, бижутерию и, главное, большую морскую раковину. Это была единственная вещь, о которой она просила Стефана.

Алька осторожно взяла это отливающее изнутри нежным розовым перламутром сокровище и приложила к уху. Слушая шум Адриатического моря, шум прибрежных сосен, движимого теплым адриатическим ветром песка, непостижимый шум свободы, она счастливо смеялась.

А кроме этого Стефан привез два чемодана вещей для реализации.

Прошла еще неделя. От друзей Стефана не было ни слуху ни духу. Желая сделать сюрприз любимому человеку, она все это время молчала. Но теперь стала не на шутку тревожиться. Наконец она не выдержала и рассказала Стефану о том, что отдала пять тысяч рублей людям, представившимся его друзьями.

Был одиннадцатый час вечера. Они лежали в постели. Стефан в задумчивости курил, Алька же, уткнувшись носом в его плечо, с наслаждением вдыхала запах дорогих сигарет вперемешку с запахом его пропитанной южным солнцем кожи.

Услышав новость, Стефан отстранился и с холодным изумлением посмотрел на Альку.

— О чем это ты, дорогуша?

Алька похолодела от ужаса и повторила свое сообщение.

Через секунду Стефан был на ногах. Швыряя Альке ее вещи, он кричал, что подобной идиотки в жизни не видел, что никаких таких друзей у него нет и вообще пусть убирается отсюда. Это все не его проблемы.

Идти от Третьей линии, где находилось общежитие Академии художеств, до ее Шестой было всего ничего. Но Альку, потерявшую от ужаса голову, понесло к Неве, где повсю мела февральская метель.

Когда Алька в полночь вернулась домой, на ней лица не было. Ее, насквозь продрогшую, с блуждающим взглядом, Екатерина Великая, ни слова не говоря, уложила в постель и накрыла двумя одеялами. Всю ночь она с содроганием сердца слушала, как Алька всхлипывает и стонет во сне.

Утром Екатерина Великая попыталась напоить Альку горячим чаем. Но ту стало рвать. Алька опять легла лицом к стене и не двигаясь пролежала до ночи.

Все было кончено. Ее предали. Волшебный принц из сказки оказался подонком, а она — наивной простушкой. Ее любовь была растоптана. Надежды на другую жизнь кончились крахом. Она осталась наедине с

пустотой, безнадежностью и, главное, огромным, неподъемным долгом, который надо было скоро отдавать.

Так она пролежала три дня. Ей звонили с работы, звонили знакомые, прослышавшие каким-то образом об Алькиных проблемах и, естественно, обеспокоенные судьбой своих денег. К телефону Алька не подходила.

Когда она встала с кровати, старые вещи болтались на ней, как на вешалке. Но это была уже другая Алька — собранная, сосредоточенная, с холодным блеском в глазах. Она стала звонить Мишелю, но того все время не оказывалось дома.

На другой день она продала почти за бесценок остатки югославских шмоток фарцовщику из Гостинки. Появились хоть какие-то деньги — подъемные.

Часов в шесть вечера Алька начала собирать сумку. Она решила уехать из этого города, сбежать от позора, от невыносимых долгов, от необходимости смотреть в глаза друзьям, знакомым, Екатерине Великой, наконец.

А главное, Алька твердо решила всеми мыслимыми и немыслимыми путями зара-

ботать деньги, вернуть долги, отстоять свое право жить так, как она хочет.

Сев напротив Екатерины Великой, Алька, вдохновляемая ужасом настигшей ее беды, врала на голубом глазу, что в Москве ей давно уже предложили серьезную работу в одном известном издательстве, что она раньше сомневалась, а теперь решила ехать.

Екатерина Великая выслушала всю эту ахинею, не проронив ни слова. Было непонятно, поверила она Альке или нет. Ее большие породистые руки беспомощно лежали на коленях. Алька поднялась и прижала к груди седую, с неизменным аккуратным перманентом голову Екатерины Великой:

— Не волнуйся за меня, все обойдется.

Та в ответ только слабо махнула рукой.

В десять вечера она встретила на Московском вокзале с Риткой. Милая, добрая, рассудительная Рита смотрела на Альку круглыми от страха глазами.

— Алечка, не уезжай, не надо, может, все образуется. Где ты там будешь жить-то?

— Ничего, Ритуся, не образуется. Мне надо заработать как-то кучу бабок. Наверно, я знаю, как это сделать. — Риткины глаза ок-

руглились еще больше. — А жить первое время буду у Юли. Помнишь, она до третьего курса с нами училась, а потом вышла замуж за москвича. Так вот, с москвичом она развелась, а от его двухкомнатной квартиры оттяпала себе однокомнатную. Пока у нее и буду. Дальше — посмотрим. — Алька передала Рите написанное накануне заявление об уходе с работы. — Вот, передай теткам в отдел кадров. Скажи, чтоб не поминали лихом.

На перроне они обнялись. Алька, из последних сил сдерживаясь, чтобы не разреветься, попросила Риту присматривать за Екатериной Великой. Та, глотая слезы, кивнула.

— Не бойся, Алечка, мы-то здесь как-нибудь. Сейчас главное, чтобы у тебя все получилось.

Когда одиннадцатичасовой скорый тронулся, Алька долго махала идущей вдоль перрона подруге. Потом поезд прибавил ходу, перрон внезапно оборвался, и за окнами началась сплошная беспросветная ночь.

Проснулись они с Риткой поздно. За окном моросил не то дождь, не то снег. Состояние было непонятным, таким, которое

Бра...

всег...

полно...

Но...

всяко...

нута...

казал...

телев...

ное б...

тихую...

По...

Ей на...

жить...

Москв...

двадц...

Рит...

ну «пу...

В г...

ясь вы...

письмо...

Пос...

фону. С...

му, в с...

через д...

Комс...

утро по...

как-то ос...

всегда бывает, когда ложишься далеко за полночь.

Немного послонявшись по квартире без всякой цели, они опять уселись за стол. Вынутые из холодильника вчерашние яства показались еще вкуснее. Потом посмотрели телевизор. Такое законное послепраздничное безделье доставляло им обоим какую-то тихую радость.

После четырех Александра засобиравлась. Ей надо было заскочить в гостиницу, сложить вещи и около одиннадцати быть на Московском вокзале. Тем же поездом, что и двадцать лет назад, она уезжала в Москву.

Ритка метко окрестила ее приезд на родину «путешествием по местам боевой славы».

В гостинице, уже собрав сумку и собираясь выходить, она вспомнила про загадочное письмо.

Поставив сумку на пол, под села к телефону. Опять автоответчик. А ну его к лешему, в самом деле. Она вышла из номера и через двадцать минут была уже на вокзале.

Комсомольская площадь в это промозглое утро последней зимней недели выглядела как-то особенно тоскливо. Слякоть, грязь, ог-

ромная очередь на стоянке такси, снующие тут же частники, толпы мешочников — в Москву из близлежащих регионов один за другим шли так называемые «колбасные поезда». Это голодные соседние области рвались в столицу, чтобы отовариться всем самым необходимым.

И все же Алька любила Москву. Может быть, даже больше Питера. Здесь не было чопорности, больше было домашнего, почти провинциального уюта. Даже названия улиц были по-домашнему ласковые, какие-то свои в доску: Варварка, Ордынка, Маросейка, Стромынка, Божедомка. И сокращениями москвичи пользовались больше питерских: Воробьевка, Преображенка...

Вот туда-то, на Преображенскую площадь, и направилась Алька с вокзала, благо ехать было по радиальной несколько остановок.

Юле Алька сказала, что приехала в длительную командировку собирать материал о молодежных театрах, что поживет у нее с неделю, пока не снимет квартиру, и попросила сделать ей временную полугодовую прописку. Без соответствующего штампа в паспорте жить в Москве было опасно.

Юля сделала все, как просила Алька, ни во что особенно не вникая, поскольку нахо-

дилась в ответственном и всепоглощающем процессе очередного устройства личной жизни.

Через неделю и квартира нашлась, светлая, однокомнатная, на пересечении Мосфильмовской и Университетского. Заплатив хозяйке вперед за шесть месяцев пятьсот рублей и въехав на двенадцатый этаж точечного дома, Алька почти исчерпала всю свою наличность. Надо было думать, как жить дальше.

Каждые три-четыре дня она ходила на переговорный пункт в начале Калининского проспекта, чтобы позвонить Екатерине Великой. Бодреньким голосом Алька рапортовала, что все у нее в порядке, работа движется, ест и спит нормально. Потом звонила Ритке.

Подруга сообщала, что поначалу был, конечно, большой шухер, Алькины кредиторы возбухли, но потом все поутихло. Алькиных фотографий с надписью «Объявлена в розыск» по городу не видать. (Ха-ха! Шутка.)

Выходя из переговорного пункта, нависавшего прямо над Мерзляковским переулком, она шла бродить по арбатским дворам и улочкам, опять и опять умиляясь домашности названий: Скатертный, Хлебный...

В восьмом часу темнело, зажигались окна, и с тротуара можно было подглядеть ку-

сочек чужой налаженной жизни под уютным оранжевым абажуром.

Алька сглатывала подступающие слезы, упрямо сжимала губы и думала, думала...

Было совершенно понятно, что быстро большую сумму денег можно заработать тремя путями: проституцией с иностранцами, фарцовкой и обменом валюты. Других путей не было.

Похоже, фарцовка была самым реальным выходом, тем более что кое-какие навыки у Альки уже имелись. Надо было продумать все: с чего начать, где, с кем...

Несколько дней подряд Алька гуляла по центру. Надо было не только узнать места, где больше всего иностранцев, но где удобнее и безопаснее вступать с ними в контакт. В центре ее внимания была Красная площадь и все интуристовские гостиницы.

Пока она только присматривалась и прислушивалась, взвешивая все «за» и «против». Она видела, что большинство иностранцев — доброжелательные улыбчивые люди, с которыми можно запросто вступить в разговор. Главное, не попасться на глаза милиции и шныряющим всюду гэбистам.

С улыбкой Алька вспомнила байки Женьки, знакомого Мишеля, который занимался своими фарцовочными делами не где-нибудь, а в Эрмитаже.

Так вот, этот Женька рассказывал со смехом, что за копейки закупает советскую военную атрибутику — солдатские кожаные ремни, шапки-ушанки, армейские значки (кто-то из его дальних родственников работал в военном училище), — а потом, где-нибудь в Греческом зале или возле Рембрандта, раскручивает иностранцев. Милиция дежурила в основном у входа, а бабушки смотрительницы принимали Женьку за интуриста, благо одет он был во все импортное и сносно лопотал по-английски.

Рембрандт не Рембрандт, но вот у мавзолея, например, отлавливать иностранцев довольно-таки удобно, особенно во время смены почетного караула. Подойти эдак невзначай и осведомиться о том, какая сейчас погода в Лондоне или, например, в Берлине. Но пока Алька только теоретизировала, собиралась с духом.

Она купила вузовский учебник английского, пластинки, пособия и неделю, почти не выходя из дома, восстанавливала свой разговорный.

Нынешняя московская Алька разитель-но отличалась от ленинградской окончив-

шей Университет сотрудницы газеты «Смена», умеренно сентиментальной барышни, пописывающей стихи в тайную тетрадку, а в своей газетной колонке старающейся если уж не говорить правду, то хотя бы не врать.

Сейчас она дала себе жесткую установку: выжить во что бы то ни стало, выжить и победить.

За решением этой нелегкой задачи Альку настигла весна. С тротуаров и газонов сошел снег, похоронили очередного генсека, у метро бабки стали продавать подснежники, пришел март, помахивая веткой мимозы, и Алька почувствовала, что ледяной ком в ее душе начал таять. У нее словно открылось второе дыхание.

Ничего похожего на питерскую слякоть в Москве не было. Сухой морозец щипал за щеки, под ноги попадались остатки новогодней мишуры, пахло мандариновой коркой, Святками и Рождеством.

Александра огляделась. Площадь Трех вокзалов не слишком отличалась от той, двадцатилетней давности. Кое-что даже прибавилось. Нищие из Средней Азии, грязные бомжи, полулежащие у входа в метро. Зато фаса-

Большой трамвай
ды вокзалов
кой. И конст
Стоянка т
лет назад. Р
сы, и экскур
мя, через ме
цы на экскур
Кроме об
явилось и ми
хозяева зани
Александр
— Пожалу
«Интуристу»,
ному круглол
дым ежиком.
Тот изумле
ством посмот
— Куда-ку
Она повто
— Дорогая
не было в с
Горького, ни
болезнования
— Ах ты, б
вычке, а гости
нула Алексан
предупредить
— Тверска
«Интурист»,

ды вокзалов радовали глаз свежей штукатуркой. И конечно, гораздо больше освещения.

Стоянка такси была там же, где двадцать лет назад. Рядом стояли фирменные автобусы, и экскурсоводы, несмотря на раннее время, через мегафоны зазывали гостей столицы на экскурсии.

Кроме обычных такси с шашечками появилось и много подержанных иномарок, чьи хозяева занимались частным извозом.

Александра села в одну из таких машин.

— Пожалуйста, на улицу Горького, к «Интуристу», — обратилась она к симпатичному круглолицему мужчине с коротким седым ежиком.

Тот изумленно развернулся и с любопытством посмотрел на Александру:

— Куда-куда?!

Она повторила адрес.

— Дорогая мадам, давно же, видать, вас не было в столице. Нынче нет ни улицы Горького, ни «Интуриста», примите мои соболезнования.

— Ах ты, боже мой! Улицу-то я по привычке, а гостиница куда ж подевалась? — ахнула Александра: Ритка ни о чем таком ее предупредить не успела.

— Тверская она и есть Тверская. А вот «Интурист», извините, — под корень.

- Закрыли, что ли?
- Да нет, снесли, как и весь наш СССР. Или вы об этом тоже не в курсе? Так куда едем?
- А «Метрополь» случайно не снесли?
- «Метрополь» на месте.
- Ну и поехали!

Когда они вырулили на Садовое кольцо, у Александры аж дух захватило: в несколько рядов на большой скорости мчались сплошь «лендроверы», «шевроле», «бентли», «мерседесы», слегка разбавленные «фордами», «пежо» и «опелями». Да и само Садовое кольцо, украшенное рекламными щитами, что твоя новогодняя елка игрушками, как бы раздалось вширь, уступая потоку машин.

Через десять минут они уже ехали по Тверской. «Как много купеческой роскоши», — подумала Александра и на повороте к забранной зеленой строительной сеткой гостинице «Москва» краем глаза успела зацепить какие-то «ручейки и пригорки» на Манежной. Уф! Со всем этим надо будет потом разобраться.

Наконец машина притормозила у «Метрополя».

Как и следовало ожидать, Алькино ежедневное хождение по Красной площади при-

Бригачий тра

влекло в
Молодой
дежурства
лочными
ходил к н
в ее лицо
толк — ин
да на разв
бые фирме
курточку и
симально к

Испугав
и трудовая
чавшись, он

Проходя
дывая витри
словутого ф
пару. Улыбч
Алька почему
дожены.

Она сосчи
побольше воз
ным и незави
витрины с по

— До уо
ский прозвуч
но, потому чт
ли к ней чем
ливые лица и

влекло внимание дежурного милиционера. Молодой бдительный сержантик, чьи часы дежурства совпали с Алькиными «пристрелочными полетами», несколько раз подходил к ней почти вплотную и вглядывался в ее лицо. Видимо, никак не мог взять в толк — иностранка она или местная. Выходя на разведку, Алька надевала светло-голубые фирменные джинсы, короткую меховую курточку и яркий шарф. Ей надо было максимально канать за интуристку.

Испугавшись, что ее возьмут на заметку и трудовая деятельность прервется, не начавшись, она ретировалась в здание ГУМа.

Проходя по универмагу и как бы разглядывая витрины, она заприметила возле пресловутого фонтана симпатичную молодую пару. Улыбчивые, с рюкзаками за плечами — Алька почему-то сразу решила, что они молодожены.

Она сосчитала до трех, набрала в грудь побольше воздуха и с максимально беззаботным и независимым видом подошла к ним у витрины с подарками.

— Do you speak English? — Ее английский прозвучал, видимо, вполне убедительно, потому что «молодожены» разом обратили к ней чем-то неуловимо похожие приветливые лица и радостно закивали головами.

Ребята, Моника и Клаус, оказались туристами из ФРГ. Их английский был не многим лучше Алькиного, поэтому общались они практически без проблем.

Выйдя из ГУМа и болтая о каких-то общих вещах, вроде какой красивый город Москва, здесь столько русской старины, они прошли немного по Петровке, свернули на улицу Горького и поднялись к памятнику Пушкину.

Речь зашла о поэзии. Алька сообщила, что замечательный русский поэт Тютчев, современник, между прочим, Пушкина, почти двадцать лет прожил в Мюнхене и его жены (тут Алька немного запуталась в их количестве) были немками. Так что мы, кажется, почти родственники. Моника и Клаус о чем-то радостно переговорили по-немецки и пригласили Альку в гостиницу «Белград», где они остановились.

Они сказали, что хотят сделать их такой очаровательной русской знакомой подарок, ведь они наслышаны, как трудно в России достать хорошие вещи, и сложили в большой фирменный пластиковый пакет новые американские джинсы, яркую пуховую курточку («У нас уже совсем тепло, не пригодится!»), пару кроссовок «Адидас». И еще много всякой мелочи вроде шампуней, губной помады и кремов для лица.

В ответ Алька пригласила их в ресторан «Славянский базар» отведать блюда русской кухни. Все прошло просто отлично. На прощанье они обнялись, пожелав друг другу удачи.

Вечером дома Алька разглядывала трофеи. Это были хорошие классные вещи, которые пользуются у советской молодежи спросом. Прекрасно. К этому следовало добавить сто немецких марок. Их Алька поменяла немцам на рубли по государственному курсу. Значит, на «черном» рынке они уйдут в четыре раза дороже.

Алька ликовала: все же она смогла, перевилила себя и одержала первую победу. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

На другой день она по курсу за рубли купила у высокого рыжеволосого англичанина (ирландца, наверно) еще две пары джинсов. С рук этот дефицитный товар стоил сто рублей, то есть в пять раз дороже, чем в магазине, где его, впрочем, не было.

Первые успехи вдохнули в нее силы и уверенность. Самое главное сейчас — определиться с рынком сбыта. Ничего себе лексикончик — «рынок», «сбыт»... Слышали бы Екатерина Великая, Ритка и Мишель, то-то

удивились бы! И все-таки — рынок сбыта, мать его разэтак.

Полученный в Ленинграде опыт (спасибо, Стефан, хоть тут ты пригодился) подсказывал, что таким рынком являются студенческие общежития. Значит, надо выходить на студентов.

Алька купила телефонный справочник и начала составлять списки нужных ей заведений: общежитий, гостиниц, ресторанов.

Усталая, возвращалась она к концу дня на съемную квартиру, и ей все больше казалось, что она возвращается к себе домой. С балкона открывался потрясающий вид на вечеряющий город: Поклонная гора, изгиб Москвы-реки, широкие зеленые (весна выдалась ранней) массивы, золотые купола Новодевичьего монастыря и над всем этим величественные, огнедышащие закаты... «Настоящий булгаковский город, — думала Алька, — вот только Мастер вряд ли здесь живет. Да и вообще, есть ли он где-нибудь на свете, этот Мастер...» А еще хозяйка сказала, что летом под окнами поют соловьи. Господи, да неужели такое возможно?..

Многолюдная толпа гудела возле центрального входа в ГУМ. В десять утра завет-

ные двери распахнулись, и передние ряды, едва не падая под натиском задних, ринулись внутрь, сметая все на своем пути. И каждое утро продавцы занимали оборонительную позицию за своими прилавками, готовые принять на себя удар жаждущей толпы. Они-то хорошо знали, что все равно на всех этих благ земных не хватит.

Уже в который раз этой взрывной волной Альку отнесло совсем не в тот отдел, который был ей нужен. Она сначала разозлилась, одергивая юбку и джемпер, чуть было не сорванные с нее довольно агрессивными в этот час дня гражданами, а потом рассмеялась. Что поделать, на войне как на войне. Со своей новой деловой ипостасью Алька свыклась, казалось бы, совершенно.

Бочком и по стеночке она пробралась на второй этаж, в отдел «Подарки». С неделю назад у нее образовались две хорошие покупательницы из Италии, которые интересовались янтарными украшениями. Сейчас Алька, склонившись над витриной, рассматривала бусы и кулоны из золотой светящейся прозрачной смолы.

Цифры на ценниках привели бы в неописуемое удивление этих милых итальянских теточек с оливковой кожей и аккуратной, какой-то несминаемой укладкой.

В магазине для иностранцев «Березка» эти бусы на валюту стоили гораздо, просто неизмеримо дороже. Иностранцам, не говорящим по-русски и не ведающим об особенностях местного рынка, порой и в голову не приходило, что на рубли в советских магазинах все было в пять раз дешевле.

Алька, вошедшая в роль успешной коммерсантки, все быстренько в уме сложила и умножила, хотя прежде математическими способностями не отличалась. Но говорят же — аппетит приходит во время еды. Она предлагала своим клиентам, проживающим в центральных гостиницах иностранцам, выбрать товар в «Березке», а купить у нее чуть дешевле, но — в долларах.

Например, в случае с итальянками расчет был простой. В «Березке» янтарные бусы стоили тридцать долларов, а в ГУМе приблизительно двадцать рублей. Алька продавала эти бусы за двадцать долларов. По официальному курсу доллар стоил около семидесяти копеек, а на «черном» рынке за него давали один к семи. То есть «чистой прибыли» у Альки оставалось сто двадцать рублей. Главное, все были довольны — и Алька, и клиенты. Особенно Алька.

Теперь она только успевала закупать русские сувениры в ГУМе и ЦУМе. Но возник-

ла следующая проблема: что делать с валютой? У нее уже скопилась некоторая сумма. Покупать на доллары товары в «Березке» опасно, там каждая продавщица — стукачка. Продавать валюту неизвестным еще более опасно: можно схлопотать срок.

А уж как умеет наказывать родное государство, Алька знала. И пусть ее грешки были сущей ерундой по сравнению, например, с грехом инакомыслия — карающая длань советского закона могла прихлопнуть ее, как ничтожную букашку.

Впрочем, выход напрашивался сам собой, только для него надо было набраться духу.

Совсем недавно, сидя вечером с группой американцев в баре гостиницы «Космос» (Альку даже не остановили на входе, видимо приняв за иностранку), она обратила внимание, что к мужчинам из их компании то и дело подходят симпатичные девушки, приглашая потанцевать.

Девочки явно были «свои» в баре. Администрация не обращала на них никакого внимания, и было видно, что чувствовали они себя здесь достаточно свободно. Интуиция подсказывала Альке, что свои проблемы она сможет решить именно в этом довольно-таки скользком месте. Но что делать. У нее был только один выход — вперед. И, закусив

удила, Алька бросилась в омут совершенно новой для нее жизни.

Для начала она решила сходить в разведку. Выбрала для этого дела гостиницу «Интурист», благо была уже там несколько раз днем и знала почти все бары.

Но прежде Алька сочла необходимым слегка подшлифовать свою внешность. Косметичка, которой она уже успела тут обзавестись, сделала ей несколько питательных масок на лицо, выщипала брови, а заодно подстригла и покрасила волосы, придав им легкий платиновый оттенок.

С матовой безупречной кожей, летящей шевелюрой, в обтягивающих джинсах и итальянской шелковой блузке, она была похожа на дорогую фарфоровую статуэтку. Модные остроносые туфельки довершали картину.

В «Интурист» Алька прошла без проблем, вместе с группой иностранцев. Швейцар не обратил на нее внимания. Затем она поднялась на девятый этаж, в бар-кафетерий, и заняла позицию за маленьким столиком у окна. Она здесь никому не бросалась в глаза, но сама могла хорошо видеть все помещение. Отличный наблюдательный пункт.

Шел седьмой час вечера. Алька заказала кофе и пирожное. Бармен, красавчик лет тридцати пяти, с актерской внешностью и

Братный транз

гладко заче
тельно пос

глазками

нице или

своей фир

кой, прищ

бые глаза

— Я жд

скоро подо

смотрела н

фейной ча

Он улы

Идя сюда,

она из Лен

торым у не

Валюты

мочке лежа

не просроч

газеты «См

няет редак

Вообще-

ее появлени

значном мес

уверенно и

ко «девочка

час он лихо

это «телка»

У барной

шек с высок

гладко зачесанными назад волосами, внимательно посмотрел на нее острыми карими глазками и спросил, проживает она в гостинице или гостя. Алька ошастливила его своей фирменной скромно-нахальной улыбкой, прищурила кристальной чистоты голубые глаза и спокойно сказала:

— Я жду своего друга. Думаю, он должен скоро подойти. — При этом она длинно посмотрела на бдительного бармена поверх кофейной чашки.

Он улыбнулся и отошел от ее столика. Идя сюда, Алька сочинила себе «легенду»: она из Ленинграда, ждет друга-поляка, с которым у нее назначена встреча.

Валюты у Альки с собой не было, в сумочке лежал только паспорт и старое, но еще не просроченное удостоверение сотрудницы газеты «Смсна». В случае чего — она выполняет редакционное задание.

Вообще-то интерес бармена, вызванный ее появлением и упорным сидением в этом значном месте, был совершенно понятен. Так уверенно и спокойно могла вести себя только «девочка», имеющая покровителя. И сейчас он лихорадочно просчитывал в уме, чья это «телка» оказалась на его территории.

У барной стойки сидели несколько девушек с высокими бокалами для коктейля. Они

тихо переговаривались, потягивая через соломинки напитки. Милые, спокойные, красиво, но довольно откровенно одетые, они вроде и не были похожи на представительниц первой древнейшей профессии.

Алька исподволь с интересом наблюдала за ними и вдруг, почувствовав на себе чей-то взгляд, повернула голову. Молодой симпатичный мужчина, сидевший за соседним столиком, приподнял бокал и улыбнулся ей. Ну вот, не хватало еще, чтобы ее приняли за «ночную бабочку»! Алька отвернулась, оставив приветствие незнакомца без внимания.

Бармен, наблюдавший из-за стойки, одобчительно кивнул, а чуть позже, ставя перед ней вторую чашку кофе, дружелюбно и как бы невзначай бросил:

— Не обращай внимания. Немец думает, что ты тут «снимаешь». — Подмигнул и пошел на место.

Алька чувствовала, как ее фарфоровое личико пошло пятнами. Это что же, ее приняли за проститутку?! Однако чувство юмора удержало Альку от опрометчивого желания тут же выскочить вон из бара. «Ну, собственно говоря, я сама немало для этого постаралась». — Она сдержала смешок и еще раз оглядела «девочек». Нет, все же они выглядят куда более сексуально, чем она: короткие

Брачный транз

юбки, выс
крытые бл
яркая косм
чет «снять

И тем
девших в
мание. На
не рассчит

Она вст
с интересо
рентку. Де
Алька обр

— Скаж

реты?

Она зн
фирменны

Алька н
вод для ра
нулся и п
кинула и

Минут
чил ей две
пакетике.

— С те
подмигнул

Эта пр
Альку. Сб

шила дер

— Мен

юбки, высоченные каблуки, максимально открытые блузки (все на вынос) и довольно яркая косметика. Вот кто действительно хочет «снять»!

И тем не менее несколько мужчин, сидевших в баре, явно обращали на нее внимание. На такой эффект Алька, признаться, не рассчитывала.

Она встала и прошла к стойке. Девушки с интересом оглядели новоявленную конкурентку. Делая вид, что ей море по колено, Алька обратилась к бармену:

— Скажите, у вас есть приличные сигареты?

Она знала, что в барах приторговывают фирменными сигаретами.

Алька не курила, просто ей нужен был повод для разговора. Бармен понимающе улыбнулся и показал мимикой: «Выйди». Алька кивнула и вышла в коридор.

Минуты через три бармен вернулся и вручил ей две пачки «Мальборо» в пластиковом пакетике.

— С тебя десятка. Для друга? — Он опять подмигнул с видом заговорщика.

Эта привычка подмигивать раздражала Альку. Сбивала со взятого тона. Но она решила держаться.

— Меня зовут Александра.

— Игорь Николаевич, — ответил бармен и, улыбнувшись, добавил: — Можно просто Игорь. — И, взяв деньги, он скрылся за дверью с табличкой «Посторонним вход воспрещен».

Вернувшись в бар, Алька села у стойки, прикурила от услужливо поднесенной Игорем зажигалки «Zippo» и дружелюбно сказала рассматривающим ее «девочкам»:

— У нас в Питере трудно достать американские сигареты.

Постепенно завязался разговор ни о чем. «Девочки» расспрашивали о Ленинграде. Выяснилось, что некоторые ни разу там не были. К Альке придвинулась симпатичная брюнетка с немного раскосыми синими глазами и высокими, чуть тронутыми тональной пудрой скулами.

— Света, — просто сказала она и улынулась. — А это Ира и Аня.

Длинноногая, тонкая, с прямыми блестящими черными волосами, Света была настоящей красоткой. И, похоже, знала себе цену. Вдвоем с яркой светлоглазой блондинкой Алькой, на контрасте, они смотрелись исключительно эффектно. Кажется, это отметили и все присутствовавшие в баре мужчины. Игорь даже руки потер от удовольствия.

Они разговорились, как будто были столет знакомы. Время летело быстро. Алька посетовала, что ее друг-поляк так, видно, и не придет. Все сочувственно покивали головами. Может быть, и поверили.

В бар входили и выходили мужчины, приглушенно играла музыка. Алька допивала второй коктейль и уже собралась отчаливать потихоньку, когда краем глаза увидела, как маленькая рыженькая Аня ушла с пожилым дородным джентльменом. Игорь вышел вслед за ними и тут же вернулся.

Спустя некоторое время еще один седовласый солидный господин вошел в бар и кивнул Игорю. Света дала Альке номер своего телефона и, извинившись, ушла вместе с этим мужчиной.

Оставшаяся без компании Ира подсела к Альке и, хитро скосив глаза, шепнула:

— Там немец с тебя весь вечер глаз не сводит. Ты как?

Алька засмеялась:

— Забирай, дарю!

Вот теперь, кажется, действительно пора было сматываться. Алька чувствовала, что от нервного напряжения у нее ломит виски и неудержимо тянет зевнуть. Но Игорь движением руки попросил ее задержаться.

Алька уже поняла, что он здесь хозяин. И наверняка его «крышует» КГБ, без этого так не развернуться. С посетителями Игорь держался снисходительно-внимательно, но перед богатыми постоянными клиентами заискивал, почти лебезил. С «девочками» он сюсюкал, без конца добавляя «кисочка», «лапонька», «душечка». Хотя чисто мужского интереса к ним не проявлял никакого. Весь вечер он наблюдал за Алькой. И сейчас, наклонившись к ней, он опять подмигнул (или это у него был тик от нервной работы?):

— Аличка, завтра надень юбку или платье. Please.

— Игорь, о чем это вы? — вскинула брови Алька, хотя прекрасно понимала, что, снявши голову, по волосам не плачут.

Игорь молча положил перед ней салфетку с номером телефона. Алька поблагодарила его за сигареты, взяла двумя пальцами салфетку и, милостиво кивнув присутствующим, на ватных ногах вышла из бара.

Шел двенадцатый час ночи. Покинув гостиницу, Алька через две минуты уже была в метро. Хорошо, что народу в это позднее время совсем мало. Но и те редкие пассажиры, которые оказались в одном с Алькой вагоне, с удивлением и опаской поглядывали на мод-

Брачный т

но одету
бели от

Тако

ожидала

нос, выд

через ка

Ниче

больше,

пустить

чувство

шей на

станови

Альк

ла заско

уж и пл

много д

она раз

квартир

кажет в

Возл

ной зап

дил кол

соловей

Тепе

лейдоск

двумя д

но одетую девицу, сгибающуюся в три погибели от приступов неудержимого хохота.

Такого нервного срыва Алька от себя не ожидала. Глубоко вдыхая и медленно, через нос, выдыхая, она пыталась успокоиться, но через какое-то время опять начинала хохотать.

Ничего не скажешь! Она получила намного больше, чем заказывала. Главное теперь не выпустить ситуацию из-под контроля. Алька чувствовала себя «дрянной девчонкой», вставшей на «скользкую дорожку», но от этого ей становилось только еще веселее.

Алька вышла на «Киевской» и едва успела заскочить в последний троллейбус. Не так уж и плохо все складывалось. Она заработает много денег, она будет умной и осторожной, она раздаст долги и купит кооперативную квартиру, она не позволит себя сломать и докажет всем, всем, всем, что она сильная.

Возле дома Алька замерла: в пропитанной запахом сирени темноте щелкал, выводил коленца, заливался трелями обещанный соловей.

Теперь дни пошли мелькать, как в калейдоскопе. Алька занималась одновременно двумя делами. Продолжала сбывать за рубли

полученные от иностранцев вещи, а иностранцам сбывала купленные на рубли русские сувениры и продукты (икра, водка), и второе дело — главное — продолжала изучать незнакомый, пугающий своим поистине государственным размахом и разветвленностью мир столичных интуристовских проституток.

И хоть говорят: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», Альке пока везло.

Что касается продажи импортных шмоток, то все быстро наладилось и пошло как бы само собой. У нее появилось несколько знакомых: прыщавый очкарик Жора из Университета, маленькая востроглазая Зиночка из Медицинского и рыхлый писательский сыночек Степан из Литературного института. Обычно они покупали у Альки по две-три пары джинсов, несколько фирменных маек с надписями на английском языке и что-то из косметики, а дальше уже «толкали» это среди своих.

Однако существенных денег такая коммерция Альке не приносила. Ведь надо было не только откладывать деньги для покрытия долга, но и жить на них. Одеваться кое-как Алька не могла себе позволить, плюс косметика, да и еда в ресторанах была не самая дешевая, прямо скажем.

Второе дело оказалось куда более хлопотным и опасным. Алька продолжала изучать рынок «сбыта долларов», полученных от продажи сувениров. Она обошла почти все бары в гостиницах для иностранцев: «Космос», «Украина», «Москва», «Россия».

Обстановка везде была приблизительно одинаковая. Во всех гостиницах своя тайная жизнь, свой «хозяйин» и «девочки». Много «девочек». Алька никогда не думала, что советские девушки в таком количестве продаются за валюту в барах и ресторанах. Некоторые из них были студентки, желающие подзаработать на шмотки, другие — барышники из, так сказать, вполне приличных, но небогатых семей...

Тех, кто с удовольствием «прикупал валютку», в развитом социалистическом обществе было пруд-пруди. Кому-то валюта была нужна для дальнейших махинаций (игра на разнице курсов), кто-то умудрялся переправлять валюту на счета в западные банки, кто-то клал в банку под кроватью и ждал лучших времен для ее употребления.

А времена эти, кажется, приближались со скоростью теряющего управление рефрижератора. Началась «перестройка». Страна наполнилась слухами, предположениями, неясными надеждами.

Впрочем, имелась в стране организация, которая «держала руку на пульсе» и действительно знала всё. «Большой брат» по-прежнему курировал все уровни советской жизни (не раз еще Алька вспомнит Оруэлла, которого читала два года назад, в Ленинграде, тайком, лежа под одеялом с фонариком, — боялась, что увидит Екатерина Великая и переполошится).

Особому присмотру подлежал, естественно, и хлебный интуристовский бизнес. Швейцары, горничные, коридорные, бармены, администрация гостиниц не только состояли на службе в органах и получали, официально или неофициально, зарплату, но и «отстегивали» неизбежно прилипавшую к рукам валюту опекавшему их комитетчику с Лубянки. И конечно, большой «навар» был от валютных проституток.

В этой сложной системе и строгой иерархии всех провинившихся, нарушивших правила общей игры строго наказывали, лишая не только доступа к кормушке и карьеры, но порой и жизни.

И чем выше находилась ступенька иерархической лестницы, тем выше был и обменный курс. Так что на уровне «девочек» Альке оставаться не имело смысла. Надо было выходить на их «крышу» и на «крышу» «крыши». Настоящие деньги крутились там.

Вот в это змеиное логово и сунула свою беспечную русую голову Алька Захарова, в прошлом — журналистка, сотрудница почтенной газеты «Смена», а нынче... Кто, собственно говоря, нынче?..

Очень скоро свои посещения гостиниц она свела только к «Интуристу». Причин было, в сущности, две: бармен Игорь явно приваживал Альку, и еще — ее принимали «девочки», а со Светой завязалось даже какое-то подобие дружбы.

До Игоря довольно быстро дошло, что никто за этой любопытной во всех отношениях барышней не стоит и санкции КГБ на ее присутствие здесь не имеется. И все же решил дать ей шанс и попробовать. Делал он это во все не из привычки к благотворительности, нет. Просто понимал, что при хорошем раскладе можно неплохо заработать на этой сколь решительной, столь и неопытной особе.

— Аличка, кисочка, давай я тебе намажу бутербродик масличком, а то у тебя ребрышки торчат.

На что Алька неизменно отвечала:

— Спасибо, Игоречек, а сделай-ка ты мне кофе без сахара.

Он даже испытывал что-то вроде уважения к Альке: при ее-то данных она могла бы и не ограничиваться только «ченьджем».

«Уважение», впрочем, абсолютно не мешало Игорю получать от нее ежедневную мзду в валюте. Бизнес есть бизнес. Здесь думать о моральных аспектах никому и в голову не приходило.

Кроме Игоря (за то, чтоб сидеть в баре) Алька отстегивала по десять законных долларов прикрепленному к гостинице милиционеру и, через Игоря, гэбисту, курирующему эту часть центра Москвы. Учитывая, что доллар стоил на «черном рынке» от семи до десяти рублей, это были очень большие деньги.

Света искренне привязалась к Альке. Ей нравилось покровительствовать «журналистке из Ленинграда», такого «интеллигентного города». Алька, ругая себя на чем свет стоит, не могла не признать, что в ее отношении к Свете преобладает здравый расчет: ей нужна была информация, желательно — много информации. Информированность давала возможность поступать правильно, не совершать ошибок.

Она понимала, что Игорь ей не помощник: он заинтересован в том, чтобы Алька

Братный пра...

работала т
или нево
уровень.

Картин
во всех э
пятнами
впечатля

ла о «ВТО
торой, соб
листике.

Навык
вать срабо
тетрадоchk
факты и
но, была

в руки со
мический
ло бы нес

Так Ал
ских клие
ками». На

Катку с
цев назыв
но какой

«деревян

Алька

шенок вч

нужны гр

шать «фр

работала только на него. А вот Света вольно или невольно сможет вывести ее на нужный уровень.

Картина полного безобразия и растления во всех эшелонах власти идущего трупными пятнами советского строя была настолько впечатляющей, что Алька невольно вспомнила о «второй древнейшей профессии», к которой, собственно, принадлежала, — о журналистике.

Навык фиксировать, запоминать и записывать сработал, и она стала вносить в тайную тетраточку (как раньше — стихи) кое-какие факты и размышления. Глупость это, конечно, была отчаянная: попадись такая тетрадка в руки соответствующих органов (вот анатомический казус — орган с руками) — и ей было бы несдобровать.

Так Алька записала для памяти, что русских клиентов «девочки» называют «рашенками». Например: «Видела вчера на Тверском Катку с каким-то рашенком». Иностранцев называли «фирмачами». Валюту, не важно какой страны, — «ринами», а рубли — «деревянными».

Алька тут же составила предложение: «Рашенок вчера заплатил деревянными, а мне нужны рины». Вообще «девочки» любили мешать «французский с нижегородским». Поэтому

му фразы типа: «Этот халдей (официант) хорошо спикает» или «Пойдем в каба́к, дри́н-нем» — звучали как нечто само собой разумеющееся.

В самом низу лестницы находились дешёвые «трехрублевки». Эти ошивались на улицах и у вокзалов. Обслуживали «рашенков»: таксистов, дальнобойщиков, командировочных, криминальный элемент и низкооплачиваемых членов советского общества (вполне уместный каламбур).

Далее шли ресторанные «феи» из системы советского общепита. Эти были классом выше и работали за «деревянные».

«Ночные бабочки» базировались в солидных гостиницах. Обслуживали советских партийных начальников, подпольных спекулянтов, серьёзный криминал, а также «гостей с юга» и подобных «богатеньких буратин». Эти «девочки» были уже достаточно дорогие. Зарабатывали как в рублях, так и в валюте.

Дальше начиналась «элита». Самыми высокооплачиваемыми были валютные «куколки». Они обслуживали иностранных туристов или работающих в Союзе по контракту зарубежных специалистов за валюту и «стучали» на каждого в КГБ. Это было непреложное условие, одна из составляющих работы.

Бричный п

«Дев

ным от

чались,

но зад

тали на

насколь

ветском

вал ин

и вербо

прибег

«зарубе

для сем

с моско

«Ку

ных ба

листных

лок» в

чайно,

закон.

чок, с

теться

А д

эскорт

ных «

элеган

миль

средс

тов. С

было

«Девочки» писали в КГБ рапорты с полным отчетом о том, с кем и когда они встречались, о чем разговаривали. Они специально задавали провокационные вопросы, болтали на «скользкие» темы, чтобы вывести, насколько лояльно относится их клиент к советскому строю. Через них КГБ выискивал иностранцев, симпатизирующих СССР, и вербовал их для работы. Если было нужно, прибегали к шантажу. Вряд ли кому-то из «зарубежных товарищей» хотелось получить для семейного альбома откровенные снимки с московскими красотками.

«Куколок» тщательно отбирали из «ночных бабочек» — самых симпатичных, смекалистых и умеющих себя подать. Еще «куколок» вербовали из красивых девочек, случайно, по мелочи, нарушивших советский закон. Однажды попав на гэбистский крючок, они почти не имели шансов отвертеться.

А дальше была звездная вершина. «Дипэскаорт». Сюда отбирали лучших из валютных «куколок». Самых образованных, самых элегантных. В общем, «крем-дела-крем». Эти милые создания получали зарплату непосредственно в КГБ плюс валюту от клиентов. Очень редко, но в «дипэскаорт» можно было попасть и со стороны.

Позже Алька познакомилась с одной такой «счастливицей». Прелестную огненно-рыжую и длинноногую провинциалочку из Харькова Таню Христенко, студентку педагогического института, случайно «накрыли» с иностранцем в номере гостиницы «Украина» (о, ирония судьбы, ты, несомненно, скрашиваешь наши будни!). Девушка подчинилась обстоятельствам и стала работать в «дипэскорте». Она с гордостью говорила Альке, что работает за валюту, что это работа «государственная» и «ничего общего с проституцией не имеет». Надо же, и вроде считалась умной!

«Девочкам» из «дипэскорта» позволялось даже выходить замуж за иностранцев, но только с условием, что и на Западе они будут продолжать приносить пользу своей социалистической родине.

Алька перевела дух. Ну а какое мое место в этой иерархии? «Меняла»? Боже, как низко, однако, я пала на общем-то фоне!

Со Светой они договорились встретиться у станции метро «Арбатская», напротив кинотеатра «Художественный». Алька приехала раньше и решила с толком использо-

вать оставшиеся пятнадцать минут. По подземному переходу она быстро добежала до переговорного пункта, наменяла целую горсть пятнашек, заскочила в свободную кабинку и набрала номер.

Голос Екатерины Великой показался ей усталым, каким-то поблекшим. На вопрос о самочувствии она уклончиво ответила: «Ничего, по-стариковски», и не стала даже спрашивать у Альки, как ее дела. Наверно, не хотела вынуждать ее лишний раз врать. Только попросила:

— Ты бы, Алечка, хоть на выходные приехала, что ли. Уже почти четыре месяца не виделись.

Алька почувствовала, как в горле начал собираться ком.

— Бабуличка, сейчас никак не выбраться, столько работы...

— Ладно, детка, делай как знаешь. И помни, что у тебя есть дом, где тебя ждут.

— Я помню, помню, бабуличка...

Но Екатерина Великая уже повесила трубку.

Признаться, Аллька просто боялась ехать в Ленинград. Во-первых, еще далеко не весь долг был выплачен. Уже несколько переводов с максимальной, не вызывающей подозрений суммой Аллька отправила из разных

(конспирация!) почтовых отделений. Но этого все еще было недостаточно. Во-вторых, она боялась, что Екатерину Великую напугает ее изменившаяся, чужая внешность, незнакомое выражение лица. Алька и сама-то себя порой не узнавала в зеркале.

Но еще больше она боялась, что, попав в нормальную, домашнюю обстановку, к людям, чьи отношения друг с другом не сводятся лишь к «товарно-денежным», она выбьется из колеи, которая с таким трудом стала для нее привычной. Вписываться по новой в московский ритм жизни — это отдельная головная боль.

Света озиралась, выискивая глазами подругу. Алька подскочила сзади и со смехом обняла ее за плечи: «А вот и я!»

Девушки походили на сестер, только разной масти. Света, как и Алька, была почти без косметики. Отдыхала от рабочей «боевой» раскраски. У той и у другой волосы были забраны в хвостик на затылке. Обе в легких открытых кофточках, джинсах и босоножках: лето в Москве стояло жаркое.

Вечером накануне Света сказала по телефону, что, кажется, намечается интересное

Брачный
дело и
зала на
лась со
вому д
нам вх
многие
ваний
Бол
рана «
Шв
угодли
жестом
менее
Пох
привет
—
няла, ч
Све
вители
вать
А еще
телос
лезно
зирова
Он
офици
ле об
нула
потан

дело и им надо встретиться. А раз Света сказала надо — значит, надо. Эта девушка оказалась совершенно незаменимым гидом по новому для Альки миру, куда обычным гражданам вход был настрого запрещен. Впрочем, многие из них и не подозревали о существовании рядом этой «второй реальности».

Болтая о том о сем, они дошли до ресторана «Арбат».

Швейцар, увидев Свету, заулыбался и угодливо распахнул двери. В его привычным жестом поднятую лодочкой ладонь Света не менее привычным жестом опустила трешку.

Пожилая служительница в гардеробе тоже приветливо кивнула вошедшим девушкам.

— И часто ты здесь бываешь? — Алька поняла, что Света чувствует себя здесь как дома.

Света с улыбкой старшей сестры и покровительницы кивнула. Ей нравилось чувствовать свое превосходство перед новенькой. А еще больше милой простодушной Свете хотелось быть незаменимой, хотелось быть полезной Альке, которой она искренне симпатизировала.

Они поднялись на второй этаж. В зале официанты накрывали столы к вечеру. После обеда здесь было тихо и пусто. Света махнула рукой высокому парню в униформе и потащила Альку к администраторскому сто-

лику знакомиться. Молодой человек оценивающе оглядел незнакомку.

— Виктор. Администратор.

— Аля. Я из Ленинграда. — Алька подняла на него незамутненные излишними заботами глаза (очень постаралась!).

Виктор кивнул официанту, и тот принес девочкам кофе и пирожные.

— Сейчас сладкое. А после ужина сладким будете вы. — Виктор улыбнулся и пошел в центр зала давать какие-то указания.

— Для халдея он ничего. Два языка знает. Полезный человек. — И Света с удовольствием принялась за пирожное. Полезных людей она ценить умела. Свою карьеру «валютной куколки» она начинала внизу в проходном дворе «Интуриста», на любую наживу. — И вообще запомни, подруга дорогая, мы не проститутки.

— А кто же? — не выдержала паузу Алька.

— Мы — девочки по вызову. — В голосе Светы звучали нотки гордости.

— Как скажешь, подруга дорогая, — в тон ей ответила Алька.

Вскоре к их столику подсел Виктор.

— Сегодня будут две группы: американцы и канадцы. Их привезут после вечернего спектакля в Большом. Приходите часам к десяти.

— Спасибо, котик. — Света поцеловала его в щеку. — Пойду позвоню Игорю.

Виктор галантно проводил их до гардероба, и они совсем по-дружески попрощались.

Света была возбуждена и, пока они шли по Садовому до Смоленской, тараторила безостановочно:

— Ну вот. Началось. Сегодня будет грандиозное сборище. Сама увидишь. Прикид надень поярче. Алька, у тебя же потрясающая грудь. Мужики просто тащатся. Так не скрывай своих достоинств, дурочка! И никаких джинсов. Может, тебе одолжить что из вещей? Нет? Ну, как знаешь. И Аня с Ириной придут. Вот повеселимся!

— Слушай, Свет, а как ты перед родителями выкручиваешься? Ну, шмотки у тебя и все такое... Или они в курсе?

— Ты что, Алька, с ума сошла? Меня бы папаня по стенке размазал. Я же на филфаке учусь, сама знаешь. «Подработка»-то у меня только в свободное от учебы время. — Света хихикнула. — А шмотки... Так я же предкам говорю, что репетиторством занимаюсь, ну, там, балбесов по русскому подтягиваю. Представляешь? Видели бы они этих балбесов! — Взмахнув, точно вороным крылом, волосами, она рассмеялась. — Все, пришли. До вечера.

И Света бросилась штурмовать автобус: начался час пик.

Алька спустилась в метро, на Филевскую линию.

Когда поезд вылетел из тоннеля на виадук и от нестерпимо ясного летнего света на глаза навернулись слезы, Алька подумала: сможет ли и она когда-нибудь вырваться из затянувшего ее болота на простор, хватит ли у нее для этого терпения и сил?

Алька крутилась перед зеркалом, придирчиво выбирая наряд для выхода. Похоже, сегодня вечером ее ожидал экзамен на аттестат зрелости. Наконец остановилась на фиолетовой трикотажной обтягивающей юбке чуть ниже колена и жемчужно-розовой кофточке, открывающей трогательные ключицы и матовые плечи.

Ах, как была права Анна Андреевна, когда «надела узкую юбку, чтоб казаться еще стройней»! Или вот, опять же, прическа. «Едва доходит до бровей моя незавитая челка». Все правильно. А волосы — никакой зазывающей «распушенности». Поднимаем их высоко, открываем трогательно-хрупкую, почти детскую шею, укладываем и закреп-

Брачный трагизм
ляем изыска
Легкие туже
Контурны
подвела уго
летовые тен
прозрачные
новый отте
легкий неж
Ничего вул
ра». Стиль,
Ах да. Пол
жение плеч

У входа
редь. Через
личкой «М
цару (нов
го), что ес
распахнул
трешку, А
ный ропот
суг гражда
и сам черт
Навстр
полном в
ла чуть р
Вдвоем с

ляем изысканным костяным гребнем. Так. Легкие туфельки и сумочка в тон имеются.

Контурным карандашом Алька чуть-чуть подвела уголки глаз, положила бледно-фиолетовые тени, слегка подкрасила ресницы. Ее прозрачные глаза приняли бледно-аквамариновый оттенок. Теперь кисточкой наносим легкий нежный румянец на скулы... Супер! Ничего вульгарного, ничего от «феи из бара». Стиль, прежде всего — стиль! Что еще? Ах да. Полуопущенный взгляд, зябкое движение плечей... Можно вызывать такси.

У входа в ресторан стояла небольшая очередь. Через закрытую стеклянную дверь с табличкой «Мест нет» Алька прокричала швейцару (новому, сменившему, видимо, дневного), что ее пригласил Виктор. Дверь тут же распахнулась. Сунув швейцару положенную трешку, Алька прошла внутрь под возмущенный ропот желающих культурно провести досуг граждан. Но что ей было до этого? Теперь и сам черт ей не брат.

Навстречу ей вылетела сияющая, при полном вечернем параде, Света. Она прибыла чуть раньше, чтобы разведать обстановку. Вдвоем они поднялись в зал.

Виктор повернул голову к стоящему рядом официанту:

— Класс! Вот что значит Питер!

Потом подхватил Альку и Свету под руки и подвел к стойке бара, где уже щебетала стайка «куколок». Наряды «девочек», при всей разнице в крое и цвете, были неуловимо похожи. Короткие юбки, туфли на высоченных каблуках, выпадающие из лифчиков бюсты, блески в волосах. Это была униформа, такая же как у официантов.

Через пять минут у Альки в голове стало звенеть от пустой болтовни «девочек», она развернулась и принялась рассматривать зал.

Виктор в обществе двоих довольно безликих мужчин в серых костюмах распределял столы в большом зале. Алька с интересом наблюдала, как он, словно дирижер, размахивал руками. Надо сказать, у настоящего дирижера темперамента было гораздо меньше: оркестр наигрывал неназойливые ресторанные мелодии, за импровизированной кулисой наводила марафет певица с непомерно большой грудью.

Вдруг официанты забежали, расставляя по столам закуски: это швейцар дал знак, что подъехали автобусы с туристами. Все оживилось. Лабухи заиграли что-то бравурненькое. Певица качнула грудь в сторону сцены. Ка-

Брачный тр
залось, да
ки» попр
и занял
светлев л
ных госте

Алька
вот-вот в
ясь напра
в дамску
ресовалас
гая подру
таким вы
благодару

В хол
первой гр
в сопрово
на юных
не скрыва
сованност

Виктор
носках, н
улыбнуло
широкий

— Ку

Весели
казать и

залось, даже люстры засияли ярче. «Девочки» поправили прически, выпрямили спины и заняли исходные позиции. Виктор, просветлев лицом, ринулся встречать иностранных гостей.

Алька почувствовала, что от волнения ее вот-вот вытошнит, и они со Светой, улыбаясь направо и налево, профланировали вниз, в дамскую комнату. Света любезно поинтересовалась, не залетела ли часом ее дорогая подруга, но Алька посмотрела на нее с таким выражением лица, что та предпочла благоразумно заткнуться.

В холле они нос к носу столкнулись с первой группой иностранцев. Те, что были в сопровождении жен, только косили глаза на юных русских красавиц. Свободные же не скрывали своего восхищения и заинтересованности.

Виктор с удовлетворением качнулся на носках, наблюдая эту немую сцену. Потом улыбнулся гостям от уха до уха и сделал широкий приглашающий жест.

— Кушать подано!

Веселье было в самом разгаре. Задача показать иностранцам настоящее русское рес-

торанное веселье, такое, каким описывали его Tolstoy and Dostoevsky (но с поправкой на совдеповское понимание этого сюжета), была выполнена. Гости крепко выпили и рвались в пляс.

Два солидных «ковбоя» показывали Альке и Свете движения танца в стиле кантри, такого, который до сих пор отплясывают на вечеринках парни и девушки в их родном Техасе. Но эту идиллию нарушил Виктор. Улыбаясь, раскланиваясь и разводя руками перед американцами, он брызжущим полупшепотом объявил девушкам, что для них есть важное дело.

Виктор провел Альку и Свету вглубь зала, к столику, за которым сидели двое мужчин в серых костюмах, и жестом факира, достающего кролика из шляпы, представил им девушек:

— Прошу любить и жаловать. Алечка и Светочка!

Мужчины привстали и представились, соответственно, Владимиром и Андреем. Они с достоинством, по-хозяйски оглядели девушек. Затем пригласили их к столу.

Официанты, почтительно стоявшие поодаль, моментально подскочили, обновили тарелки мужчинам и поставили приборы для Альки и Светы.

— Что будем кушать и пить, девочки? — Голос у Андрея был низкий, барственно-начальственный. — Водка? Шампанское?

Девушки замялись, не очень понимая, как вести себя в этой ситуации. Тогда Андрей, довольно хохотнув, сделал заказ услужливо склоненному официанту:

— Черная икра, два крабовых салата, мясо по-боярски и шампанское. Полусладкое, я правильно понимаю? — И он поднял бровь в сторону девушек.

Те одновременно кивнули и улыбнулись.

Пока Алька со Светой поглощали дорогую и вкусную еду, запивая ее холодным шампанским, мужчины потягивали коньяк и курили. Потом они стали расспрашивать девушек о том, где они учатся, чем занимаются их родители. Тот факт, что перед ними студентка четвертого курса филфака и дипломированная журналистка, казалось, их очень порадовал. Разговор перекинулся на кино и литературу. Открыли вторую бутылку шампанского. Алька, борясь с хмелем, бдительно старалась не ляпнуть лишнего. Восторгалась Бондаревым и Асадовым. Так, за довольно непринужденной беседой, прошло около часа. Подали десерт.

Алька, ковыряясь ложечкой в пирожном, судорожно думала, как в случае чего ей дать

от ворот поворот Андрею, явно положившему на нее глаз. Она покосилась на Свету, но та соловьем разливалась перед поощрительно кивающим ей Владимиром и, кажется, была уже на все готова.

Наконец Андрей кивнул официанту и поднялся. Ему последовали остальные.

У ресторана, прямо на проезжей части, стояла черная «Волга» с шофером. Андрей распахнул заднюю дверцу. Алька внутренне сжалась, но села вслед за Светой на мягкое кожаное сиденье.

— Доставить в гостиницу «Москва!» — бросил Андрей шоферу, попрощался с девушками и захлопнул дверцу.

Озадаченная таким поворотом событий, Алька молчала. Света, похоже, совсем не была удивлена. Она смеялась, тормошила впавшую в оцепенение подругу и без конца повторяла, что вот наконец-то и ей повезло.

— Да в чем повезло, черт бы тебя побрал? — не выдержала Алька.

— Так ты ничего не поняла? Ну и дурочка. — Света тараторила, не обращая внимания на присутствие шофера. — Нас же выбрали, выбрали!

— Закрой фонтан и объясни спокойно! — Алька с силой сжала Светкину мелькающую перед самым своим носом руку.

— Это о них говорил мне Игорь. Это те самые, что формируют «дипэскорт»! — Света покосилась на безучастный затылок шофера. — Алька, это ты принесла удачу. Как хорошо, что мы познакомились! — И Света впечатала в Алькину щеку восторженный поцелуй.

Машина свернула на Манежную площадь и через несколько секунд притормозила у мрачного, громоздкого, погруженного во тьму здания гостиницы «Москва».

От здания отделилась фигура мужчины в черном костюме. Он распахнул дверцу машины и без всякого выражения на лице и в голосе сказал:

— Пройдите в третий подъезд.

Москва искрилась, как холодное шампанское. Искрились золотые купола церквей, искрились покрытые морозным инеем деревья, искрились новогодние украшения в витринах модных магазинов, сверкал мытыми стеклами поток автомобилей, движущийся к Лубянке. Ну, в общем, все как в эмигрантской песне про Москву златоглавую. Только не было изогнутых лебедями саночек да чуть пьяных от мороза гимназисток.

Зато все остальное сверкало почти лубочной, заранее ожидаемой и проплаченной красотой.

Щедро расплатившись со словоохотливым шофером, Александра вышла из машины. Великолепный русский модерн «Метрополя» всегда приводил ее в восхищение.

Она злорадно прищурилась в сторону закрытой рекламными щитами стройплощадки на месте гостиницы «Москва»: «Так тебе и надо, чудище тоталитарное!» Потом еще раз посмотрела на летящий, сверкающий и шумящий вокруг город и подняла голову — на фасаде «Метрополя», как бы растворяясь в ясном синем небе, парила нежная, отрешенная, золотоволосая, еле различимая с земли врубелевская «Принцесса Греза».

— Ну, здравствуй, дорогая, вот мы и встретились опять!

Она боялась встречи с этим городом — городом, который считала своим даже в большей степени, чем родной Питер. Москва имела все шансы съесть Альку и косточки выплюнуть. Со сколькими именно это и произошло... Но она каким-то чудом выстояла, убереглась.

Александра сморгнула наворачнувшуюся слезу и зашла в отель.

Брачный трюизм

В связи с огромным. С рогущие лю вполне мож

Оказавш натном лю она, не сн и торжеств — Бравос

Когда в ны в черн ный, давя вестибюль тихла. Му ти в сосед в большун штореннь рами. На висело бо кресел, об были сде бие уют запах на Посер к котор ни слов

В связи с Новым годом наплыв гостей был огромным. Свободными оставались только дорожные люксы. Но Александра решила, что вполне может позволить себе эту роскошь.

Оказавшись на пятом этаже в двухкомнатном люксе с видом на Большой театр, она, не снимая шубки, вышла на балкон и торжествующе огляделась:

— Браво, я сделала это, сделала!

Когда в сопровождении мрачного мужчины в черном костюме они прошли в огромный, давящий громоздкостью и безликостью вестибюль, даже словоохотливая Света притихла. Мужчина жестом пригласил их пройти в соседний зал. Вернее, даже не в зал, а в большую комнату с окнами до потолка, зашторенными тяжелыми, как в театре, портьерами. На противоположной от входа стене висело большое зеркало. Диван и несколько кресел, обитых тем же материалом, из которого были сделаны шторы, создавали некое подобие уюта. Однако неистребимый казенный запах настораживал и не давал расслабиться.

Посередине помещения находился стол, к которому мужчина жестом, не проронив ни слова, пригласил Альку и Свету.

Через минуту другой молчаливый мужчина внес поднос со стоящими на нем тонкими стеклянными стаканами в металлических подстаканниках, наполненными дымящимся чаем, и сахарницей.

Алька пальцем с опаской дотронулась до подстаканника и отдернула руку. Нет, с этим можно делась что угодно, но только не пить. Света же быстро освоилась, по-птичьи закрутила головой и взволнованно прошептала Альке в самое ухо:

— Алечка, вот это да! Куда мы тобой попали! Это тебе не бар в «Интуристе»!

Так они просидели минут пятнадцать. Никто не появлялся. Подстаканник наконец-то остыл до вменяемой температуры, и только Алка собралась отведать комитетского чайку, как вдруг приоткрылась и в комнату вошел довольно пожилой мужчина с открытым, отечески улыбчивым лицом.

— Алечка и Светочка? — приветливо спросил он, усаживаясь за стол напротив девушек. — Вот и славно, вот и славно. А меня зовут Александр Степанович. — Он потер толстенькие короткие руки, поросшие седыми волосами. — Что же это мы не пьем чай? Чай у нас хороший. Ну-ка, любезный, — он обратился к стоявшему за его спиной «черному человеку», — принесите и мне стаканчик.

Брачный транзит

Водяник
Александра
Свету.

— Ах, м
вперед, т
пейте.

Александр
щийся чай
не помори
жала горя
привычка,
этого чаю
мать стра
своего те
стакана.

Продо.
ек, Алекс
ренного
ручку.

— Во-
рассказы
ным, у к
невзнача
мерла: о
нулся С
лосе спр

— Ко
себя и з
Алек

Водянистые мутно-серые умные глаза Александра Степановича изучали Альку и Свету.

— Ах, молодость, молодость! Вся жизнь впереди, такие перспективы... Ну, пейте, пейте.

Александр Степанович отхлебнул дымящийся чай, и Алька удивилась, что он даже не поморщился. И рука его уверенно держала горяченный подстаканник. «Наверно, привычка, — подумала Алька. — Сколько ему этого чаю пришлось тут выхлебать, подумать страшно!» — И она посмотрела на своего тезку прозрачным взглядом поверх стакана.

Продолжая ворковать и прихлебывать чаек, Александр Степанович вытащил из внутреннего кармана пиджака листок бумаги и ручку.

— Во-первых, девочки, об этой встрече рассказывать никому не нужно, даже родным, у кого они есть, конечно. — Он как бы невзначай задержал взгляд на Альке. Та обмерла: откуда ему известно? Потом улыбнулся Свете и с внезапным металлом в голосе спросил: — Это понятно?

— Конечно понятно, — ответила Аля за себя и за Свету.

Александр Степанович снова улыбнулся:

— Молодцы! Во-вторых, в понедельник к десяти утра будьте вот по этому адресу. — Он размашисто стал писать адрес и телефон. Потом протянул листок Але, видимо давая понять, что она старшая в их паре.

— Попрошу не опаздывать, и не забудьте взять с собой паспорта.

Девушки согласно кивнули.

— И вот что, голубушки. — Взгляд его стал строгим. — Больше никаких баров в «Интуристе»!

Александр Степанович встал и, еще раз оглядев поднявшихся девушек с головы до ног, улыбнулся:

— Ну вот, а теперь, мои дорогие, домой — спать! Шофер доставит вас, куда скажете.

Когда Алька и Света скрылись за массивной дубовой дверью, Александр Степанович довольно потер короткие ручки и проговорил, обращаясь к своему помощнику в черном:

— А ничего девочки. Блондиночка, пожалуй, подойдет. Все же Игорь умеет быть полезным. Хотя, надо признать, не люблю я педерастов!

Теплое утро конца августа входило в окно приглушенным солнцем, запахом цветущих лип

щих лип и сухой травы. Впервые за долгое время Альке никуда не надо было идти. Ничего не надо было планировать. Из-за этого в голове ее царил полный хаос. От бессонной ночи глаза покраснели и слезились. Третья чашка кофе не доставляла никакого удовольствия. И даже роскошный вид Москвы за окном не радовал: теперь Альке чудилась в нем затаившаяся опасность.

Когда молчаливый шофер доставил до дому сначала Свету, а потом, уже в третьем часу ночи, ее и дверца машины гулко хлопнула в тишине, Алька пулей, не вызывая лифта, взлетела на свой двенадцатый этаж.

До самого рассвета она перебирала в голове события минувшего дня. Потом попыталась заснуть, но ничего не вышло. Она чувствовала, что попала в западню, и не знала, что теперь предпринять.

Ох, права была Екатерина Великая! «Легкое дыхание»!

Ее план заработать кучу денег трещал по швам. Надо было уносить ноги, чтобы спасти голову. И хотя ошиваться в барах добрый дядечка Александр Степанович строго-настрого запретил, Алька набрала телефонный номер Игоря.

— Аличка, кисочка, молодец, что позвонила. Встретиться? Да по problem!

Он даже не поинтересовался, какие такие срочные вопросы возникли у Альки. Точно ждал ее звонка.

Алька надела джинсы, скромную трикотажную кофточку и кроссовки. На спине у нее болтался легкий рюкзачок. В таком виде она обычно ходила в студенческие общежития.

Игорь приветливо махнул рукой и усадил Альку за столик возле барной стойки. В другом конце бара пожилая супружеская пара пила кофе.

— Извини, дорогуша, сама знаешь, сидеть с клиентами во время работы запрещено. Тебе что налить. Ничего? — Он пожал плечами, мол, как угодно, вернулся за стойку и с выражением полного внимания перегнулся к Альке.

«Интересно, с каких это пор я числюсь в клиентах?» — подумала она и без обиняков, в лоб, спросила Игоря:

— Что это вчера было?

— Не волнуйся, деточка...

— Я тебе никакая не деточка! — Алька чувствовала, что теперь может так говорить с Игорем. Теперь это сойдет ей с рук.

— Аличка, это очень большие люди. В понедельник тебе все объяснят. Ты, главное, не волнуйся. Никто тебя принуждать

не станет. Другая на твоём месте была бы счастлива...

— А я не другая! Речь идет о «дипэскорте», да?

— Видишь ли, куколка...

— Я не куколка!

Игорь вытер пот со лба.

— Аличка, ты даже не представляешь, как тебе повезло. В высший эшелон попадают единицы. Светские рауты, неофициальные приемы в дипмиссиях... Это очень, — он поднял вверх указательный палец и сам с удивлением посмотрел на него, — очень большое доверие! Ты за всю мою работу — шестая.

— А Света?

— Ну, видишь ли... Ей скорее всего в понедельник откажут. Слишком много мелких грешков за ней водится.

Алька молчала, переваривая полученную информацию.

— А что будет, если я просто не пойду на собеседование?

В голосе Игоря звучали одновременно увещевание и угроза:

— Не рекомендую, Аличка. Лучше пойти и там уже отказать под каким-нибудь предлогом. И вообще, сначала надо послушать, что тебе скажут. Дать отрицательный ответ никогда не поздно.

И он пошел к иностранцам в другом конце зала, как бы давая понять, что тема исчерпана.

Алька, подхватив рюкзачок, направилась к выходу.

— Спасибо за добрый совет!

Игорь, никак не ожидавший, что Аллька так быстро уйдет, догнал ее уже у лифта:

— Не советую отказываться. Хорошие заработки и официальная крыша — это на улице не валяется. Лучше сходи. Все равно житья тебе в Москве не будет. — Он зло посмотрел Алльке в глаза. — Им про тебя все известно.

Алька замерла на месте.

— Известно — что?

— Что ты в бегах из Ленинграда!

Непонятно было, он блефует или правда им все известно.

Дверцы лифта раскрылись, и Аллька, как ошпаренная, заскочила внутрь.

— Не делай глупости! — еще успел крикнуть ей Игорь, и лифт мягко пошел вниз.

Москву опоясывал августовский густой закат. Домой идти не хотелось. Настроение было подавленным, а перспективы совершенно туманными.

И что же теперь делать? Собрать манатки и валить домой, в Питер? Так рука Кремля везде достанет. Алька бросила недобрый взгляд на рубиновые, точно кровью налитые, звезды. Вот влипла так влипла.

Или как в том анекдоте? Если вас насилуют в кустах, то расслабьтесь и получите максимум удовольствия...

Может, и впрямь посмотреть на все это как на сбор материала для книги? Точно, умница. А потом тебя вместе с этой книгой отправят на сто первый километр. Или в асфальт закатают.

Алке захотелось совершить какой-нибудь безрассудный поступок (будто все предыдущие были рассудительные). Например, закричать во всю глотку или разбить витрину магазина. Это желание было настолько сильным, что она испугалась.

Она вышла на площадь Свердлова. Над «Метрополем» парила, почти сливаясь с вечеряющим небом, принцесса Греза. Эх, воспарить бы так же и унести далеко-далеко от всех этих проблем, не имеющих ничего общего с нормальной человеческой жизнью.

Впереди маячил памятник Железному Феликсу. Алька сплюнула про себя и развернулась в обратную сторону.

В Александровском саду еще вовсю гулял народ. И правда, в такой вечер трудно было усидеть дома. Алька с тоской глядела на влюбленные парочки, на молодых мамаш с колясками... Милая, простая и такая недосыгаемая для нее жизнь.

Она села на свободную скамеечку. Сейчас бы на метлу да рвануть куда подальше, исступленно повторяя: «Невидима и свободна!» Так нет же, будет гнить здесь...

Алька почувствовала, что копившиеся весь день слезы наконец-то покатились по щекам. Так и сидела, едва всхлипывая и вытирая ладонью мокрые щеки.

Внезапно прямо перед ее носом возникла рука с идеально белым носовым платком. Икнув от неожиданности, Алька подняла глаза на хозяина руки. Высок, скорее некрасив, чем красив, но зато море мужского обаяния. Этого нельзя было не почувствовать. Она взяла платок и благодарно кивнула незнакомцу.

— Могу я что-то еще для вас сделать?

— Спасибо. Меня зовут Александра. И вы можете присесть. Если хотите, конечно.

— А меня зовут Кристиан. Мне показалось, что вы нуждаетесь в помощи.

Еще бы, конечно нуждается. Однако не говорить же этому добросердечному (ну, не

Брачный пир
для того ж
ли утирае
французск
вербует К
ее молод
Слез
с новой с
ласково п
спине. Эт
вие. Альк
и собрала
— Я п
дите свой
— Не
не хотел
янии.
— А
ка улыба
— Не
помочь.
— А
— Я
чил ва
отделен
к своим
решил
дом.
Альк
нибудь

для того же, чтоб ее «снять», он тут ей соп-
ли утирает) человеку с ярко выраженным
французским акцентом, что ее вот-вот за-
вербует КГБ и вообще неизвестно чем вся
ее молодая непутевая жизнь закончится.

Слезы покатились по Алькиным щекам
с новой силой. Кристиан сел рядом и стал
ласково похлопывать ее по вздрагивающей
спине. Это, как ни странно, возымело дейст-
вие. Алька успокоилась, пригладила волосы
и собралась уходить.

— Я постираю платок, и если вы мне да-
дите свой телефон, то верну его на днях.

— Нет причин для беспокойства. Но мне
не хотелось бы вас отпускать в таком состо-
янии.

— А вы что, из Армии спасения? — Аль-
ка улыбнулась впервые за этот вечер.

— Нет. Определенно нет. Но вам я хочу
помочь.

— А вы кто?

— Я музыкант. Два года назад я закон-
чил вашу Консерваторию. Композиторское
отделение. А сейчас приехал на стажировку
к своему профессору. Я иду с занятия. Вот
решил немного прогуляться. Я живу тут ря-
дом.

Алька оглянулась. Вроде никаких сколь-
нибудь жилых зданий, кроме Кремля и мав-

золея, поблизости не было. По Алькиному шальному взгляду он понял ход ее мысли.

— О нет. Совсем не это. У меня маленький номер в «Национале». Это удобно — Консерватория рядом. Простите, но у меня тут не так много друзей, не могли бы вы со мной поужинать? В ресторане гостиницы вполне прилично кормят.

«Как хорошо, что он живет не в „Интуристе“, тогда точно пришлось бы отказаться. А в „Национале“ я была всего пару раз, и то случайно. Ну кого я там могу встретить? — подумала Алька и хмыкнула: — Разве что пару знакомых потаскух».

— Это означает «да»? — Кристиан смотрел на нее добрыми карими глазами.

— Я одета как-то не очень для ресторана...

— О, вы, русские, слишком много значения придаете условностям. Есть вещи более важные.

Для иностранца он отлично, просто отлично формулировал свои мысли. Вот тебе и гуманитарий, сочинитель. Хотя как это там было у классика? «Поверить алгеброй гармонию?»

Через час, после четвертой рюмки водки, Алька почувствовала, что ее отпустило. К то-

му же у нее проснулся просто волчий аппетит. Котлеты по-киевски она умяла в считанные секунды. А салат и вовсе пролетел незамеченным.

Перехватив сочувственный взгляд Кристиана, Алька сказала с оправдательной интонацией, что вообще-то она обычно так на еду не набрасывается, но сегодня с утра ничего не ела, а день был очень трудный. Потом она рассказывала ему про Екатерину Великую и Ленинград, про Университет и работу в «Смене». А он рассказывал Альке про мост Мирабо в Париже, разноязыкую толпу на Монпарнасе и свою музыку. Потом они пили шампанское и танцевали.

Потом он пригласил ее к себе в номер, и Алька мгновенно протрезвела от ужаса: в номер к иностранцу? А может, это все провокация? Но она посмотрела на доброе, открытое лицо Кристиана и устыдилась своих мыслей.

Потом они опять танцевали, и Алька чувствовала, что объятия Кристиана ее успокаивают. Что ей совсем не хочется покидать это место — его объятия.

Потом они заказали такси и поехали к Альке, и она даже не могла целоваться в машине, потому что после пережитых волне-

ний и всего выпитого засыпала прямо на плече Кристиана.

Проснулись они одновременно. Солнце светило прямо в глаза. Внизу, во дворе, звенели детские голоса. Было воскресенье. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Оба чувствовали себя легко и свободно.

— Алекс, если ты мне скажешь, где у тебя чашки, я принесу тебе кофе в постель.

Так у нее появилось третье, после Александры и Альки, имя.

Пока Кристиан звенел посудой на кухне, Алька перебирала в памяти события вчерашнего дня. Кажется, она была услышана. Кажется, провидение послало ей помощь в образе этого добросердечного милого француза. Теперь будет, наверно, не так страшно. Страшно? И тут Алька вспомнила — завтра же понедельник!

Она встала, накинула на голое тело рубашку Кристиана и пошлепала босыми ногами на кухню. Там Кристиан сервировал маленький поднос. «Господи, где он его взял? Я раньше его тут вроде не видела». (Впрочем, хозяйственность не относилась к числу Алькиных добродетелей.)

— Ты почему встала? У меня все готово. — Он посмотрел на Алькино потухшее лицо, увидел вчерашнюю тоску в ее глазах. — Кажется, ты хочешь мне что-то рассказать.

Не то чтобы Алька сильно этого хотела, но не рассказать тоже не могла. Она чувствовала, что Кристиан сейчас, может быть, единственный ее шанс на спасение. Она тяжело вздохнула, уселась на табуретку и понуро опустила голову.

Кристиан приподнял за подбородок ее лицо, отвел со лба светлые пряди.

— Я слушаю, Алекс.

И она рассказала ему все. Про Стефана, про его друзей, про чудовищный долг, про то, как она попала в Москву и чем тут занималась. Про вчерашний вечер в ресторане «Арбат» и ночную беседу с комитетчиком. Всё. С деталями и без купюр.

Кофе совсем остыл. Кристиан выплеснул его в раковину и заново накрыл уже на столе.

— Завтра мы пойдем туда вместе.

— Да ты что! Заметут обоих!

— Заметут?

— Ну, арестуют.

— Алекс, но я все же гражданин другой страны. И потом — «перестройка».

— Да какая «перестройка»! Они как работали, так и будут работать. Это же государство в государстве. Такую махину за столетие не сдвинешь!

— Это тебя так заставили думать. А мы пойдем завтра и скажем, что ты моя невеста. И вообще — ждешь ребенка.

— Кристиан, милый, но это же неправда!

— Ты про ребенка? Так мы можем еще постараться!

Он схватил Альку на руки и понес в комнату.

Второй день Александра исследовала Москву.

Новый Арбат ее скорее разочаровал. Особенно на промежутке «Прага» — «Арбат». Суетно, громко и с душком.

«Господи, да это просто какой-то восточный базар! Шаурма, пиво, обертки под ногами да еще турецкие песни из всех динамиков. — Она брезгливо подобрала полушубы. — И какой-то жилой новодел с башенками в виде минаретов... Нет, я, конечно, не против нововведений, но зачем делать из Москвы еще более азиатский город, чем она есть на самом деле?»

Александра пересекла проспект по подземному переходу, свернула в Борисоглебский («Как же он раньше-то назывался?») и пошла бродить по переулочкам. Вот они, родные, — Скатертный, Хлебный, Мерзляковский. Сколько здесь хожено было...

Чистыми, светлыми дворами пошла дальше. Минут через двадцать оказалась у Патриарших прудов. Вот здесь была настоящая Москва.

Потом по Тверской она спустилась к Главпочтамту. Еще раз убедилась, что ее прошлое снесено с лица земли вместе с безликим «Интуристом». Свернула к «Националю». Заходить не стала. Через стекло посмотрела на столик, за которым почти двадцать лет назад они с Кристианом ужинали. У Библиотеки нырнула в переход и через пять минут оказалась в Александровском саду. Всё. Круг замкнулся.

Для чего, собственно, приехала она в этот город? Не для того же, в самом деле, чтобы взглядом инспектора оценить произошедшие перемены. Нет. Просто оставалась какая-то открытая форточка в душе. Сквозняк какой-то. Какой-то давний, не до конца изжитый страх.

Теперь Александра чувствовала, что счеты сведены. Примирение состоялось. Точ-

нее, состоялась ее победа над собой, над обстоятельствами. Над памятью.

Можно было возвращаться.

Прошло два месяца.

Алька сидела в аэропорту «Шереметьево». Ее нехитрый багаж был сдан. С собой осталась только сумочка. В нее-то Алька и вцепилась побелевшими пальцами, ожидая приглашения на посадку. Она боялась. Она до сих пор не верила, что свободна. Что она жена гражданина Франции и летит к своему мужу.

Кристиан вылетел на две недели раньше, когда закончилась его виза. Он умолял осунувшуюся от пережитых волнений Альку не беспокоиться ни о чем. Говорил, что они все сделали правильно, все мыслимые и немыслимые документы оформлены и никто не посмеет ее задержать.

Тогда, в последний августовский понедельник, проведя бессонную ночь в разговорах, они вместе пришли к зданию на площади Дзержинского. Обогнули его, прежде чем нашли нужный подъезд. Никакой Светы здесь, конечно, и в помине не было. Видимо, Игорь успел предупредить ее.

Брачный контракт
Войти внут
не разрешила
Предупредил
выйдет, он п
французское
сейчас не тр
пугивать лю
покаивала.
Выслуша
сдвинул бр
— Деточ
французско
Алька п
ные глаза.
— Алек
верно инф
недоразум
— Это
зумений
— И
чал мета
держат
принест
— А
ся? Ду
легко
дочка!
— М
все ме

Войти внутрь Алька Кристиану ни за что не разрешила. Он остался стоять у входа. Предупредил, что, если через час она не выйдет, он поднимет тревогу, обратится во французское посольство, в МИД, и вообще, сейчас не тридцать седьмой год, нечего запугивать людей... Теперь уже Алька его успокаивала.

Выслушав Альку, Александр Степанович сдвинул брови, словно чего-то недопонял.

— Деточка, но ведь позавчера никакого французского жениха не было.

Алька подняла на него прозрачные честные глаза.

— Александр Степанович, вас просто неверно информировали насчет меня. Вышло недоразумение.

— Это не та организация. Здесь недоразумений не бывает.

— И тем не менее. — В ее голосе прозвучал металл. Алька решила, что будет твердо держаться до конца. — Я беременна. Могу принести справку. Жених ждет меня внизу.

— А что же, тебе на родине не нравится? Думаешь, там все медом намазано? Так легко бросаешь родину? Подумай хорошо, дочка!

— Мне все нравится. Я знаю, что там не все медом намазано. И родину я люблю. Но

Брачный транзит

планы, им хоте
им обдурить
О любви
Кристианом,
бя как два со
щих в одной
Наверное,
рым малым,
Соотечестве
он одновре
кетерскому
ну хоть и
смысле все
таньяном

Наверное,
рым малым,
Соотечестве
он одноврем
кетерскому
ну хоть и
смысле все-
таньяном

ну хоть и в
смысле все-
тањяном и

ТАНЬЯНОМ И

Дальней

НЫМ ИСПЫ

маг, загс, и

ные, несп

ОПЯТЬ ВСЕ

у Кристі

ТИНИЦЕ

РОВАТ...

НЕВЕДОМ

Д.

Доп

ДОЛГ-ТО
БЫ

БЫЛО ВО

планы, им хотелось, чтобы никто не помешал им обдурить Систему.

О любви не было сказано ни слова ни Кристианом, ни Алькой. Они просто вели себя как два сообщника, два альпиниста, идущих в одной связке.

Наверное, Кристиан был не только добрым малым, но и настоящим романтиком. Соотечественник Дюма-отца и Дюма-сына, он одновременно и следовал некоему мушкетерскому кодексу чести, и спасал женщину хоть и не до конца, но в определенном смысле все-таки павшую. То есть был д'Артаньяном и Альфредом в одном лице.

Дальнейшие полтора месяца были сплошным испытанием: милиция, сбор нужных бумаг, загс, посольство Франции, ОВИР, холодные, неприязненные взгляды чиновников, и опять все сначала. Изо дня в день. Слава богу, у Кристиана была временная прописка в гостинице, а не то пришлось бы ехать регистрироваться в Ленинград, по месту жительства невесты.

Ленинград был особой душевной болью. Долг-то Алька почти весь выплатила, с этим было все нормально. Но вот Екатерина Ве-

лика... Уже зная о всех Алькиных жизненных переменях, она так просила ее приехать хоть на денек, просто чтобы попрощаться, вряд ли ведь еще доведется увидеться...

Алька слушала в трубке бабушкин голос со старческой одышкой и чувствовала, как сердце у нее разрывается от горя. Ну разве она могла объяснить, что не может расстаться с Кристианом даже на день, что боится сесть в поезд, с которого могут снять на любой станции, и — ищи-свищи ее. И вообще бог знает какие еще каверзы способны устроить бдительные советские чиновники.

Алька вспоминала рассказ Зойки, бывшей «куколки» из «Интуриста», которую полгода мурыжили, не выпуская к мужу в Гамбург, пока один «добрый» комитетчик не сказал, что поставит недостающий штамп за Зойкину к нему благосклонность.

Он отвез ее на свою дачу (государственную, между прочим), и там Зойка, пока ее благодетель хлопотал с закуской, залпом выпила полбутылки водки, вырубилась практически полностью и, что над ней проделывал почтенный отец семейства и уважаемый госслужащий, помнила потом только в самых общих чертах. Но штамп нужный все-таки получила.

Бранный тр
Алька
«своего
и переде
этот де
подвиги

Через

гистрир
иностра
три мес
и стали

Встр

чем ещ
дели д
яшике

тиан с

«Этих

сказал

Гэб

Даже

ным

Потох

долге

топор

мена-

лась)

«вне

в Па

жутс

обещ

Алька представила в этой роли такого «своего в доску» Александра Степановича и передернулась. Оставалось надеяться, что этот дедок вряд ли способен на подобные подвиги.

Через месяц Алька и Кристиан зарегистрировали брак в специальном загсе для иностранцев. Вообще-то ждать нужно было три месяца, но они дали приличную взятку и стали мужем и женой досрочно.

Встретиться с Александром Степановичем еще раз ей все же пришлось. За три недели до отъезда она обнаружила в почтовом ящике повестку со знакомым адресом. Кристиан сказал, что надо обязательно пойти. «Этих людей сердить не следует» — так он сказал.

Гэбист встретил Альку, как отец родной. Даже в щечку поцеловал. Поздравил с законным браком. Пожелал всяческого счастья. Потом долго рассуждал о любви к родине и долге каждого перед ней. В общем, довольно топорно и, можно даже сказать, лениво (времена-то уже были не те, а привычка осталась) пытался Альку завербовать на роль «внештатного информатора». Говорил, что и в Париже у них есть свои люди и они свяжутся с ней. Сейчас Алька готова была пообещать все что угодно.

Через неделю она проводила Кристиана. Он сказал, что уже представляет, как будет встречать ее в аэропорту «Шарль де Голль». Оставалось прожить еще одну неделю.

И вот теперь она сидела и с замиранием сердца ждала объявления посадки. Наконец прозвучал номер рейса на Париж. Через полчаса самолет взлетел, и для Альки настала совершенно новая жизнь.

ристиана.
как будет
де Голль».
елю.

миранием
Наконец
через пол-
и настала

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

М

есяц она честно ждала обещанную комитетчиком жестокую ностальгию. Но ничего такого не последовало. Алька даже испытала нечто вроде угрызений совести. Она не чувствовала ничего, кроме своей все нарастающей любви к Парижу.

Хотя, надо сказать, в первую неделю пережила шок, чуть было не перешедший в депрессию. И не в трехстах сортах сыра вместо трех, предложенных советской властью, было дело: ей и тут хватало какого-нибудь чеддера.

Но из резервации, из состояния двоемыслия (пять пишем три в уме) она попала в совершенно иную систему координат. Из двумерного пространства пресмыкающихся в трехмерное пространство прямоходящих.

Что ей светило раньше, кроме поездки в какую-нибудь заштатную страну соцлагеря, да и то после унижительной процедуры собе-

седования. «Как звали двоюродную тетю пятого секретаря компартии Имярекии?» Да хрен знает как ее там звали!

Почему этот мир был доступен только дипломатам, их откормленным деткам и министерским теткам в кримпленовых костюмах? Да еще престарелым генсекам с их толстыми женами. На что им был этот воздух, пропитанный золотой светящейся пылью искусства?

Альке хотелось кричать на манер плененного Безухова—Бондарчука: «Кого? Меня? Меня не пускают? Мою бессмертную душу не пускают?!» И далее по тексту — звездное небо в разрывах туч и многократно повторенное громоподобное: «Ха-ха-ха! А-ха-ха-ха!»

Она бегала смотреть, как течет под мостом Мирабо Сена, бродила до полного изнеможения по улочкам Монмартра, стояла у окон и террас бесчисленных «бассери», наблюдая, как парижане обедают или просто пьют дежурный «пти блан сек», слонялась по набережной Монтебелло, до ряби в глазах разглядывая книги и альбомы на лотках букинистов, нарочито безразлично прогуливалась мимо бесчисленных дорогущих бутиков на улице Георга Пятого, с жадностью наркомана вдыхая умопомрачительные парфюмерные запахи.

Гуляя по Парижу, Алька часто вспоминала Стефана. Все же эта смесь из безумной любви и чудовищной обиды крепко отравила ее кровь. Во всяком случае, думать о Стефане равнодушно она до сих пор не могла. Ей хотелось, чтобы все (а он в первую очередь) узнали, через что ей пришлось пройти, сколько унижения и страха вытерпеть. Но главное, она хотела, чтобы он и все, все знали, что она не сломалась, что сейчас она — молодая, красивая, свободная — идет по одному из самых прекрасных городов мира и впереди у нее целая жизнь.

Порой эти мысли принимали довольно причудливый характер. Алька фантазировала, как однажды на Елисейских Полях встретит оборванца с протянутой рукой, чем-то отдаленно напоминающего Стефана. Но это и окажется Стефан, заброшенный в Париж бурной переменчивой судьбой, и он признает ее в роскошной светлоглазой парижанке и будет плестись следом, умоляя о прощении, но она уйдет, даже не повернув гордой головы... Вот так!

Иногда Алька часами каталась по городу в обычных автобусах или в состоянии какого-то транса замирала, облокотившись о парапет набережной. И кто-нибудь из сострадательных парижан непременно останавливался возле нее и спрашивал:

— *Ça va bien, madame?*

Бьен, бьен, еще как бьен! Если я не сиганула в Неву или Москву-реку, то уж в Сену точно не прыгну.

Свою двухкомнатную квартиру в Шенневьере Кристиан сдавал в аренду, а сам жил в небольшой мансарде на улице Гэте (Веселья!). Это вполне богемное жилье, соответствующее его профессии, досталось ему по наследству от прадеда, оперного певца. Из всей мебели только разбитое пианино Кристиан, въехав, заменил на роскошный «Бехштейн» и зажил, прекрасно себя чувствуя в интерьере начала двадцатого века.

Теперь здесь жила и Алька.

Часто, просыпаясь среди ночи, она подходила к окну и смотрела вниз, на узкую улочку Гэте, где жизнь никогда полностью не замирала: из «Бобино» запоздно расходился народ, а в пяти минутах находился бульвар Монпарнас, и даже конец ноября с его частыми дождями не мог заставить парижан отказать от привычного образа жизни.

Утром она делала мелкие хозяйственные закупки, потом гуляла по городу, осматривала музеи, в два они обедали вместе с

Брачный транзит

Кристианом

или греческо

Иногда Р

кальных сп

Полях и пр

позволяла Р

тое для фра

Алька пере

бесчисленн

потом шла

ную школу

в Девятом

леко от пл

Соверш

на удивле

нетическо

рины Вел

Вольтера

Иногда

в одно и

очередно

десерт,

фе (как

заставля

француз

или анг

слишко

И с

больше

Кристианом в каком-нибудь итальянском или греческом ресторанчике.

Иногда работа (он ставил сразу два музыкальных спектакля в театре на Елисейских Полях и преподавал в Консерватории) не позволяла Кристиану вырваться даже в святое для французов обеденное время. И тогда Алька перекусывала одна в каком-нибудь из бесчисленных кафе Латинского квартала, а потом шла учить французский язык в вечернюю школу для взрослых, что располагалась в Девятом округе Парижа, при мэрии, недалеко от площади Святого Августина.

Совершенно незнакомый язык давался ей на удивление легко. Может, что-то осело на генетическом уровне — все же родители Екатерины Великой свободно изъяснялись на языке Вольтера.

Иногда после занятий Алька заглядывала в одно из кафе на площади Пери. Поглощая очередной умопомрачительный французский десерт, она повторяла в уме глаголы. В кафе (как, впрочем, и в магазинах) она всегда заставляла себя говорить исключительно по-французски, а не изъясняться на пальцах или английском, который здесь, кажется, не слишком жаловали.

И самое большое удовольствие, даже большее, чем от поглощения десерта, дос-

тавил ей комплимент симпатичного официанта:

— У вас такой прелестный акцент, мадам!

Была середина декабря. По бульвару Мальзерб, поддавая носком туфли оставшиеся желтые листья (ау, Летний сад!), Алька дошла до Мадлен (так парижане фамиллярно именовали храм в честь Марии Магдалины). Оттуда вышла на улицу Рояль, пересекла площадь Согласия и по мосту Согласия же — Сену. Потом на улице Бак постояла у витрин антикварных лавок, возле метро купила букет ярких и пряных осенних астр, свернула на Распай (надо же, когда здесь ходила Ахматова, бульвар был еще не до конца проложен!)... Двадцать минут — и она дома.

Этот пешеходный маршрут Алька придумала себе не только потому, что любое соприкосновение с Парижем доставляло ей почти чувственное наслаждение. Теперь она старалась оттянуть на как можно дольше возвращение домой.

Только месяц после ее приезда их отношения с Кристианом были чем-то похожи на супружескую жизнь. Три недели назад она обнаружила в их доме следы пребывания

ния другой женщины. Алька сделала вид, что ничего не заметила. Через несколько дней история повторилась. Было совершенно очевидно, что в ее отсутствие Кристиан приводил подружек.

Не то чтобы эта новость ее безумно огорчила. Ведь, в конце концов, они никогда не говорили друг другу слов любви и не клялись в верности. Экстремальная ситуация, в которой они оказались в Москве, предопределила ход событий. А именно: Кристиан выполнял по отношению к Альке какой-то лишь ему ведомый долг чести, а она, в благодарность за это, готова была стать для него преданным и нежным другом. И вот теперь это хрупкое равновесие в их совместности было нарушено.

Она поднялась пешком на их пятый этаж. Не стала открывать ключом, а на всякий случай позвонила. Услышала, как Кристиан, напевая что-то, идет по коридору. Он распахнул дверь, просиял приветственной улыбкой, поцеловал ее в щеку и, кивнув на букет, воскликнул:

— Pas mal!

Конечно, неплохо. Плохо для Альки оказалось то, что Кристиан был не только благороден, но и по-французски легкомыслен. Он продолжал оплачивать ее учебу, счета, давал деньги на карманные расходы, помог офор-

мить все необходимые для жизни во Франции документы, был ласков, то есть, можно сказать, вел себя безупречно. Но все чаще и чаще он возвращался за полночь. Несколько раз и вовсе не явился ночевать. И даже не счел нужным объясниться по этому поводу. А может, и правильно сделал.

Рождество прошло тихо. Новый 1986 год они встретили вместе, во втором часу к ним нагрянули его друзья. Было весело и пьяно. Потом жизнь пошла по-прежнему.

Через месяц Алька собрала вещи и сказала, что уходит. Она действительно решила перебраться к Ларисе, своей новой приятельнице, с которой они познакомились на занятиях в вечерней школе.

— Но как же так, Алекс!

Кристиан всплеснул руками, сказал, что не может ей этого позволить, переживал изо всех сил, но потом как-то успокоился. А когда Алька с благодарностью согласилась принимать от него ежемесячное небольшое пособие, даже воспрянул духом. Все правильно. Главное, чтобы условия игры были соблюдены.

Жизнь в «приживалках», хотя она вносила свою долю в оплату квартиры, оказалась

не сахаром. Совсем не сахаром. Алька, которая привыкла все время быть сама себе хозяйкой и не попадать в мелочную зависимость на бытовом уровне, впервые поняла, почем фунт лиха.

Лариса была, конечно, доброй и милой. Во всяком случае, старалась, как могла. Однако чуткая Алька ежедневно ощущала на себе ее прессинг. Вольно или невольно Лариса показывала, кто в доме хозяин. Оставленная на столе чашка, открытая форточка, долго горящий по ночам свет, не вовремя включенная стиральная машина — все могло послужить поводом для мягкого, но все же упрека. И служило.

Алька поняла, что надо спасаться. Еще неврастении ей тут не хватало! Она стала искать квартиру и одновременно работу. При этом продолжала, как одержимая, изучать французский. Пора было становиться крепко на ноги и ни от кого не зависеть.

И очень скоро Альке, везучей по натуре, фортуна улыбнулась в очередной раз. Она нашла маленькую современную квартиру в Семнадцатом округе Парижа, на улице Бюдана, неподалеку от улицы Рима и вокзала Сен-Лазар, и съехала от Ларисы.

По сути, это была даже не квартира, а студия с большим окном во внутренний дворик

в отстроенном недавно доме, и даже не столько во дворик, сколько в прелестный ухоженный сад. И сейчас в нем по случаю апреля цвели, как безумные, азалии.

И все это — цветущий сад за окном, чистая, светлая, пока еще без мебели, но со встроенной угловой кухней и маленьким душем в коридоре студия — все это, пускай на время, принадлежало ей.

Алька растянулась на светлом, в зеленую крапинку ковре и чувствовала себя совершенно, безоговорочно счастливой. Свобода, весна и Париж — вот те три кита, на которых сейчас покоилась ее так неожиданно развернувшаяся жизнь.

Прошел почти год. Кураж, который подхлестывал все это время Альку, не убывал. Ей словно дали зеленый свет: жизнь подняла ее на свою теплую волну и понесла вперед.

С Кристианом она поддерживала дружеские отношения. Они тихо и мирно развелись. Причем Алька не стала, по совету некоторых ушлых знакомых, оттяпывать у него половину имущества и выбивать пособие, чтобы потом жить припеваючи. Да ей бы такое и в

Брачный тра

голову не
торый, по
развода в
приходил
становил

Школ

странцев

перь она

свободно

мненный

вызывал

похожей

ловолос

важно

Вско

В пр

где фра

мах и

ли ино

компан

ожидан

ние, и

русски

взяли

Пон

делов

голову не пришло. Так наказать человека, который, по сути, подарил ей мир! И после развода в нужную минуту Кристиан всегда приходил к ней на выручку. Но таких минут становилось все меньше и меньше.

Школу французского языка для иностранцев Алька закончила с отличием. Теперь она говорила и писала практически свободно. Еще одна победа. К тому же несомненный ореол удачливости вокруг Альки вызывал уважение и желание помогать этой похожей скорее на подростка, хрупкой светловолосой и ясноглазой женщине, столь отважно покоряющей вершину за вершиной.

Вскоре Алька нашла свою первую работу.

В престижную частную Школу бизнеса, где французы, работающие в крупных фирмах и в государственных структурах, изучали иностранные языки, она отправилась за компанию с русской девушкой Женей. Неожиданно легко Алька прошла собеседование, и из пяти претендентов (четверо были русские и одна — француженка-славистка) взяли именно ее.

Поначалу Алька удивлялась: зачем этим деловым и занятым людям мучиться, учить

русский язык, от которого у них мозги сворачиваются в трубочку, если и в России, и во Франции существует бездна профессиональных переводчиков. Но вскоре она уразумела, что на деловых встречах, зачастую весьма конфиденциальных, знание языка партнера было просто необходимо. Иногда оно выручало даже в самых небольших количествах. «Здравствуйте», «прекрасная погода нынче», «как поживаете?» — и лед отчуждения сломан, можно вести переговоры.

А переговоры вести приходилось теперь, по-видимому, часто. В России началась эпоха, прозванная «перестройкой». Вышел Закон об индивидуальной трудовой деятельности, предприимчивый люд воспрял и зашевелился, и то, за что раньше в Союзе можно было схлопотать на полную катушку, становилось нормой жизни.

Вообще, интерес ко всему русскому чрезвычайно обострился, чему способствовала (правда, не всегда в лучшую сторону) и хлынувшая во Францию третья волна эмиграции.

Школа, где теперь три раза в неделю Алька преподавала русский язык, находилась в Седьмом округе Парижа, на набережной Вольтера, у моста Руаяль. Когда Алька узнала историю здания, где размещалась школа,

Брачный транз

то поняла,

урежут зар

Здесь Е

терзингера

ступенькам

Рука Оска

перам, к

могло это

но-сентим

Если в

обладал зд

кусства он

«...почт

эти слова

школу, не

почти экс

Прошл

службу. С

тельность

нием, мож

натяжкой

цузских б

шие отно

Вот т

Альке и

тельность

то поняла, что не уйдет отсюда, даже если ей урежут зарплату.

Здесь Вагнер написал увертюру к «Мейстерзингерам», Бодлер поднимался по этим же ступенькам, уже лелея в себе «Цветы зла». Рука Оскара Уайльда скользила по тем же перилам, которых касалась ее рука... Ну разве могло это оставить равнодушной литературно-сентиментальную до мозга костей Альку?

Если в отношениях с жизнью у нее и преобладал здравый смысл, то в отношении искусства она была законченным романтиком.

«...почтили Париж своим пребыванием» — эти слова, высеченные на доске у входа в школу, неизменно приводили ее в состояние почти экстаза.

Прошло полгода со дня ее поступления на службу. Сказать, что преподавательская деятельность была истинным Алькиным призванием, можно было только с очень сильной натяжкой, хотя с группой из восьми французских бизнесменов у нее сложились хорошие отношения.

Вот тут-то эмоциональной, открытой Альке и следовало проявлять особую бдительность. Никаких фамильярностей и, не

дай бог, флирта с учениками! Никаких разговоров на личные темы. Между коллегами (в школе работали тридцать два человека: русские, немцы, англичане, японцы), между преподавателями и учениками отношения вполне дружелюбные, но о дистанции забывать не позволялось. И если в России от личных отношений могла зависеть карьера или зарплата, то здесь ничего подобного и представить было нельзя.

Но больше всего угнетала Альку необходимость соблюдать регламент в косметике и одежде. Если бы директриса могла одеть всех в серые костюмы, она бы это непременно сделала.

Однако платили в этом «концлагере» по самым высоким тарифам. За неделю Алька получала столько, сколько официантка, кассирша или продавщица среднего магазина за месяц. Где еще ей, иностранке, светила подобная работа?

Вот она и терпела, стиснув (впрочем, не слишком сильно) зубы. Ну и опять же — Бодлер, Уайльд...

Постепенно Алька все больше узнавала и русскую жизнь Парижа. Весьма разнообраз-

ное, надо сказать, собралось общество. От «действующих» великих князей и княгинь до богемы всех сортов и потомков белогвардейских офицеров, которые, оказавшись в двадцатых годах в Париже, вынуждены были работать таксистами.

Это было несколько практически не соприкасавшихся друг с другом кругов. Ничего, кроме русского языка (здесь как-то особенно ей стало очевидно, что, правда, «великого и могучего», и никакая ирония тут неуместна), их не связывало. И все же в «лица не общем выраженье» Парижа они все, вместе взятые, были достаточно заметным мимическим жестом.

Первыми ее знакомыми стали русские женщины, вышедшие замуж за французов. С ними вместе Алька изучала французский язык. Потом начали завязываться случайные знакомства в местах, где русские проводили досуг или делали покупки: в книжных магазинах, русских ресторанах и клубах, в соборе Святого Александра Невского на улице Дарю.

Эмиграция первой волны оставила большое наследство в виде целых районов Парижа с сетью русских ресторанов, магазинов, церквей и гимназий. Эмиграция послевоенной эпохи — это была уже совсем другая история. Им, вкусившим сначала прелести

советской диктатуры, потом ад Второй мировой и немецкого плена и чудом оказавшимся по эту сторону, вживаться в нормальную жизнь (уместная тавтология) было труднее. И все же они постепенно вливались в старую, закаленную первую эмиграцию и с благодарностью занимали в ней свое место. Эта «свежая кровь», несомненно, была полезна для старой русской диаспоры. А потом нахлынула слегка чумовая третья волна, и много, надо сказать, мусора вынесла она на французский берег. Алька же вклинилась куда-то между второй и третьей. С новыми знакомыми ей везло. Как-то незаметно она вошла в круг таких же, как и она, перелетных птиц, у каждой из которых была своя судьба, свои надежды, свои радости и горе.

Первые дни декабря погода в Париже была как в середине октября в Питере. Правда, улицы здесь убирали чаще и чище.

Сразу после занятий у Альки было важное и трепетное дело. Поморщившись на мелкий дождик, она добежала до музея д'Орсэ и нырнула в метро: сегодня погода явно не для прогулок. Альке надо было заскочить в ресто-

ран «Петрушка», забрать посылку, которую с «верной» оказией прислали ей Ритка и Екатерина Великая. Это была первая такого рода весточка из дома, и Алька чувствовала, что волнуется. Как будто ей предстояла встреча с близкими людьми. По телефону Ритка продиктовала номер телефона и велела спросить Нину.

Алька доехала до «Сен-Лазара» и через несколько минут оказалась на улице Лабор. Дверь ресторана «Петрушка» была приоткрыта. Из-за стойки навстречу ей вышла красивая женщина, белизной и светлостью лица напоминающая Грету Гарбо, только без ее холодности. Нет, пожалуй, больше она походила на Алькину сослуживицу, корректора Верочку: ласковую, участливую и немного несчастную.

— Ведь вы — Аля, верно? Проходите. Я — Нина. Ваша посылка у меня. — И она протянула Альке нежную белую руку.

— Нина, какая вы красивая! — просто-душно воскликнула Алька.

— Ах, Алечка, я красивая, а вы — красивая и молодая. Присаживайтесь. Будем на русский манер чаевничать. Вон какая непогода на дворе. — Безупречный русский говор Нины был слегка расцвечен французскими интонациями.

Посетителей в ресторане пока не было, и Нина могла себе позволить сесть рядом с Алькой, выслушать ее историю, рассказать свою. В общем, они болтали о том о сем, как болтали бы, сидя у Альки под бывшим ее абажуром на Васильевском или у Нины на бывшей ее кухне в Замоскворечье.

На середине рассказа о том, как в семидесятых без нужных лекарств умирал в московской нищей больнице Нинин муж, в ресторане появился посетитель.

Нина, просияв глазами, встала ему навстречу.

— Сереженька, давно же ты не появлялся!

— Приветствую, барышни! Как, однако, у вас тут тепло и уютно. А может, еще и наливают? Что-то раньше я вас тут не видел. — Он с добродушным любопытством оглядел Альку. — Давайте знакомиться. Сергей.

Шерстяной свитер грубой вязки и шарф, обмотанный вокруг шеи, придавали вошедшему вполне богемный вид. Сергей взял в свою широкую, испачканную красками руку Алькину мгновенно похолодевшую ладонь.

— Алекс, — сказала Алька и зажмурилась. Чем-то этот русоволосый художник с элегантной двухдневной небритостью неуловимо напомнил ей Стефана.

— Ну кэ
Алечка. Вел
Ниночка, до
жился за ст
си, пожалуй
пару бутерб
осуждающе
в порядке.
мадам из
Сначала лк
свой. И пл
парный за
погиб в во
под девян

— Все

засмеялас

— Алеч

— В

Москвы.

— О, я

пятом. Ка

— Да я

— Как

Нельзя ли

налил вод

предлож

Он выпил

Нина

печно при

— Ну какая же вы Алекс? Вы — Аля. Алечка. Ведь так вас зовут близкие, верно? Ниночка, дорогая, — Сергей шумно расположился за столом напротив Альки, — принеси, пожалуйста, сто граммов ее, проклятой, и пару бутербродиков, хорошо? — Нина молча осуждающе покачала головой. — Да нет, все в порядке. Я сейчас работаю, как вол. Одна мадам из бывших заказала свой портрет. Сначала любимого покойного супруга, потом свой. И платит ничего себе. Может, потом парный закажет? Но как его писать? Муж погиб в войну сорокалетним, а мадам сейчас под девяносто. И что тогда прикажете делать?

— Все балагуришь, Сереженька! — Нина засмеялась и пошла выполнять заказ.

— Алечка, вы откуда здесь?

— В восемьдесят пятом приехала из Москвы.

— О, я тоже из Москвы в восемьдесят пятом. Как же мы там не встречались?

— Да я, собственно, ленинградка.

— Какая, однако, у вас богатая биография. Нельзя ли осветить поподробнее? — Сергей налил водку в маленький граненый стаканчик, предложил Альке с Ниной, но те отказались. Он выпил, не закусывая. — Итак, слушаю.

Нина отправилась обслуживать постепенно прибывающих посетителей и лишь из-

редка бросала взгляды на столик, за которым сидели Сергей и Алька.

История Сергея Панкратова, наверно, не слишком отличалась от историй десятков других художников, которых отечески крепкие объятия советской власти практически лишили кислорода. Несколько раз они с друзьями пытались прорваться через бдительные кордоны чиновников от искусства, но с нулевым результатом. И вот однажды каким-то чудом (наверное, внимание притупилось между очередными похоронами очередного генсека) его выпустили по туристической путевке в Польшу.

Оказавшись в Варшаве, он на другое утро стоял у дверей посольства Франции. Визу ему дали, и уже через несколько дней он, не веря глазам своим, в полуобмороке от счастья, подходил к Лувру. В Москве у него остались жена и маленькая дочь, которых, впрочем, он собирался со временем перетащить в Париж.

Четыре месяца Сергей доказывал властям, что он политический отказник. Наконец его приняли, пригрели. Дали муниципальное жилье и возможность работать, как может и, главное, как хочет.

Однако наличие свободы оказалось не менее коварным испытанием, чем ее отсутствие. Где привычное противостояние действительности? Кому тут нужна его скрытая оппозиционность, ставшая второй натурой? Перед кем бить себя кулаком в грудь?

Короче, спустя почти год он впал в жесточайшую депрессию, перешедшую в не менее жесточайший запой. Он чах на глазах у друзей, даже стал поговаривать, что надо возвращаться. Но потом очухался, «вынырнул» и опять начал работать.

— Алечка, вы про посылку не забыли?

Нина поставила на пол возле стола довольно увесистую сумку.

— Господи, какая большая! И ведь тащил же кто-то, дай ему Бог здоровья. — Альке даже стыдно стало, что, увлекшись разговором, она позабыла о посылке, которую собирали для нее два любящих человека.

Внутри оказалось несколько плиток российского шоколада, баночка красной икры («Вот ненормальные, зачем тратились!») и книги, русские книги, которых так не хватало здесь Альке. Многие из того, что стояло на полке возле изголовья Алькиной кро-

вати, Екатерина Великая, предварительно бережно обернув калькой, уложила в сумку. И главное, любимый черный томик Ахматовой. А на самом дне Алька нашла фотографии. Целый альбом. Любовно подобранные, они были расположены в хронологическом порядке. Здесь была Алька маленькая, ее родители, прадеды и прабабки, Екатерина Великая разных периодов жизни, Алькины школьные классные фотографии и даже открытки с видами Ленинграда.

Алька поняла, что Екатерина Великая так с ней прощалась. Что-то в душе ее сдвинулось с места. Точно невскую тяжелую льдину развернуло и медленно понесло по течению. Она прижала альбом к груди и заплакала. Сергей и Нина молча наблюдали за этой сценой. А что тут скажешь, и так все было понятно.

Алька упаковала вещи и встала.

— Алечка, дорогу теперь знаете. Приходите в любое время.

Нина с грустью посмотрела на Альку и перевела взгляд на поднявшегося Сергея. Тот накинул на плечи кожаную куртку и помог Альке одеться.

— Я провожу. Сумка-то тяжелая. Вам далеко?

Глаза Нины вспыхнули и погасли. Алька замялась.

— Да тут совсем рядом. У метро «Рим».

— Ну, так тем более. Идемте.

Дважды они добросовестно пытались начать совместную жизнь. Выглядело это так. Они решали, что хватит им довольствоваться несколькими часами нежности то у Альки на улице Бюдана, то у Сергея в его безалаберном и смуглом Пантене. Хватит часами нарезать круги по Парижу, коротать время в богемных посиделках. Пора съехаться, завести хоть какое-то подобие общего хозяйства и жить, поддерживая друг друга.

Оба они были влюблены. Во всяком случае, им так казалось. Или хотелось, чтоб казалось. Просто встретились два изголодавшихся по нежности человека и бросились в объятия друг другу. Ожесточившийся, подломленный алкоголем Сергей оттаял рядом с маленькой ясноглазой Алькой, жизненная энергия которой была через край. Хватало на двоих.

Альку сразу же, с первых мгновений встречи, качнуло в сторону Сергея. Он, как на грех, принадлежал к тому типу мужчин, на кото-

рых она самым роковым образом западала. Даже если с самого начала было ясно, что ничего путного из этого не получится.

Проходила совместная жизнь так.

Сначала они обитали неделю у Альки, которая по определению вынуждена была придерживаться строгого режима. Ранний подъем. Зарядка. Душ. Завтрак. Работа. Занятия языком или курсы по изучению французского искусства. Алька была настоящим трудо-голиком.

Надо отдать Сергею должное: он тоже с удовольствием работал. Почти раздал долги. Набрал новые заказы. Но его жизнь, и творческий процесс в частности, шла исключительно по касательной к Алькиной жизни. То есть касание это происходило практически только в вечерние часы.

Сергей спал за полдень. Потом ехал в свою квартиру, которую использовал и как мастерскую. Работал или в ожидании вдохновения шел на Монмартр бродить среди собратьев-художников, втайне завидуя, как легко, только имитируя, в сущности, творчество, рисуют они портреты не переводящихся в любое время года туристов.

Потом он ехал к Альке. Они ужинали, чаще всего дома. Потом, лежа на ковре, смотрели телевизор, потом лежание переходило в

Брачный транзит

объятия, а об-
тельную любо-

Потом Сер-

к своим бож-

и поэтам. Воз-

ным дымом г-

ночи, когда А-

На другой

лось. Так пр-

брались к С-

Алька уж

ламе из мол-

тых вчера

пельниц и

добросовес-

Сергей

лову:

— Руба

Тут пижа

что ты тра

лежала п

И пре

ся, подхл

терскую

грузинск

якобы х

Посл

за жизни

вылазк

объятия, а объятия в довольно продолжительную любовную бурю.

Потом Сергей отправлялся на посиделки к своим богемным друзьям — художникам и поэтам. Возвращался, пропахший сигаретным дымом и вином, во втором-третьем часу ночи, когда Алька уже седьмой сон видела.

На другой день все в точности повторялось. Так прошла неделя. Потом они перебрались к Сергею.

Алька ужасно страдала в настоящем бедламе из мольбертов, кистей, красок, невымытых вчерашних тарелок, вечно полных пепельниц и валяющейся повсюду одежды. Она добросовестно пыталась наводить порядок.

Сергей открывал шкаф и хватался за голову:

— Рубашки отдельно, носки отдельно! Тут пижама, тут носовые платки! Алечка, на что ты тратишь время! И вообще, вчера здесь лежала початая пачка сигарет, где она?

И прежде чем Алька успевала огорчиться, подхватывал ее под руку и тащил в мастерскую к друзьям, кутить: якобы приехал грузинский якобы князь с целым бурдюком якобы хванчкары.

После бессонной ночи, питья, разговоров за жизнь и за искусство, после очередной вылазки из окна монмартрской мансарды на

покатую крышу, едва не стоившей Сергею как минимум — сломанного всего и как максимум — жизни, Алька решила, что все, хватит. Хорошего понемножку.

Она быстренько собрала манатки, вернулась в свою чистую, светлую студию с окном в сад и почувствовала, что совершенно, ну, почти совершенно, счастлива.

Сергей испугался, напился и пришел каяться. Говорил, что без Альки не может, что она у него как свет в окошке. Алька не выдержала и поинтересовалась насчет жены и дочки. Тогда он, пьяно всхлипнув, спросил, ну зачем она с ним так. И ушел, хлопнув дверью так, что соседи повыскакивали из квартир.

Через день, в канун Рождества, явился трезвый, чистый, с букетом роз, признаниями в любви. Не простить было невозможно. Часть дня они провели в постели. Потом Сергей сказал, что хочет сделать ей сюрприз, и велел поскорее и понаряднее одеваться.

С туалетами у Альки, по причине ограниченности средств, было негусто. Старые, еще московские, давно рассосались как-то сами собой. Да, в общем, на вещах она не заикливалась. Знала, что иногда и выражение глаз может сделать погоду.

Алька уложила волосы в высокую прическу, надела «маленькое черное платье» с

открытой спиной (на распродаже случайно заприметила, как его мерила грудастая брюнетка, да ей, слава богу, оказалось мало), вдела в уши перламутровые сережки-слезки (подарок Екатерины Великой на окончание школы), прыснула на себя «Шанель № 5» и была совершенно готова. Сергей и сигарету докурить не успел. Он восхищенно покакрутил головой, подал Альке короткую меховую шубку, помог застегнуть молнию на сапожках и сказал, что карета подана.

Вечер был ясный, сухой. При известной доле воображения, можно сказать, даже морозный, но что звездный — несомненно.

У подъезда и вправду их дожидалось такси, которое через двадцать минут притормозило на углу бульвара Распай и Монпарнаса, возле знаменитой «Ротонды».

Обивка диванов из красного бархата, картины Модильяни, маленькие оранжевые абажуры, зеркала, игра теплого света в этих зеркалах и отражение его в ночных витринах, за которыми, точно в немом кино начала века, шла праздничная толпа, великие тени, чье присутствие несомненно ощущалось здесь, — все это в высшей степени настраивало на романтический лад, будило воображение.

Официант провел их к заранее заказанному столику. Алька, благоговая, провела тон-

ким пальчиком по медной табличке, прикрепленной к столешнице: «Жан-Поль Сартр». Если что-то в жизни и было ей недоподарено или недодано, все восполнилось в этот волшебный канун Рождества.

— Сережка, сумасшедший, откуда такие деньги? Ты что, с твоими охламонами банк ограбил?

— Не совсем. Помнишь ту мадам из бывших? Она все-таки заказала мне двойной портрет.

И, как всегда, непонятно было, шутит он или говорит правду.

Рождественская эйфория сменилась через два дня отчаянием. Сергей опять запил.

Ночью, после встречи Рождества, они, счастливые и немного хмельные, вернулись домой к Альке, а утром он ушел поздравить друзей и пропал.

Остаток дня Алька просидела дома, благо начались рождественские каникулы. Она слонялась в тоске по квартире и думала о том, что не везет ей в жизни с мужчинами. Как ни крути — не везет.

Она отдернула штору. Мелкие, какие-то ненастоящие снежинки летели мимо ее окна

и таяли, не достигая земли. Но, собственно, почему не везет? Школа не в счет. Энное количество давно почивших в бозе писателей, композиторов и, будь они неладны, художников мужского пола тоже не считаются. Институт — ну, ошибка молодости. А вот дальше — Стефан. Это да. Это как под трамвай попасть. Однако и с этим мы справились.

Справились? Алька подошла к зеркалу и вопросительно подняла брови. Ладно, пойдем дальше. Кристиан. Добрый романтичный Кристиан. Этот оказался на поверку просто средством передвижения. Но очень хорошим средством. И вот теперь — Сергей. С этим надо разобраться внимательно. Что это было — настоящее чувство или рецидив любви к Стефану?

От всех этих мыслей Алька расстроилась настолько, что почувствовала себя совершенно больной. Она даже пощупала лоб. Вот это да — горячий! Да и горло вроде побаливает. Поставила градусник. Тридцать восемь. Ничего себе, погуляли! К ночи ей стало совсем плохо. Горло точно обручем стянуло. Глаза горели, а тело скрутила страшная ломота.

Три дня она ничего не ела, лежала и пила теплую воду с лимоном. Надо же, хоть бы одна сволочь позвонила. Вот так сдохнешь,

никто и не хватится. Хотя все, наверное, думают, что она с Сергеем. Сама Алька звонить никому не хотела.

Она засыпала, просыпалась и чувствовала, что болезнь постепенно покидает ее. А вместе с болезнью и еще что-то. То, что было ее чувством к Сергею. То, что, как навязание, преследовало ее все эти годы — неизжитая память о Стефане.

Тридцатого она проснулась совершенно здоровой.

А тридцать первого позвонил Сергей. Вялым, заплетающимся языком он бормотал извинения, говорил, что все это время работал у себя дома, заканчивал портрет. А сейчас примет душ и приедет к ней.

— Сережа, дорогой, не приезжай, не надо. Ни сегодня, ни завтра, никогда.

И она повесила трубку.

Впервые она встретила Новый год одна. И совсем не огорчилась этому обстоятельству. Несколько человек, с которыми она хотела бы разделить этот праздник, были далеко, в другой стране. И куранты прозвенели там на два часа раньше. Когда Алька звонила поздравить, Екатерина Великая сказала, что она тут по-стариковски, с соседями, уже открыли шампанское, и все у нее хорошо, не надо волноваться.

Брачный трам

Говорят
его и пров
в разумный

Алька
окну. В ке

двинуты.

По телеви

с Новым

Она в

случится

Она гото

Медле

чезая в

дал снег.

ность «Ж

Пиаф пе

окном...

Алька

цу, чтоб

рижан.

Посл

тело бы

ходы в

В ш

ников.

нуля. Д

Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. Ну и хорошо. Одиночество в разумных дозах ей не повредит.

Алька открыла шампанское. Подошла к окну. В квартире напротив шторы были раздвинуты. Виднелся край накрытого стола. По телевизору президент поздравлял всех с Новым годом.

Она выпила бокал до дна. За все, что еще случится с ней. За все, хорошее и плохое. Она готова была принять все.

Медленно, не достигая земли, точно исчезая в ином, недостижимом измерении, падал снег. Кто-то включил на полную мощность «Жизнь в розовом свете». Голос Эдит Пиаф перемешался со снегом и смехом за окном...

Алька накинула шубку и вышла на улицу, чтобы затеряться в толпе гуляющих парижан.

После новогодних праздников время полетело быстро. Работа, занятия, дом. Редкие выходы в театр или в один из русских клубов.

В школе у нее набралась новая группа учеников. Русский язык они начинали учить с нуля. Десять человек, и все из правительст-

венных структур и политических институтов. Для них даже была разработана специальная программа с историческим и политическим уклоном. Алька немного волновалась: директор школы подчеркнула, что давать уроки людям из правительства очень ответственно. Она придирчиво оглядела Альку, как бы ища, что этим важным господам может особенно, на ее вкус, не понравиться.

— У вас слишком яркая губная помада, мадемуазель Александра.

Алька понимающе и сочувственно опустила глаза:

— Завтра этого не будет.

Она тщательно подготовилась к первому уроку, приехала в школу пораньше и развесила в классе таблицы с алфавитом и яркими рисунками с русскими буквами. Представила, как важные господа будут заниматься по этим детсадовским, в сущности, пособиям, и улыбнулась: что делать — охота пуще неволи.

Урок прошел нормально. Но зрелище было, наверное, то еще. Маленькая хрупкая учительница с белокурой челкой до бровей и солидные дяди, внимавшие ей с прилежностью первоклашек. Хотя кроме русских букв они явно успели хорошо разглядеть и русскую учительницу, милую и ясноглазую.

Братский труд
Из все
играющих
ной и пол
внимани
парты, в
замы и в
вайер. В
что он ра
с общест
циалисти
И он
Патрик
люзий о
литика.
на рыно
очень хо
тал он т
Патр
них пра
тантов.
грамму
щей С
иностра
сяца: ру
ния с ко
с Миха
лярным
«товари
«догово

Из всей группы этих представительных, играющих не последнюю роль в общественной и политической жизни страны мужчин внимание ее привлек «ученик» с третьей парты, высокий, с карими смеющимися глазами и высоким умным лбом — Патрик Дювайер. В графе «место службы» значилось, что он работает директором Бюро по связям с общественностью при Объединенной социалистической партии.

И он действительно там работал. Однако Патрик не был идеалистом и не строил иллюзий относительно того, как делается политика. Просто продвижение этого «товара» на рынок было его работой, которая у него очень хорошо получалась. И поэтому работал он там, где ему платили больше.

Патрик позвонил в школу после новогодних праздников, и его записали в класс дебютантов. Последние две недели он готовил программу поездки в Москву делегации правящей Социалистической партии. В школу иностранных языков его направили на три месяца: русский язык был необходим для общения с коммунистами новой формации во главе с Михаилом Горбачевым, необычайно популярным во Франции. Все-таки французские «товарищи» не теряли надежды наконец-то «договориться» с русскими коммунистами.

«Однако, посмотрим, что из этого выйдет», — подумал Патрик, переводя взгляд с ничего не говорящей ему кириллицы на прелестную молодую учительницу. И ему самому не вполне ясно было, к чему относится эта фраза: надежде французов законтачить с русскими, его авантюрной попытке выучить незнакомый язык или голубым глазам мадемуазель Александры.

Когда-то он был молодым, чрезвычайно успешным журналистом, освещавшим политическую жизнь Франции. Прославившись однажды на телевизионных дебатах в предвыборной президентской кампании, он получил предложение сотрудничества сразу от нескольких политиков и сменил хлопотную и небезопасную работу журналиста на должность спичмейкера в аппарате одного из лидеров правящей партии.

Десять лет спустя у него было все. Интересная и весьма высокооплачиваемая работа, связи на всех уровнях, достаток, работа, жена и двое маленьких детей. У Мирей, казалось, никогда не было повода беспокоиться о сохранности своего семейного очага. Уравновешенная, уверенная в себе, она вполне дове-

Брачный тр
ряла свое
ему пост
вне дома
ведь того

Когда
крылась,
Урок пр
лись дов
занятий
са. Ехате
дя из шк
чтобы пе
фе. Пос
району,
лых пяти

Это б
рический
и когда
найти у
«Притти
воспом
вая доро
цы Грен
Вот,
поселил
Берберо

ряла своему импозантному супругу, прощала ему постоянную занятость и частое отсутствие дома даже по выходным и праздникам, ведь того требовал характер его работы.

Когда дверь за последним учеником закрылась, Алька с облегчением вздохнула. Урок прошел на высшем уровне. Все остались довольны, и она в том числе. До начала занятий со следующей группой было два часа. Ехать домой нет никакого смысла. Выйдя из школы, Алька дошла до улицы Сены, чтобы перекусить в одном из недорогих кафе. После обеда она решила пройтись по району, в котором у нее осталось много белых пятен.

Это был Седьмой округ Парижа — исторический, официальный, очень престижный и когда-то очень богемный. Алька хотела найти улицу Амели, где раньше находился «Притти-отель»: она только что прочитала воспоминания Нины Берберовой. Спрашивая дорогу у прохожих, Алька дошла до улицы Гренелль, там свернула на улочку Амели.

Вот, оказывается, где в апреле 1925 года поселились Владислав Ходасевич с Ниной Берберовой и прожили самое, может быть,

трудное время своей жизни. Здесь Нина метрами вышивала крестом — «стегала свои крестики», чтобы прокормить себя и мужа. Эта улочка видела слезы их надежд и разочарований.

Алька стояла, присматриваясь и принюхиваясь, словно хотела поймать уносимую потоком времени добычу. Несколько утолив после голода физического голод эмоциональный, она двинулась в сторону школы.

На набережной ее застиг дождь. Алка достала из сумочки маленький зонтик, но сильные порывы ветра не давали возможности раскрыть его. Дождь припустил еще сильнее. Чувствуя, что сейчас промокнет насквозь, она побежала, стараясь держаться ближе к домам.

Внезапно у тротуара притормозил серебристый «ситроен», дверца распахнулась, и мужской голос прокричал:

— Мадемуазель Александра, скорее сюда!

Еще не успев разобраться, что к чему, Алка нырнула в спасительную машину. Брызги от нее полетели во все стороны. Охнув, Алка с извинениями повернулась к мужчине за рулем.

— О, мсье... — Она сразу узнала его, но не могла припомнить фамилию.

— Патрик, Патрик Дювайер. — Хозяином «ситроена» действительно был ученик из ее новой группы.

— Простите, мсье Дювайер, я тут устроила целый потоп!

— Пустяки, главное, вас не смыло этим ливнем в Сену. Право, было бы очень жалко лишиться такой очаровательной учительницы. Может быть, я могу пригласить вас выпить чего-нибудь согревающего? Ведь вы совсем промокли.

Тут Алька вспомнила, что говорилось в уставе школы о «личных контактах».

— Спасибо, но через десять минут у меня следующая группа. И...

— Так, что же «и»?

— ...И нам не разрешено общаться с учениками, — выпалила она, сама того не ожидая. Потому что чувствовала, как с каждой минутой нарастает в ней симпатия к своему «спасителю».

— Что-о-о?! И это в стране с такими демократическими традициями? Нет, в самом деле, куда смотрит парламентское большинство!

— Я не совсем точно выразилась. Не разрешены контакты. Близкие контакты.

— Какие-какие? Близкие? То есть сидеть со мной в машине вам запрещено? — И он от души рассмеялся. — Так вот, дорогая мадемуазель Александра, мы не позволим никому так с собой обращаться, верно? Когда у вас заканчиваются занятия?

— В шесть тридцать, — послушно ответила Алька.

— В шесть тридцать я буду ждать вас у школы, даже под страхом нарушения закона. Я приглашаю вас поужинать вместе. И обещаю — мы будем держаться друг от друга на расстоянии.

Так начался их головокружительный роман. Даром что Алька, недавно пережившая короткое и бурное увлечение Сергеем, собиралась чуть ли не год вести затворнический образ жизни. Но — мы предполагаем, а Бог располагает.

Даже то обстоятельство, что ее избранник женат, не слишком омрачило ее счастье. Любовь, которая, словно второе дыхание, открылась в ней, совершенно не подразумевала выставления условий и требований. Алька была безоговорочно рада тому, что получала, и не просила большего. Да и неудавшиеся попыт-

ки связать свою жизнь с кем-то «навсегда» кое-чему ее научили.

Они много времени проводили вместе. И много разговаривали. Профессиональные и литературные интересы делали их связь еще более глубокой и насыщенной. От Патрика она многое узнала о жизни литературной богемы Парижа и в свою очередь рассказала ему много грустных и смешных подробностей о литературной и художественной жизни своего тоталитарного отечества.

Они часто ездили за город, иногда забивались довольно далеко от Парижа и одну-две ночи проводили в гостинице. Но еще чаще встречались в ее светлой студии на улице Бюдана.

Патрик приходил с охапками цветов, вином, дорогими подарками. Они ужинали, потом ложились в постель, и любовь перемежалась у них с разговорами обо всем на свете. Когда Патрик поднимался, чтобы уходить, она прижималась щекой к его ладони и замирала на несколько секунд. Он наклонялся и ласково целовал ее волосы. Она смеялась и говорила: «Иди, иди, тебе уже пора», — и легко отстранялась.

Проводив его, она ложилась обратно в постель, на простыни, где они только что любили друг друга, и лежала, раскинув руки и

глядя в потолок, пока совсем не переставала ощущать их общего в этой постели тепла.

Связь с Патриком Дювайером совершенно неожиданно для Альки принесла и серьезный практический результат. Сам в прошлом журналист, он понимал, как тесно Альке в тех рамках, в которые поместили ее обстоятельства. Ее творческий потенциал фактически оставался нереализованным. И он решил дать ей шанс состояться профессионально. Кроме всего прочего, это была реальная попытка ассимилироваться во французскую жизнь.

Патрик рекомендовал Альку своему старому приятелю, Огюсту Дюпону, руководителю пресс-центра «Взгляды и мнения». Алька, при всей своей склонности к авантюрам, поначалу здорово стухнула. Все же ее, пусть и очень хороший, французский был неродным языком. И потом, язык прессы — это не быденная или литературная речь. Тут требовались совершенно иные навыки. Однако Патрик проявил волю и настоял на их встрече с Дюпоном.

Солнечным, насквозь весенним днем Алька вышла из дому. Конец марта в Париже — это совсем особая тема. Свежая глянцева

листва на деревьях, белые и желтые нарциссы, все мыслимые сорта тюльпанов... На какое-то время город превращался в огромную цветочную клумбу. Все это великолепие так и просилось в объятия, придавало оптимизма и желания жить дальше.

Перед уроками в школе у Альки была назначена встреча с мсье Дюпоном. Оказалось, что его издательскому центру действительно требовался специалист, ориентированный на проблемы союзных республик бывшего СССР и стран Восточной Европы.

Нужно было просматривать всю советскую и русскоязычную прессу, отбирая публикации, касающиеся политики, экономики и культуры.

К этой встрече Алька серьезно подготовилась. В библиотеке Центра Помпиду она проштудировала не только центральные советские газеты за два последние месяца, но и прессу, которая выходила в Союзе на французском и английском языках. А еще позволила Ритке и, потратив кучу денег, в течение полутора часов выслушивала подробности и детали «с места событий».

А порассказать Ритке было о чем, это уж точно. Прибалтика начинала бунтовать — это раз. Возникли «неформальные» движения — это два. В Карабахе бог знает что

творится — это три. Из Афганистана стали возвращать наших мальчиков — это четыре, и самым страшным была правда о той войне, правда, которая теперь, попав в открытый доступ, повергла общество в шок. Родимый Питер тоже колбасило по полной программе. И далее — весь список лучше не оглашать, чтоб не поплохело. Последней в очереди оказалась новость о Риткином замужестве. Но тут подробности, как говорится, письмом.

Кроме уймы самой свежей информации Алька несла еще и себя, любимую. По случаю важного делового визита она надела классический темно-синий костюм (юбка на два сантиметра выше колена), белую шелковую блузу с отложным воротом и туфли на высоком каблуке. Волосы она закрутила узлом и прихватила черепаховой заколкой. Фирменная челка, как всегда, спадала на лоб. Минимум косметики: бледно-розовая помада в тон лаку на ногтях. Все. Немного портила общий вид большая сумка с учебниками, но тут уж ничего нельзя было поделать.

После Риткиных страшилок, проходя по залитым весной и светом благополучным парижским улицам, Алька чувствовала себя незаслуженно счастливой. Она слегка поугры-

залась по этому поводу, а потом плюнула: в конце концов, ради этого ощущения счастья и полета она немало претерпела. Она выстрадала это, черт возьми!

Теперь ее жизнь еще больше уплотнилась. Подготовка к занятиям в школе, сама школа плюс новая работа. Несколько раз в неделю они встречались с Патриком. Однажды, пробегая по улице Лабор, она зацепила взглядом вывеску «Петрушка» и решила заскочить. Давненько она здесь не была, однако.

Еще от дверей она увидела Нинино осунувшееся бледное лицо. Она кивнула Альке, и в глазах ее мелькнуло подобие улыбки.

— Нина, что-то случилось? — спросила Алька охрипшим вдруг голосом.

— Алечка, хорошо, что вы зашли. Как будто чувствовали. А мы вчера Сереженьку похоронили.

Алька молча села за соседний столик. Нина принесла чай и тоже молча села рядом. Через несколько минут, справившись с волнением и подступавшими слезами, Алька спросила, что же случилось.

Из Нининого рассказа, прерываемого тихим плачем, нарисовалась такая картина.

После разрыва с Алькой Сергей опять запил. И не только и не столько в Альке здесь было дело. Это было тяжелое привычное беспробудное российское пьянство, граничащее с душевной болезнью. Друг по эмигрантским скитаниям Володька Татаринов терпеливо выслушивал его маниакальные бредни и пытался вытащить из пьяного морока. Он ухаживал за ним, как за ребенком, готовил незатейливую еду, выносил бутылки, тушил непогашенные сигареты, убирал разбросанные по всей квартире вещи.

Наконец Сергею немного полегчало.

Он встал, сменил одежду, даже побрился и вышел из дому. Ноги сами принесли его в «Петрушку». Он толкнул плечом дверь, и Нина, просияв глазами, встала навстречу его одиночеству.

Их связь была странным, вымученным подобием любви. Но все же это позволяло Сергею держать какое-то эмоциональное равновесие. Философски заявив, что пьянство — это добровольное безумие, он больше не позволял себе тяжелых срывов. Но тайком продолжал потихоньку употреблять «ее, родимую».

В начале весны он получил письмо из Москвы от друзей художников, которые готовили большую выставку в Манеже. Они

приглашали его принять участие в выставке, уверяли, что «перестройка» дает художникам все возможности для самовыражения.

Письмо это возымело на Сергея странное действие. Это было озлобление и отчаяние одновременно. Он кричал, что все это враки и быть такого в России не может никогда, потому что не может быть по определению. Кричал, что его тамошние друзья — ослы безмозглые. Потом начинал плакать, пенять на судьбу, которая «забросила его в проклятый Париж», и спрашивать, а не податься ли и вправду на родину.

Нина старалась все время находиться рядом с Сергеем. Она была сильнее и старше и тешила себя вечной женской иллюзией, что обязательно спасет любимого человека, отведет от роковой черты.

Володька Татаринов, сам похоронивший в пьянстве свой поэтический дар и чудом спасшийся от самого худшего, старался помочь другу, чем мог. На свой страх и риск он позвонил жене Сергея в Москву и рассказал о том, что происходит с ее мужем.

С родины полетели письма, возобновилась совсем было угасшая телефонная связь. Сергей впервые за долгое время расправил плечи, начал улыбаться и показывать всем фотографии подросшей дочери. Он терзался

сомнениями, но все же наконец решил уезжать в Москву.

Ближайшее окружение великодушно простило ему долги. Была даже собрана некоторая сумма на билет в поезд «Париж—Москва» и подарки жене и дочери.

Добросердечная Нина, не веря до конца, что скоро любимый человек покинет ее навсегда, бегала по распродажам, покупая его жене и дочке добротные и красивые одежды.

Накануне отъезда в «Петрушке» устроили душевные проводы и договорились встретиться на другой день, в два часа, на перроне Северного вокзала. Поезд отходил в три двадцать.

На следующий день Нина и многочисленные друзья Сергея собрались у платформы, где стоял поезд «Париж—Москва». Оставалось полтора часа до отхода, Сергея еще не было, но никто не волновался. Стояли, обсуждали подарки и сувениры. Чего тут только не было! Кофе, чай, сладости, консервированная ветчина, несколько сортов сыра (все знали, что в России продовольственный кризис), сумки с вещами. И отдельно сумка с едой в дорогу: жареная курица, пирожки с мясом и капустой, круассаны. Нина постаралась.

Смеялись, шутили, потом стали поглядывать на часы и беспокоиться: до отправле-

ния оставалось сорок минут. Нина хотела уже идти звонить из телефона-автомата, как вдруг они увидели бегущего в сторону платформы Володю. По выражению его лица было ясно: произошло что-то ужасное.

Сбиваясь и судорожно глотая воздух, он рассказал, что случилось.

Утром он приехал к Сергею, как договорились, к одиннадцати. Во дворе стояла полицейская машина. Володя сразу почуял недоброе. Бегом поднялся на пятый этаж. В квартире находились полицейские и консьерж. На лестничной площадке стоял сосед-араб. Это он, почувствовав утром сильный запах газа, вызвал полицию.

Сережу уже увезли. На столе он оставил по-смертную записку: «В смерти моей прошу никого не винить. Ушел из жизни добровольно».

Поезд свистнул и начал медленное движение. А группка растерянных молчаливых людей так и осталась стоять на опустевшем перроне.

Прошел еще год. Полный забот и перемен год.

Алька ушла из школы. У мсье Дюпона осталась на внештатной работе: иногда к ней

обращались за консультациями по тем или иным вопросам.

Теперь она работала в агентстве Франс Пресс. Занималась просмотром и отбором для дальнейшего перевода на французский материалов из советских газет и журналов.

Работа ей очень нравилась. Во-первых, она была связана с родным языком. Во-вторых, переводя, Алька шлифовала свой французский. Вскоре она уже сама могла писать небольшие заметки для «Фигаро», старейшей утренней газеты с тиражом более четырехсот тысяч экземпляров, большим для такой страны, как Франция.

Конечно, не обошлось без звонка Патрика главному редактору. Оказывается, во Франции тоже действовало «телефонное право». Справедливости ради надо отметить, что Патрику ни разу не пришлось краснеть за свою протекцию.

Интерес ко всему русскому во время «перестройки» был очень велик. Парижскими изданиями публиковалось много материалов на политические и литературные темы.

Для «Фигаро» она брала интервью у всех «поколений» русской эмиграции. Познакомилась со своим кумиром — Ниной Берберовой. Застала, еще до ее отъезда в Россию, «поэтессу с голубым бантом» Ирину Одоев-

цеву. Встречалась с Мариной Влади. Интервью с ними в ежемесячном журнале «Литературные новости» она потом с гордостью отправила Екатерине Великой.

Алька была счастлива. Она чувствовала, как рядом с ней ворочаются жернова истории, она слышала, как сыплется золотой песок времени, и могла подставить под него обе ладони и при желании пропустить его сквозь свои пальцы.

Она стала получать заказы из разных парижских изданий. Алька по многим позициям подходила для мобильной и порой довольно рискованной работы: одинокая, коммуникабельная, молодая, симпатичная, владеющая тремя языками... Зачастую ее вынимали прямо из постели. А поскольку события на Алькиной бывшей родине мелькали со скоростью проматываемой в фотоаппарате пленки, то и «вынимали» ее с завидной регулярностью.

Она моталась по разным странам охваченного центробежным движением соцлагеря. В ее обязанности входили покупка билетов и бронирование гостиницы. Она прибывала на место события, изучала обстановку, производила фото- или телесъемку (за это платили отдельно), отправляла материал из пресс-центра.

После командировки она составляла отчет с приложением билетов, счетов за гостиницы и телефоны, всевозможных чеков. Собственная безопасность тоже была ее проблемой. Ну, правильно: спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Две недели она провела в гудящем, точно растревоженный улей, Берлине, когда там начали демонтировать Берлинскую стену. И потом с горячими слезами восхищения слушала, как на развалинах этого символа тоталитаризма играл Мстислав Ростропович. Ее интервью с маэстро, названное «Соло для виолончели», было отмечено как лучшее за год.

Когда чета Горбачевых посетила Париж, Алька присутствовала на приеме в Елисейском дворце и потом на пресс-конференции в «Рице». В результате получилась отличная статья: «Он и она в интерьере истории».

В начале девяностых, когда во Францию хлынул поток эмигрантов из бывшего СССР, она писала актуальные статьи об эмигрантских проблемах, с которыми была знакома не понаслышке.

Лишь одно оставалось неизменным в этом постоянно меняющемся мире — ее личная жизнь.

Патрик продолжал красиво за ней ухаживать. Два-три раза в неделю (редко — на вы-

ходные) они встречались у Альки, потом ходили в ресторан или театр. Иногда под видом командировки совершали короткие поездки в столицы соседних государств, останавливаясь в роскошных отелях, ни в чем себе не отказывая.

Если Патрик по каким-либо причинам не мог с ней встретиться, он неизменно присылал цветы или какой-нибудь милый подарок и оставлял шутливое послание на автоответчике.

Но все на свете должно куда-нибудь да двигаться. Или вперед, или назад. И остановка в движении означает смерть.

До сих пор Алька подавляла желание что-то изменить в своей жизни. И даже сама себе признаваться не хотела, что стала подумывать о нормальной семье и ребенке. Она заглушала эти мысли работой, а когда выдавался свободный вечер — доставала привезенную из Москвы тетрадку с набросками неясного какого-то романа и писала, пока глаза не слипались.

А вскоре появился и новый «отвлекающий момент».

Патрик, практичный, как многие французы, уговорил ее взять кредит и купить соб-

ственную квартиру: сколько можно четверть зарплаты отдавать за съемное жилье!

Кредит на десять лет! Алька ударилась в панику: а вдруг что-нибудь случится, вдруг она потеряет работу или, не дай бог, заболеет? Кто будет платить?

Патрик терпеливо объяснял ей ее права, говорил про социальную защиту, и в конце концов она сдалась.

Из нескольких квартир она выбрала ту, что находилась на улице Виктора Гюго. И дело было не в том, что двухкомнатная квартира, гостиная которой выходила на улицу, а кухня и спальная в тихий зеленый двор, была хороша сама по себе, просто, когда они с агентом по недвижимости подходили к дому, по дороге им встретились две старые лавки, сохранившие декор начала века, и кондитерская с кружевной металлической решеткой. Тогда она и поняла, что будет жить именно здесь.

Когда Алька въезжала в первое свое собственное жилье, то думала, что участвует в съемках какого-то голливудского фильма про Золушку. Так все это было невероятно: у нее квартира в Париже!

Ей повезло: бывшие владельцы сделали перед продажей прекрасный ремонт — белые ровные стены, блестящий паркет в «елочку»,

Брачный трагедия
новая современная
отделанная
новизной.

Алька
не верила
дворец те
мебели (и
только ш
отказыват
было пок

Мебел
быть не т
А значит
Алька н
это ужа
Она под
бель у к
держани
ны, бла
эту мыс
дет Кат
делать.

С К
«Петру
ствова
лись, н

новая современная кухня и ванная комната, отделанная голубым кафелем, все сверкало новизной.

Алька мыла высокие окна и до сих пор не верила, что этот по советским меркам дворец теперь принадлежит ей. Правда, из мебели (не считая кухонной) у нее была только широкая («чтобы ни в чем себе не отказывать») двуспальная кровать. И надо было покупать все остальное.

Мебель для такой квартиры должна была быть не только качественной, но и стильной. А значит, дорогой. Влезать в новый кредит Алька не решалась. Советское «долг — это ужасно» сидело в мозгу, как заноза. Она подумала о том, что можно взять мебель у кого-нибудь на время или купить поддержанную, но посмотрела на новые стены, благородной формы окна — и прогнала эту мысль как недостойную. Вот сейчас придет Катя, и вместе они решат, что с этим делать.

С Катей Алька познакомилась недавно в «Петрушке». Поначалу они только приятельствовали, а теперь по-настоящему подружались, несмотря на разницу в возрасте в десять

лет. Спокойная, какая-то по-домашнему рассудительная, Катя заменила в какой-то мере и Ритку, и Екатерину Великую. История этой русской парижанки стоила отдельной книги.

В конце восьмидесятых Екатерина Мигунова, заплит одного из свердловских театров, сбежала с советского теплохода, совершавшего рейс Одесса—Варна—Стамбул—Новороссийск.

В Стамбуле она отошла от группы на одной из кривых узких улочек и оказалась ровно в той ситуации, в которой оказались герои булгаковского «Бега», когда Стамбул еще был Константинополем.

Полдня она, путая следы (все время мнилась погоня, а каждый уличный продавец лепешек казался тайным агентом Кремля), бродила по жаркому и говорливому южному городу, а к вечеру, изъясняясь на кое-как понимаемом здесь английском, добралась на попутках до Анкары.

Первое посольство, до которого ее довезла семья сердобольных турецких армян, оказалось посольством Франции. Конечно, ей гораздо больше хотелось оказаться на территории посольства США, потому что, во-первых, она прилично знала английский, а во французском была полным профаном.

И во-вторых, в Штатах жила ее очень и очень дальняя родня, покинувшая родину в начале двадцатых тем же водным путем, который проделала Катя. Ни в каких официальных бумагах («кем были ваши родители до семнадцатого года?» да «содержался ли кто-то из ваших родственников в немецком плену?») они с мамой, глухо презиравшей советскую власть и фактически благословившей дочь на побег, эту дальнюю родню не указывали.

Но выбирать не приходилось. Она боялась, что какой-нибудь турецкий полицейский, увидев одинокую женщину европейской наружности, поинтересуется, в чем дело, и тогда — пиши пропало. Позорная депортация в Союз и крест на всей дальнейшей жизни. И Катя с облегчением сдалась французам.

Десять лет жизни в Париже, когда пришлось все начинать с нуля, тоже оказались не сахаром. Все было: и довольно унижительная бедность, и поиски работы, и неудачные романы. Однако она справилась со всем и заняла свое место в «русском Париже». Сейчас она обучала русскому языку и литературе подрастающих внуков эмигрантов второй волны и правнуков — первой. А когда с финансами было совсем не-

важно, подрабатывала приходящей нянькой у волны третьей. Все это она называла «гнать волну».

...Когда раздался звонок в дверь, Алька легко спрыгнула с широкого, несовременного подоконника и побежала открывать.

Катя пришла с подарками — разной необходимой в хозяйстве кухонной мелочью, вином и тортом, чтобы обмыть первую Алькину собственность.

Приканчивая вторую порцию торта, Алька решила сформулировать свою просьбу:

— Катюша, мне послезавтра опять в командировку, в Берлин. Не поживешь у меня? Так не хочется эту квартиру оставлять пустой. Посмотри, как хорошо! Здесь обязательно должен жить хороший человек. А через недельку я вернусь, и мы пойдем покупать мебель. Согласна? Ну что ты там будешь сидеть на отшибе в своем Порт-де-Ванв?

— Алечка, да не волнуйся, конечно поживу. И с удовольствием. Приедешь не в пустую квартиру, это же так приятно. И мебель купим, и все, что нужно. Езжай в свой Берлин со спокойной душой.

И сказано это было так просто, по-родственному, что Алька с благодарным воплем восторга кинулась подруге на шею.

Спустя десять дней Алька сидела в своей пахнущей пирогами и хорошо прожаренным кофе кухне и слушала сообщения на автоответчике. Одно из последних было от Патрика. Он сказал, что сегодня в восемь вечера будет ждать ее «У Максима».

— Ого, Катюш, «У Максима»! Что это так сразу, без предупреждений? Туда просто так не приглашают, тебе не кажется? Может, «клиент созрел»? Может, «мужчина моей мечты» на что-то решился? Нет, серьезно, выйти замуж за любимого, красивого, умного и богатого в одном флаконе — представляешь?

— Представляю, Алечка, конечно представляю. Что может быть лучше... — И по голосу Кати ясно было, что в сказку про Золушку она давно не верит.

— Нет, вот увидишь, предчувствие меня не обманывает!

Собиралась Алька особенно тщательно. Надела платье цвета старой розы с широким (и глубоким) вырезом каре, безумно элеган-

ные босоножки. На шею повесила платиновую цепочку с кулоном в форме буквы «А», украшенной маленьким бриллиантом. Подушилась любимой «Шанелью», как учила Екатерина Великая: «Для себя, для него и для того нахала». Сказала Кате, чтоб оставалась ночевать, потому что они скорее всего поедут потом куда-нибудь за город, поцеловала подругу, вымазав ей щеку помадой, и была такова.

Париж переживал очередную весну, сумасшедшую и яркую. И часть этого сумасшествия передалась Альке. Она жадно смотрела по сторонам, пока такси не притормозило на улице Рояль, роскошной и искрящейся, как бутылка шампанского, запечатанная с одной стороны Мадлен, а с другой — Бурбонским дворцом. Ну да, такая вот бутылка-мутант с двумя горлышками. Чего только не бывает весной в Париже!

У входа ее ждал Патрик с букетом темно-красных роз. Он обнял Альку и прижал к себе. Алька удивилась — обычно на людях Патрик бывал довольно сдержан. Ужин был прекрасно сервирован, в серебряном ведерке со льдом стояло шампанское «Дом Пере-

ньон». Все шло, как и предполагала Алька. Сейчас это случится. Как в кино. В глупом и прекрасном голливудском кино.

Патрик крепко сжал ее руку.

— Алекс, дорогая, мы должны расстаться.

Он с ужасом смотрел, как постепенно изменяется ее лицо. Сначала «выключились» глаза, потом как-то сразу впали щеки, точно она набирала воздух для крика, потом приоткрытый рот сомкнулся, и в уголках его образовались горестные складки. Все это происходило точно на замедленной съемке. Он чувствовал себя убийцей, который наблюдает агонию своей жертвы.

Алька не закричала. Она сидела в той же позе, с бокалом в руке, точно окаменев. Потом осторожно поставила бокал: рука отчаянно дрожала. Высвободила вторую руку из судорожно сжимавшей ее руки Патрика. Он слабо пытался удержать.

Потом она взяла нож и вилку и продолжила ужин. Он со страхом наблюдал за ней. Наконец она отодвинула тарелку и мертвым голосом спросила:

— То, что ты сказал, правда?

— Дорогая моя, я люблю тебя, как никогда никогда не любил. Но мы должны расстаться. Это мое окончательное решение. Прости.

Алька встала, и Патрик поднялся следом за ней.

Она позволила ему отвезти себя домой, потому что боялась, оказавшись на улице, броситься под первую же попавшуюся машину.

Возле дома Патрик, пытаясь с французской легкостью завершить ситуацию, хотел Альку обнять, но она отстранилась и вышла из машины, не проронив ни слова.

Всю ночь Катя ни на шаг не отходила от Альки. Еще только открыв дверь, она поняла, что все пошло по наихудшему сценарию.

Сначала Алька металась по квартире и стонала, точно ее мучила зубная боль. Потом утихла, села в гостиной на пол и замерла, глядя в одну точку. Это было дежа вю истории со Стефаном. Только еще страшнее. Машина, которая на всем ходу врезалась в стену, была на сей раз еще больше нагружена, а стена оказалась совершенно железобетонной.

Под утро Кате удалось переместить Альку за кухонный стол и напоить горячим чаем. Алька периодически задавала один и тот же вопрос: «Почему?» Но этот вопрос был

Брачный п
явно рит
русские
лать?».

Пото
жила в
так как
ма, не
продол
сильной
ла. Кат
меньше
боким

Соб
еще до
до тех
ции в
какой

Но
триви

Од
газет

трудн

мент

Дети
спин

покл

явно риторическим. Как, впрочем, и другие русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Потом Катя отвела Альку в спальню, уложила в постель, накрыла двумя одеялами, так как Альку слегка потряхивало. И сама, не раздеваясь, прилегла рядом. Алька продолжала периодически мычать, как от сильной зубной боли. Наконец вроде заснула. Катя, измученная бессонной ночью не меньше Альки, тоже забылась чутким, неглубоким сном.

Собственно, подобной развязки могло еще долго не произойти. По крайней мере до тех пор, пока Алька, не выдержав стагнации в их отношениях, сама не сделала бы какой-нибудь резкий шаг.

Но судьбе было угодно поступить самым тривиальным образом.

Однажды утром Патрик, читая свежую газету, заканчивал завтрак. Ему предстоял трудный день: начинались выборы в парламент, а значит, у него прибавлялось работы. Дети еще спали. Вдруг он услышал за своей спиной тихие всхлипывания. Невозмутимая, покладистая Мирей плакала.

Патрик развернулся, изобразив на лице крайнюю степень недоумения.

— Дорогая, что случилось?

Всхлипывания постепенно переходили в рыдания.

— Да что стряслось с утра пораньше, ты можешь сказать?

— Не могу...

Она действительно не могла, потому что не знала, что надо говорить в таких случаях. Ни разу за двенадцать лет совместной жизни они не устроили друг другу ни одной сцены. И вот сейчас, когда такой момент настал, оба совершенно не понимали, как себя вести. Просто не было стереотипа поведения. Оставалось разве что позаимствовать из кино.

— Плачешь и не знаешь почему? — Он тянул время, поскольку обо всем догадался с первой минуты.

— Это *ты* должен знать. Уже весь город знает.

«И какой болван сочинил этот мерзкий диалог?» — Он встал и хотел ее обнять.

Мирей, следуя драматургии событий, отстранилась.

— И сколько времени это уже длится?

— Дорогая, это не имеет к нашей с тобой жизни абсолютно никакого отношения...

— Никакого? Совсем никакого? А когда ты ложишься с ней в постель — тоже никакого?

Ну да, года полтора они были довольно пылкими любовниками, но потом, после рождения детей, Мирей редко сама проявляла заинтересованность этой стороной брака. И вдруг оказалось, что создавшаяся ситуация для нее не просто оскорбительна как для женщины, но и мучительна как для женщины любящей. Видимо, последнее его трехдневное отсутствие переполнило чашу ее терпения.

Несмотря на то что сцена была тяжелой и, как она завершится, было совершенно не ясно, Патрик испытал некоторое облегчение. Два года он ловчил и изворачивался, врал, глядя в доверчивые глаза жены. И Алекс... Каждый раз, когда он уходил от нее, маленькой, хрупкой, гордой, изо всех сил улыбающейся, его мучили угрызения совести... Бедная девочка, она так старалась показать, что все ей нипочем.

Господи, как ни крути, везде он не прав!

Поди попробуй объясни жене, что он ее любит и ценит, что двое прекрасных детей связали их на всю жизнь... «Дорогая, я тебя люблю, но *там* у меня, видишь ли, страсть». И *там*: «Дорогая, ты самое прекрасное, что было у меня когда-либо в жизни, но и жену я, видишь ли, тоже некоторым образом...» Чушь какая!

Он чувствовал себя предателем по отношению к ним обеим и в то же время злился — ну почему, почему обязательно надо что-то менять?.. В общем, как и большинство мужчин, Патрик был конформистом.

Сейчас ни о чем другом, кроме работы, на которую он, кстати, уже опаздывал, думать Патрик не мог. В этот момент Мирей подошла и прижалась к нему всем телом. Она всхлипывала в его объятиях, и пахло от нее чем-то таким родным, понятным, вошедшим в плоть и кровь. Патрик почувствовал, что еще несколько секунд, и они займутся любовью прямо на кухонном столе, чего не делали со времен молодости.

— Родной, пожалуйста, не оставляй меня...

Он понимал, что сейчас совершит предательство и что у него нет другого пути.

— Не волнуйся, там — не серьезно. Закончатся выборы, и мы с тобой поедem отдохнуть. Ты куда хочешь?

Он поцеловал жену в голову и, близкий к истерике, выскочил за дверь.

Еще неизвестно, чем закончился бы для Альки неожиданный разрыв с Патриком Дювайером, если бы не Катя, которая заменила

ей в тот страшный момент жизни мать, сестру, няньку, психотерапевта на дому и домработницу. Она терпеливо выслушивала непрерывные Алькины монологи о смысле жизни и месте женщины в обществе и семье и вообще о том — ну как, как это было можно так с ней поступить?!

Катя ходила в магазин за продуктами, готовила домашние вкусности и насильно кормила таявшую прямо на глазах Альку. Она укладывала ее спать и поднимала рано утром на работу. Работу-то никто не отменял — надо было выплачивать кредит за квартиру, в которую, кстати, они благодаря Катиной настойчивости (Алька твердила, что ей теперь ничего не надо) все-таки купили отличную мебель.

Беда не приходит одна. Позвонили из Ленинграда (который за это время опять стал Петербургом) соседи и сообщили, что умерла Екатерина Великая. Внешне Алька никаких сильных чувств не проявила, но окончательно ушла в себя, замкнулась.

Почти семь месяцев она тосковала и худела. Ничем не интересовалась, никуда, кроме работы, не ходила. Даже довольно частые командировки не могли вывести ее из заморозенного состояния. К весне остались от Альки одни глаза.

И когда Катя уже почти отчаялась, случилось чудо. В одно прекрасное февральское утро Алька точно проснулась. Она ворвалась в гостиную, где на диване спала Катя, отдернула тяжелые портьеры и закружилась, приговаривая:

— Катичка, посмотри, какая весна! Нет, ты только посмотри в окно — снег растаял, солнце шпарит, птицы поют! Все, собираемся и едем!

— Куда едем, Алечка? — Катя спросонья крутила головой и ничего не понимала.

— Куда едем? Куда... — Алька, казалось, соображала на ходу. — А едем мы с тобой в Мон-Сен-Мишель, я давно мечтала там побывать, да все не доводилось.

И уже через час на стареньком Катином «пежо» они выезжали из Парижа.

...Они увидали его издалека. Да его и нельзя было не заметить при всем желании. Гранитная скала и вросший в нее собор, или наоборот, — выросший из нее собор: точно окаменевший костер протягивал в небо языки пламени или высшими силами запечатленная в камне человеческая душа рвалась в небеса.

И вся эта совершенно непереносимая красота дублировалась отражением в разлившихся по весне водах Атлантики: собор со всех сторон был окружен водой.

— Знаешь, Катюша, а жизнь-то, кажется, удалась, — тихо, одними губами произнесла Алька.

В Париж они вернулись за полночь, совершенно счастливые и умиротворенные.

Из Москвы Алька приехала не в гостиницу, а прямо к Ритке: подруга чувствовала себя оскорбленной — наконец дома, а живет черт-те где, как неродная.

За время Алькиного отсутствия в городе подморозило, стало чище, но скользче. На своих каблуках Алька еле доковыляла до стоянки такси. Через сорок минут она уже была у Ритки. Та по случаю школьных каникул да и объявленных общероссийских («Представляешь, что сотворили? Теперь народ полторы недели квасит, потому что на Куршавили у него денег нет, а остаток января прочухивается».) сидела дома и основательно подготавливалась к возвращению подруги: пироги стояли, натурально, под парами, салаты оставалось только заправить майонезом, грибочки — разложить по мисочкам, а водочку из холодильника — разлить по стопочкам.

Федор, вернувшийся накануне из лагеря, недолго покрутился среди, как он заявил, «чу-

мовых теток» и, сунув под мышку подаренную «соньку», отвалил подальше от их веселья со слезами и смехом — к друзьям.

Алька оглядела раскинутую скатерть-самобранку:

— Ритусь, да ты что? Меня же муж не признает. И вообще, некогда нам с тобой дома расслаживаться. Сегодня поедem на Васильевский, дышать «дымом отечества». Хоть на окна наши посмотрю. Вечером, сама знаешь, встреча с университетскими. — Алька дожевала третий кусок пирога с капустой, Риткин конек. — Просили рассказать о журналистских буднях Парижа, понимаешь ли. Завтра поедem на кладбище. Послезавтра ты обещала меня в какое-то издательство отвести. Я правильно оглашаю список? Ну вот, а после-послезавтра — чао-какао! Ах как не хочется! Скучно там! И правда, что это за жизнь: дом, машины, хозяйство, выбор нарядов для корпоративных вечеринок на мужниной работе...

— Нахалка ты, Алька, редкостная. — Рита махом выпила и крякнула то ли от досады на свою такую невидную жизнь, то ли от холодной водки.

— Нет, погоди, это еще не все. Весной — Мальта или Кипр. Осенью — Мальдивы или Гавайи какие-нибудь или круизик там по Европам... В общем, кошмар какой-то!

— И то верно. — Ритка расхохоталась, потом с неожиданным ядом в голосе спросила: — А что ж ты, Алечка, за столько времени к нам не заглянула? Или на глобусе не нашла?

— Ладно, Ритусь, не сердись. Не могла — и все тут. Будто стена какая-то внутри была. Как только почувствовала, что отпустило, сразу взяла билет на самолет. И вообще — мне же выступать еще сегодня, а ты меня спаиваешь! Все, подруга, еще стопарик, и сворачиваем посиделки. Нас ждут великие дела. Кстати, в этом твоём издательстве директор как — ничего, нормальный?

— Нормальный, нормальный. Тебе понравится. Обещаю.

Солнце жарило, как сумасшедшее. Такого начала лета давно не было. Продавцы напитков делали приличные деньги на своем товаре. За день Париж выпивал тонны воды.

Ранним утром Катя, сидя на выходящем в сад балкончике Алькиной спальни, подставляла лицо и руки несильному пока солнцу. Она приехала сюда вчера, чтобы подготовить квартиру к приезду хозяйки — Алька

возвращалась из командировки в Лондон, куда приехал на гастроли Большой театр.

Теперь Александра Захарова была штатным сотрудником газеты «Фигаро» со всеми вытекающими отсюда приятными (заработки) и не очень (слишком частые командировки) последствиями.

Катя с вечера прибрала квартиру, приготовила любимые Алькины рыбные котлеты и вареники с вишней. Она жалела питавшуюся на ходу сендвичами да разной ресторанной лабудой подругу.

Наконец раздался звонок в дверь. Когда Катя была дома, Алька никогда не пользовалась ключами: так приятно, когда тебя ждут и открывают дверь.

По Алькиным смеющимся глазам Катя поняла, что произошло что-то хорошее. А по загадочному молчанию и улыбкам вместо ответов на расспросы догадалась, что это «хорошее» имеет лирический оттенок.

После душа и завтрака Алька раскололась. Они сидели в гостиной, окна были раскрыты с обеих сторон, и сквознячок колыбал шторы. Жара в доме почти не ощущалась. Алька сидела с ногами на диване, а Катя устроилась в кресле напротив. Она жаждала подробностей, а подруга тянула резину, наслаждаясь ее нетерпением: сначала

Брачный тран
ла сбегала
вспомнил
ла, что се
гда Алька
вый рассу

— Пр
я впервые
там не б
фальт п
бион».

Пре
Кристи
ветски

ло дан
вижу
ся вст

Вд
стоял

под

говор

любе

ну, п

рит:

что

луб

фра

ла сбегала на кухню за лимонадом, потом вспомнила, что лед забыла. Катя пригрозила, что сейчас встанет и уедет восвояси. Тогда Алька сжалилась. Ее довольно сбивчивый рассказ звучал примерно так.

— Представляешь, прилетели. В Лондоне я впервые. Удивительно, правда, что ни разу там не была. Жарища, как сейчас здесь, — асфальт плавится. Вот тебе и «туманный Альбион».

Представляешь, когда я была еще женой Кристиана, меня в Лондон не пустили. С советским еще паспортом. Господи, как это было давно! Ну вот. Пошла я к стоянке такси, вижу — длиннющая очередь. И все стараются встать под навес, в тенечек. А там тесно.

Вдруг мужчина, который передо мной стоял, подвинулся, освободил мне «место под тенью». Я на автомате по-французски говорю, в смысле, мерси вам, мсье, вы очень любезны. А его аж развернуло в мою сторону, просиял весь и тоже по-французски говорит: «Так вы не англичанка? А я и не знал, что француженки бывают блондинками с голубыми глазами!» Отвечаю, что вовсе я не француженка, а русская, журналистка, живу

в Париже, а сюда приехала в командировку от «Фигаро».

Какой из себя? Ну что тебе сказать? Не герой-любовник, это точно. Наверно, лет на шесть-семь старше меня. Выше среднего роста, полноватый, но ему идет. Полноватый, но при этом, знаешь, легкий какой-то, подвижный. С намечающейся лысиной, но очень коротко подстрижен, так что и не заметно. Прямой тонкий нос. Да, про глаза-то я забыла сказать. Глаза большие, сине-серые и очень умные; между прочим. И добрые.

Ну что, довольна? Поехали дальше. Жара, а он в костюме. В очень дорогом костюме из тончайшей шерсти, галстук с золотым зажимом в тон рубашке и светлые летние туфли. И такое от него исходит ощущение надежности, благополучия, в хорошем смысле, какой-то английской, знаешь ли, добротности, что мне как-то спокойно и хорошо стало. Вот, думаю, жалко, сейчас разъедемся в разные стороны и никогда я его больше не увижу.

Он сказал, что в России никогда не был, но про загадочную русскую душу слышал. Руку протянул и представился: «Ричард Стюарт, директор одного из филиалов Национального Вестминстерского банка». Достал из внутреннего кармана пиджака визитную карточку и дал мне. Я тоже представилась. В общем,

славно мы поговорили, и даже расставаться так, вдруг, показалось как-то странно.

Он предложил, поскольку я сказала, что впервые в Лондоне, отвезти меня в отель — «Бонингтон» называется, там мне номер забронировали от газеты. Приехали, он помог мне выйти из машины, поцеловал руку, сказал, что не ожидал такого приятного знакомства и надеется, что мы еще встретимся.

Ну, встретимся и встретимся. Знаешь, после Патрика я решила — все, никаких «лямуртужур», хватит. Мое бедное сердце больше не выдержит. Что-то омертвело внутри. А так — почему не встретиться? Очень милый господин. И, естественно, женатый: такие в холостяках не ходят. А это мы уже проходили, со всеми вытекающими последствиями.

Бегала весь день по делам — встречи, интервью, — вечером возвращаюсь в гостиницу, а мне портье передает огромный букет из тридцати трех темно-красных, почти черных роз. И в нем записка, мол, приглашаю вас в ресторан и завтра в семь жду возле отеля «Савой». А у них «Савой» — это как у нас, например, «Георг Пятый».

Почему думаю, не пойти, влюбляться же я не собираюсь и ситуацию контролирую.

С утра я была занята по работе, потом до вечера бегала по музеям и одета была, в общем,

не слишком по-ресторанному: деловой костюмчик и туфли на низком каблуке. О чем потом пожалела.

В семь мы встретились. Собеседник он милый, вполне. Мы немного прогулялись, он рассказал историю отеля. Потом, смеясь, признался, что специально все проштудировал перед нашей встречей. Вообще, он с юмором говорил о себе, не боялся казаться простым и «ударить в грязь лицом». А это всегда подкупает. Нечего перья распускать на ровном месте, как большинство мужчин делают. Правильно я говорю?

И, заручившись молчаливым согласием подруги, Алька продолжила:

— Ну вот, пришли мы в ресторан. Ричард сделал заказ, потому что хорошо знает их меню — часто бывает там на бизнес-ланчах. Говорит, хочу развеять у вас мнение, что английская кухня невкусная, ведь так считается.

Принесли закуску: перепелиные яйца под тресковым и сырным соусом и белое французское вино. Потом на серебряном (настоящее серебро!) блюде принесли ростбиф, нарезанное толстыми ломтями и залитое коричневым йоркширским соусом мясо. Слюнки текут? И конечно, подали красное бордо в серебряном же ведерке. Без французского вина все же не обошлось.

Брачный
Сиди
том орк
цевать. И
хороший
це мож
ни на к
юсь, и г
спокойн
ужин
А он мо
и разве
При
ский п
пару, с
подали
Пок
хоньку
циальн
в карм
двое де
любит
нам, к
Такой
Над
него
его —
ся, как
щина
судьба

Сидим, мило так, болтаем о том о сем. Потом оркестр заиграл. Он пригласил меня танцевать. И классно, знаешь ли, танцевал! А это хороший показатель, когда на мужчину в танце можно положиться. Но я-то решила, что ни на кого «покладаться» больше не собираюсь, и поэтому чувствовала себя совершенно спокойно. Никому я ничего не должна, хоть ужином меня роскошным корми, хоть что. А он молчит. Никаких удочек не закидывает и разведок боем не предпринимает.

Принесли десерт. Знаменитый английский пудинг, «спотед-дик», его готовят на пару, с изюмом и фруктами. Вкусно! Потом подали кофе.

Пока мы ужинали да танцевали, он потихоньку о себе все и рассказал. Как бы специально: ничего, мол, я не утаиваю и фигу в кармане не держу. Сорок два года, женат, двое детей (а кто бы сомневался!), свой дом, любит путешествовать по экзотическим странам, коллекционирует спортивные машины. Такой вот отчет я получила.

Надо сказать, моя история произвела на него гораздо большее впечатление, чем его — на меня. Очень восхищался и умилялся, как это такая маленькая прелестная женщина смогла устоять под такими ударами судьбы. Он же Некрасова не читал, не знает,

что мы и «коня на скаку», и «в горящую избу», ну, сама знаешь.

Потом мы еще долго гуляли. Катюша, Лондон — удивительный город, а я много городов на своем веку повидала. Он такой — ладно скроенный и крепко сшитый, что ли. В нем чувствуешь себя так спокойно и защищенно. Все-таки королева Виктория умница, до сих пор ее дух здесь витает. Дух старой доброй викторианской Англии. Комфорт и уют, возведенные в культ. Такого больше нигде нет.

Но я отвлеклась от главного. Проводил он меня до отеля. Что же, думаю, будет дальше? А ровным счетом ничего и не было! Так что мне отбиваться и отговорки придумывать и не пришлось. Попрощался он со мной, руку поцеловал и попросил назначить встречу.

На другой вечер я пригласила его на спектакль Большого. Давали «Кармен». Не думаю, что ему часто приходилось бывать до этого на балете. Но ничего, справился. В конце мило так засмеялся и сказал, что модерн от ампира вряд ли отличит, но парень, говорит, я хороший. Я подумала, что так оно и есть.

Еще два дня мы оба были заняты своими делами. Я днем еще успевала по Лондону гулять, в музеи ходить.

В общем, все в Лондоне оказалось по-другому, не как принято считать. Вместо ту-

мана и сырости — солнце и жара, вместо чопорных англичан — милые открытые люди. Или мне так особенно как-то повезло?

В общем, настал день отъезда. Рано утром, еще темно было, он заехал за мной и отвез в аэропорт. Мы почти не разговаривали. Да и о чем говорить? Все было прелестно, и все прошло. Маленький невинный флирт. Яркая романтическая краска в серых буднях. После таких приключений мужики возвращаются домой и с превеликим удовольствием утыкаются в своих милых женушек. Правильно смеешься, именно утыкаются, без метафор.

Мне уже на посадку, а он вдруг меня сильно-сильно прижал к себе, поцеловал так, что мурашки везде побежали, а потом и говорит: «Я ничего не хочу обещать. Мне нужно разобраться в моих чувствах. Я тебе позвоню». И резко так меня отстранил, чтобы я скорее ушла.

Вот, собственно, тебе и весь полный отчет с места событий.

Алька умолкла, и видно было, что она разволновалась, рассказывая.

Она не знала, что, после того как ее самолет поднялся в воздух, Ричард медленно, не

видя ничего вокруг, прошел в подземный паркинг и долго сидел в машине, опустив на руки голову. Ему не хотелось ехать домой. Он вообще не знал, что теперь делать. Эта женщина, так неожиданно возникшая в его судьбе, жила не только в другом городе и другой стране, но и в другом социальном слое. И вообще, он — в мельчайших подробностях знающий свое дело не очень уже молодой банкир, с головой ушедший в бизнес, она — яркая, красивая, интеллектуалка, словно из другого, не его, мира.

С отъездом Альки он ощутил пустоту в душе. Странно. Несколько дней знакомства с милой русской девочкой превратились для него в яркий фантастический праздник. Судьба не баловала его такими подарками. С молодости трудоголик, он всю свою сознательную жизнь работал с раннего утра до позднего вечера. В один из коротких промежутков в работе успел жениться, заиметь двоих детей (мальчишек-погодков). И вот теперь одному восемнадцать, а другому семнадцать. И выросли они как-то совсем незаметно для него.

Однажды он посмотрел в зеркало и ужаснулся: растолстел, полысел! Жизнь, кажется, прошла стороной, а он и не заметил. Жена... Когда в последний раз они говорили по душам и вообще — говорили?

Брачный т

Ричар
хватит
вычную
до фил
и проч

Снач
каждый
ла. Жиз
ездка в
ным те
о може

Ино
валась
слабая
ди, как,
а потом

Про
время
Итали
в како
морско
основа
ренция
ристич
ру или
этого д

Ричард повернул ключ зажигания. Все, хватит рефлексий, пора на работу, в привычную деловую обстановку. Там будет не до философских раздумий о смысле жизни и прочих терзаний души.

Сначала Алька ждала и бросалась на каждый телефонный звонок. Потом перестала. Жизнь вошла в привычную колею, и поездка в Лондон напоминала о себе приятным теплом в душе да легким сожалением о может быть упущенной любви.

Иногда Алька прерывала работу, откидывалась на спинку компьютерного кресла, и слабая улыбка блуждала по ее губам: «Господи, как, наверно, хорошо все могло бы быть!», а потом: «Нет, все к лучшему...»

Прошло полтора месяца. Близился август, время ее отпуска. Алька решила поехать в Италию. Вот возьмет билет на поезд, приедет в какое-нибудь совсем незнакомое место на морском побережье (по Италии она успела основательно поездить, Рим, Венеция, Флоренция когда-то давно стали ее первыми туристическими маршрутами), снимет квартиру или комнату (она не любила гостиницы, этого добра ей хватало и в командировках) и

станет жить, глядя в широкое окно Адриатики и ни с кем не общаясь (общений в ее жизни тоже с избытком).

Она достала с антресолей небольшой чемоданчик: надо произвести ревизию пляжных принадлежностей и отпускного гардероба вообще. Так, по списочку, и ничего лишнего. А потом позвонить Катюше, спросить, когда та к ней переберется.

В это время раздался телефонный звонок. «Ну вот, легка на помине!» — подумала Алька и схватила трубку.

Звонил Ричард.

— Я здесь, в Париже. Хочу тебя видеть. Если, конечно...

— Конечно! Приходи. Прямо сейчас!

Прошло три дня с тех пор, как он проводил Алекс, а ему уже совершенно явно не доставало ее. Несколько раз он брал в руку телефонную трубку, но потом бросал. Что он, собственно, может ей сказать? Что скучает, что влюблен? А что дальше? Вдруг через неделю-другую наваждение схлынет? Вправе ли он давать ей надежду? А в том, что она ждет и надеется, он был уверен. Та искра, что пробежала между ними, не была случайной.

Сколько было в жизни разочарований у этой мужественной девочки, и что? Он должен стать причиной еще одного? Ни один из встреченных ею мужчин не дал ей того, чего она заслуживает. Ну, не может он отличить модерн от барокко, как ее предыдущие кавалеры, зато он славный малый и не допустит, чтобы она в очередной раз страдала.

В таких или примерно таких мыслях прошли полтора месяца. Потом он купил билет на самолет и на другой день был в Париже.

Свои первые две совместные недели они провели на Адриатике, в маленькой деревушке под Римини. Дом, где они сняли светлую комнату с верандой, стоял почти на самом берегу, и ночами, лаская друг друга, они слышали за открытым окном непрекращающиеся вздохи и шевеления моря.

По утрам Джованна, их хозяйка, молодая смуглая и ярко-кареглазая женщина лет пятидесяти, приносила им блюдо только что купленных на рынке обложенных льдом устриц, сыр, теплый еще хлеб, кувшин с легким красным вином и целую корзину фруктов.

Как-то, сверкнув красивым белозубым ртом, Джованна сказала, что они на редкость гармоничные молодожены. Алька и Ричард не стали ее разуберять, а рассмеялись и, подхватив купальные принадлежности, побежали на пляж.

Обычно они купались ранним утром, когда еще было не жарко, или, вернувшись из ресторана, поздно вечером, когда гасли последние краски заката и крупные южные звезды повисали над их головами, точно виноградные гроздья.

Ночное море было спокойным. Вдалеке светились огоньки круизных теплоходов, а в прибрежных садах сотрясали воздух бесчисленные цикады. Они ложились на спину и, взявшись за руки, замирали, растворяясь в море, которое растворялось в небе, которое растворялось в них...

Они вернулись в первых числах августа. Он — в Лондон, она — в Париж. Жить, как они жили раньше, до поездки в Италию, было невозможно. Он снял номер в небольшом отеле в Ноттинг-Хилле, артистической деревне в центре Лондона, положил в чемодан рубашки и пару костюмов, взял кейс с бумагами и сказал жене, что уходит.

Последовала сцена со слезами и битьем посуды. Но он ушел. Келли притихла, решив, что это кризис среднего возраста. Перебесится — вернется. Но он не возвращался. Почти на каждые выходные он улетал в Париж. Или Алька летела к нему в Лондон.

Келли позвонила на работу и устроила скандал по телефону. Она считала себя жертвой, говорила, что «всю свою жизнь положила на алтарь семьи». Может быть. Но в этом алтаре была ежедневная домработница, небольшая вилла в Испании, куда она с детьми ездила на каникулы, были огромные счета за шмотки, косметолога и украшения, престижный колледж для сыновей и ежегодный отпуск на закрытых фешенебельных курортах далеких экзотических островов.

При этом Келли не работала ни одного дня с момента их женитьбы, а он уходил затемно, завтракал в кафе, его работа, учитывающая и деловые встречи, частенько заканчивалась почти ночью, и он ни разу не «сходил на сторону» за почти двадцать лет супружества.

И вот теперь, видно, запас прочности вышел. Но зато оказалось, что в сорок с хвостиком жизнь не кончена, что все са-

мое настоящее только начинается и у этого «настоящего» есть чудесное имя, напоминающее о подвигах и великих завоеваниях, — Александра. Алекс. Аля.

Первый совместный Новый год они встречали в новом доме в предместье Лондона. Алька только вечером прилетела из Парижа. В доме было шаром покати, да, в общем, и привез ее сюда Ричард, чтобы просто показать стены. Стены их первого общего жилья.

Алька огляделась и сказала, что ни в какую гостиницу отсюда не поедет. Они сидели на кухне, горели свечи, в пластиковых стаканчиках выдыхалось шампанское, и вместо телевизора было темное окно без занавесок. За окном шел снег, соседи из дома напротив всей гурьбой вывалились на улицу играть в снежки, и было в мире и в душе все хорошо и правильно.

Они включили отопление, бросили на ковер в гостиной свои куртки, поскольку мебели в доме не было, и легли, не раздеваясь. Они смотрели друг на друга в темноте глазами, в которых отражался свет уличных фонарей и снега, и Ричард гладил Альку по

голове, как маленькую. Он чувствовал, что еще не все испытания позади.

И как в воду глядел.

Келли, молчавшая несколько месяцев, узнав, что Ричард купил дом, активизировалась. Дом — это было уже совсем серьезно. Но еще больше ее злило, что мужа у нее увела «какая-то русская». И поскольку манипуляции детьми не возымели действия, Келли пошла на таран.

В конце января секретарша вбежала в кабинет Ричарда с перекошенным от ужаса лицом: миссис Келли Стюарт в реанимационном отделении Паддингтонского госпиталя — суицид!

Через полчаса он был в госпитале. Возле кровати матери сидели сыновья. При виде Ричарда они даже не кивнули. Посмотрели и отвели глаза. Что делать. И это надо было пережить.

Спустя несколько часов пришел врач, повторно осмотрел Келли и сказал, что опасности для жизни нет. Ночью Келли открыла глаза и с удовлетворением отметила, что муж здесь. Она методично подсчитала, сколько надо выпить пилюль, чтобы не умереть.

Неделю после выписки жены из больницы Ричард провел дома. Он просил Альку не нервничать и ни в чем не сомневаться: их чувствам ничто не может помешать. Алька не могла жить одна в пустом новом доме без Ричарда и улетела в Париж.

Неделю Катя наблюдала, как Алька в тоске слоняется по квартире, вздрагивая от каждого телефонного звонка. Бог знает, что она пережила за то время, пока Ричард находился в семье. Но трубку, чтобы позвонить ему, не подняла ни разу. Она могла только ждать. Сейчас ей оставалось только это.

Когда спустя неделю раздался звонок и Ричард сказал, что вернулся в их дом, а там пусто и холодно, Алька сначала не знала, каким словам больше радоваться: «вернулся» или «их дом». На другой день она уже была в Лондоне.

Под сурдинку будней и фанфары праздников прошли пять лет. Алька жила с Ричардом в собственном доме в Ричмонде. Она ушла из «Фигаро», но заключила контракт как внештатный корреспондент с несколькими французскими и российскими инфор-

магентствами: компьютер давал возможность поддерживать связь с миром из любой точки планеты.

Катя первое время жила в Алькиной парижской квартире. Фактически она работала Алькиным секретарем, выполняя массу полезных поручений, за что Алька, несмотря на сопротивление подруги, исправно ей платила.

Как-то, забегая по Алькиным делам в Сорбонну на отделение славистики, Катя познакомилась с симпатичным и совсем не старым еще профессором, поклонником Достоевского и Блока. Они стали встречаться. Семь лет назад Пьер похоронил жену, взрослая дочь вышла замуж и поселилась с мужем, гражданским моряком, на севере Франции, в Дувре.

Два одиноких человека, обретя друг друга, точно родились заново. Катя оставила свое захолустное жилье и переехала в просторную светлую квартиру Пьера на площади Эдмона Ростана.

Балкон на пятом этаже старого, османовского дома буквально парил над садом и Люксембургским дворцом, и Алька, навестившая подругу во время очередного наезда в Париж, даже тихонько заскулила, выйдя на балкон, — так хорош был открывшийся вид с глянцево блестящей листвой де-

ревьев, солнечными бликами на воде и легким, точно парящим, дворцом.

Но всерьез завидовать Алька никогда не умела, а тем более смешно было бы завидовать подруге по случаю вида из окна. Нельзя сказать, что Лондон потеснил в ее душе чувства к Парижу. Она полюбила этот город совсем за другое: за чувство защищенности, прочности, которым была проникнута вся его атмосфера.

Хотя, надо признать, Келли делала все, чтобы им с Ричардом не только в Лондоне, но и вообще где бы то ни было «жизнь медом не казалась». Она долго не давала развод, и в официальных бумагах они до сих пор числились «женихом» и «невестой». Она отвоевала дом, банковские счета на момент совместного проживания и частенько напоминала о себе звонками и истериками...

И только недавний третий суд, проходивший уже без ее участия, постановил развести их.

И вот настал день, когда остроносый «Конкорд» взмыл в небо. Алька и Ричард летели через Нью-Йорк в Австралию, в свадебное путешествие.

Церемония бракосочетания прошла довольно тихо и скромно в местной мессии. Настолько тихо и скромно, что они даже не успели проникнуться «важностью момента». Однако произошло это именно в тот день, в который они, пять лет тому назад, познакомились в аэропорту Хитроу.

И вот теперь в тот же день они летели в Австралию.

Полететь на «Конкорде» было давней Алькиной мечтой. Когда самолет перешел звуковой барьер, стюардессы открыли шампанское. На небольшом дисплее чередовались цифры: температура за бортом — минус семьдесят пять градусов по Цельсию, скорость 2480 километров в час, в два раза выше скорости звука. И то и другое казалось совершенно невероятным.

Через три часа семнадцать минут они приземлились в Нью-Йорке, переночевали в отеле при аэропорте, а днем того же дня уже были в Мельбурне.

Там началось их великое автомобильное путешествие по великой Тихоокеанской дороге: мимо орошаемых садов Муррея — вверх, по Восточному побережью, окутанному голубоватой дымкой эвкалиптов, с остановкой в Сиднее, и еще выше — до Порт-Дугласа. И наконец до маленького Зелено-

го острова в Коралловом море, где у них был на неделю зарезервирован номер в отеле на самом берегу океана.

Альке казалось, что она попала не просто в другую страну — на другую планету. И хоть сказал поэт — «а звезды всюду те же», тут они были совсем другими, неузнаваемыми. И рожки луны были опущены непривычно вниз, да и время года было ровно противоположным тому, из которого они вылетали.

И очень скоро Альке стало казаться, что мир состоит из одной сплошной, плывущей по правую руку линии горизонта, сливающейся с океаном, и ничего в этом мире нет, кроме воды, неба и ее изнывающего от нежности ко всему этому сердца.

Утром Рита начала поторапливать Альку, которая зябко ежилась и куталась в плед. Она всячески давала понять, что не хочет вылезать из дома. То ли посещение кладбища выбило ее из колеи, то ли нервничала из-за предстоящего похода в издательство: страшно было отдавать свое детище в незнакомые руки.

Вчера на Серафимовском, их «родовом» кладбище, поскольку там лежало несколько

поколений ее родни по отцовской линии, Алька сникла, погасла, что ли. «Шарик сдулся» — называла она это свое состояние.

Екатерину Великую подхоронили к мужу. Тогда, в сорок четвертом, устанавливая оградку, Екатерина Великая застолбила место и для себя. Но место это спустя двадцать лет занял ее сын, Алькин отец. Теперь на красивом куске черного с серыми прожилками мрамора было написано: «Александр и Екатерина Захаровы». И даты.

— Ну вот, Ритка, а меня зароят где-нибудь на лондонщине. Весело, а? — Алька огляделась вокруг. — Теснотища-то какая, ногу поставить негде. Вся жизнь совдеповская прошла в коммуналке, померли — тоже в коммуналке оказались. Так же пестро, так же вкривь и вкось.

— Ничего, Алечка, вон, метрах в ста отсюда, «новорусские» могилки, так там есть где разгуляться, — утешила подругу Ритка.

Потом они зашли в старый деревянный храм, поставили свечки за упокой, и на душе стало как-то попросторнее, полегче.

А вот с утра Альку опять «забрало».

Наконец ее скулеж надоел решительно настроенной Рите, она скомандовала: «Одевайсь!» — и сама первая побежала натягивать кашемировый джемпер, Алькин подарок.

Алька слегка подвела немного припухшие после недавних слез глаза, чуть нарумянила скулы («А то как бледная спирохета»), собрала волосы в высокую прическу, надела элегантный брючный костюмчик от Кардена и была готова.

Через час они были на Каменноостровском, у входа в высокое серое здание, два верхних этажа которого принадлежали издательству «Северная Столица».

Алька застопорилась у входа.

— Не дрейфь, подруга, готовь свой опус. — Ритка довольно хохотнула.

— Легко смеяться-то. — Алька собралась с духом и гордо прошествовала мимо вахтера, ражего детины в форме защитного цвета. — Да, это тебе, Риточка, не «Лениздат».

Приветливая секретарша предложила им снять верхнюю одежду, сообщила директору, какие к нему посетители, и пригласила их с Риткой в кабинет.

В просторном светлом помещении вдоль стен стояли дорогие книжные шкафы. За тонированными стеклами мерцали золоченые корешки. Письменный стол красного дерева занимал пространство между двумя окнами, которые выходили на Петропавловку, и золотой шпиль собора тоже мерцал в лучах низкого зимнего солнца, как корешок до-

рогого фолианта. Сбоку стоял журнальный столик и кожаные кресла возле него.

В кабинете неуловимо и приятно пахло чем-то уже знакомым Альке. От стола навстречу вошедшим шагнул высокий мужчина. Блеснула тонкая золотая оправа очков.

Алька в растерянности остановилась.

— Миша?!

Через секунду Мишель-«холодник» обнял Альку и, прижав к себе, чуть-чуть оторвал от пола.

— Алечка, душа моя, как же долго мы не виделись!

Алька машинально закрыла лицо руками, словно старалась спрятаться: двадцать лет прошло, и она уже не та девочка, которую он запомнил в день их последней встречи на углу Невского и Садовой.

Мишель правильно понял этот жест. Отвел от ее лица руки, поцеловал в щеку:

— Ты совсем не изменилась. Даже лучше стала. Высокий стиль. Молодец.

Ритка в полном удовлетворении наблюдала за делом рук своих.

Повернувшись к подруге, Алька спросила:

— Так это ты все состроила?!

— А что прикажете делать? — Рита скромно опустила глаза. — Должна же и бедная девушка свое удовольствие от жизни поиметь?

Мишель усадил их в кресла, велел секретарше принести чай.

Алька еще раз окинула взглядом кабинет, встала, подошла к письменному столу. Что-то не давало ей покоя. Сбоку, возле компьютера, она увидела пачку бумаги «верже» и тут же поняла, откуда здесь этот запах: так пахло от присланного незнакомцем письма...

Она обернулась к Мишелю. Тот засмеялся, виновато опустил голову.

— Ну да, я это, Алечка, я. Духу не хватило позвонить, вот и написал. Боялся, знаешь: вдруг старая любовь разыграет. Я ж тогда, двадцать-то лет назад, еле в себя пришел. Хотел даже ехать в Москву, тебя разыскивать. Да никто адреса не знал. Теперь у меня сын и жена... Все по-взрослому. Они сейчас на Кипре. Я письмо для тебя оставил, а потом струсил, как мальчишка. Включил автоответчик. Тогда Рита сказала, что приведет тебя и что ты книгу написала. — Он ударил ладонями по коленям и сменил тон на шутливый. — Однако, уважаемый автор, покажите, с чем пожаловали.

Алька достала из сумки папку.

— Там и про тебя есть, Мишель...

— Ого, неужели увековечила?

— И тебя, и Ритусю, и Екатерину Великую, всех. Ну, по мере скромных наших сил, разумеется.

— Так это ж надо отметить. Собирайтесь-ка, девушки, сегодня я вас гуляю. Есть тут недалеко место, где и вкусно, и, главное, красиво. По спецзаказу — для гостей нашего города. — Он мигнул в сторону Альки.

И вскоре они уже проехали мимо Петропавловки, через Тучков мост выехали к Бирже, от туда свернули на Университетскую набережную. Прямо перед ними, за мостом Лейтенанта Шмидта, садилось огромное, по-зимнему красное, без короны, солнце, и видно было, что воздух над городом ясный и морозный.

Возле Румянцевского садика Мишель развернул свой «крайслер», и по пандусу они съехали к самой Неве, к причалу, возле которого стоял небольшой белый корабль, украшенный по периметру мигающими лампочками.

— Что это, Мишка, за крейсер «Аврора», загримированный под елку? — Ритка в модных ресторанах была профаном и поэтому могла себе позволить поиздеваться.

В сопровождении одетого в морскую форму официанта они поднялись на вторую палубу, прошли ее до конца и по крутой лестнице спустились вниз. Там, в самом носу корабля, уже был сервирован стол.

Мишель оказался прав: лучших декораций для этого вечера, последнего перед Алькиным отлетом, и придумать было нельзя.

Белая крахмальная скатерть казалась кусочком льдины, отколовшимся от сплошной ледяной поверхности Невы. Большие, в человеческий рост, окна делали границу между помещением и пространством снаружи совершенно иллюзорной: казалось, сделаешь шаг — и окажешься на невском льду. И хотя корабль стоял, было впечатление, что они движутся в стремительно наступающих зимних сумерках.

— Как красиво, Мишечка. — В Алькиных глазах показались слезы. — Спасибо тебе. Я и не заслужила такого. — Непонятно было, что она имела в виду: Мишину к ней любовь, пронесенную-таки через время, или сказочный городской ландшафт, частью которого они себя вдруг почувствовали.

— Неправда твоя, Алечка. Все мы заслужили то, что имеем. Вон у Ритки чудный сын растет. Я всю жизнь с ума сходил по книгам, теперь сам их делаю. А ты... Ну, Алька, ты — это ты. Вот за это и выпьем.

Посетителей в этот будний день в ресторане почти не было. Тихо играла музыка, верхний свет был притушен, на столе горели свечи, а снаружи, в окончательных уже сумерках, парили подсвеченные мосты и дворцы.

Они сидели, вспоминали прошлое, за что-то без конца благодарили друг друга, пили за успех Алькиной книги и чувствовали себя

Брачный тра
счастливы
ного друг
знакомо л
Завтра
летом Бри

Алька
Европой б
отбрасыва
Оставался
роу. Ричар

Вчера
в постели
памяти во
дель. Ей
еще одна
лие — и
встанет н
ном време
прошлого
щего — с
ства — е
путешест

И вот
ров над з
це ее при
значит, м

счастливыми от того тихого, почти родственного друг к другу чувства, которое так хорошо знакомо людям, проводшим вместе молодость.

Завтра, в четыре дня, Алька улетала самолетом Британских авиалиний.

Алька смотрела в иллюминатор: небо над Европой было чистым, редкие легкие облака отбрасывали на землю стремительные тени. Оставался час полета. Дальше — аэропорт Хитроу. Ричард. Дорога домой. Дом. Как хорошо!

Вчера ночью, после ресторана, она, лежа в постели, еще и еще раз прокручивала в памяти все впечатления последних двух недель. Ей казалось, что-то еще не завершено, еще одна секунда, еще одно душевное усилие — и все произойдет, все окончательно встанет на свои места: два живущих в разном времени человека — Алька Захарова из прошлого и Александра Стюарт из настоящего — соединятся в одной точке пространства — ее сердце. И тогда ее двухнедельное путешествие действительно завершится.

И вот сейчас, на высоте десяти километров над землей, она почувствовала, что сердце ее приняло в себя все и все вместило, и, значит, можно было жить дальше.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	121

Литературно-художественное издание

НАДЯ ЛОУЛИ

БРАЧНЫЙ ТРАНЗИТ

МОСКВА—ПАРИЖ—ЛОНДОН

Редактор Наталья Соколовская

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректоры Анна Быстрова, Елена Орлова

Верстка Светланы Романович

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 20.01.2006.

Формат издания 80×100¹/з. Печать офсетная.

Гарнитура «Петербург». Тираж 5000 экз.

Усл. печ. л. 10,36. Изд. № 1624. Заказ № 832.

Издательство «Азбука-классика».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ФГУП ИПК «Лениздат» Федерального

агентства по печати и массовым коммуникациям

Министерства культуры и массовых коммуникаций

Российской Федерации.

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

«Сердце Пармы, или Чердынь — княгиня гор»

«Сердце Пармы», вероятно, самый известный роман писателя Алексея Иванова, автора таких бестселлеров, как «Золото бунта» и «Географ глобус пропил».

Две могучие силы столкнулись на древней пермской земле. Православный Господь, именем которого творят свои дела люди Великого князя Московского, и языческие боги вогулов, темные и пугающие. Две культуры, две цивилизации, два образа жизни... Но так ли велика пропасть между ними? Столь ли сильно отличаются таежные язычники от богобоязненных христиан? Здесь, на Урале, в крови и пламени куется новая культурная общность, сплетаются судьбы людей и народов.

Здесь шаманы-смертники на боевых лосях идут в бой сквозь кровавый морок, здесь дышит и гудит гора Мертвая Парма, прибежище беглецов, здесь предают и убивают ради древней Каннской Танги, дающей власть над племенами и народами, здесь загадочно улыбается Золотая Баба, кружащая головы русским ратникам, а в чаще рыщет огненный ящер Гондыр.

«Огромный, разветвленный и невероятно увлекательный роман о том, как люди, боги и народы идут дорогами судьбы» — так охарактеризовал «Сердце Пармы» писатель Леонид Юзефович.

**Роман впервые публикуется
в авторской редакции.**

КНИГА — ПОЧТОЙ: (812) 174-40-63; СПб., 192242, а/я 300
www.areal.com.ru, e-mail: postbook@areal.com.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ

«ЗОРРО: Рождение легенды»

Впервые в России лицензионное издание
великой писательницы, чьи книги
напечатаны общим тиражом более
35 миллионов экземпляров!

Отчаянный храбрец, благородный разбойник Диего де ла Вега по прозвищу Зорро — уже много десятилетий остается образцом настоящего мужчины, истинного «мачо», перед красотой, мужеством и благородством которого бледнеют образы бесчисленных суперменов. Не случайно в кино его роль играли такие суперзвезды, как Дуглас Фэрбенкс, Ален Делон и Антонио Бандерас. Зорро — по-настоящему «культовый» персонаж, которому посвящены фильмы и телесериалы, мультфильмы и мюзиклы, книги и комиксы. Обращение прославленной «серьезной» писательницы к романтическому образу Зорро стало для многих неожиданностью. Но Альенде написала поистине блистательный приключенческий роман, где литературное мастерство, достойное Габриеля Гарсия Маркеса, сочетается с захватывающим сюжетом, которому позавидовал бы сам Артуро Перес-Реверте.

Изабель Альенде искренне верит в Любовь, Честь и Приключение — возможно, в этом секрет того, что «Зорро» мгновенно стал настоящим мировым бестселлером.

КНИГА — ПОЧТОЙ: (812) 174-40-63; СПб., 192242, а/я 300
www.areal.com.ru, e-mail: postbook@areal.com.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН OZON.RU ЭТО:

широкий ассортимент, информация о новинках
и бестселлерах, подробное описание товаров, удобство
поиска, простота покупки, быстрая доставка

Самый большой в России выбор:

Книг (более 350 000 наименований)

- художественная литература, биографии, мемуары,
искусство, культура, филология, общественные и
гуманитарные науки, книги на иностранных языках
- детективы, триллеры, фантастика и фэнтези
- бизнес-литература, общественные и гуманитарные
науки, компьютеры и интернет, наука, техника,
медицина, энциклопедии, справочники, словари
- путешествия, отдых, хобби, спорт
- детская литература

DVD (более 8 000 наименований)

Видеокассет (более 13 000 наименований)

Аудио CD (более 70 000 наименований)

Игр и компьютерных программ (более 5 000)

Товаров для детей (более 3 500)

Большой выбор электроники и цифровой техники

Сделать заказ можно:

- на сайте www.ozon.ru
- по телефону: в Москве - (095) 797-92-84,
в Санкт-Петербурге - (812) 140-60-61;
России (095) 788-88-88

Доставка по территории России и всему миру.

www.ozon.ru

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

Украина: ООО «Азбука-Украина», 04073 г. Киев
Московский пр., 6 (2 этаж, офис 19)
тел. (+38044) 490-35-67;
sale@azbooka.net

Израиль: «Спутник», P.O.B. 2462, Kefar-Sava,
Israel, тел. +972-9-767-99-96,
dob@sputnik-books.com

Германия: Каталог «Аврора»,
официальный представитель
издательства «Азбука»,
Франкфурт-на-Майне
тел. (069) 37564252;
avrora-katalog@yandex.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем вас посетить интернет-сайт
издательства «АЗБУКА» по адресу

www.azbooka.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг
издательства, информацию о новинках
и планах на будущее, отрывки из новых книг
и многое другое.

Здесь можно задать интересующие вас вопросы
и высказать свои пожелания.

На сайте вы также найдете ссылки
на интернет-магазины, торгующие книгами
издательства «Азбука».

Ждем вас круглосуточно, каждый день!

КНИГА — ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192242, а/я 300.
тел.: (812) 174-40-63; www.areal.com.ru;
e-mail: postbook@areal.com.ru

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

Санкт-Петербург: издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56, факс 327-01-60
«Книжный клуб «Снарк»
тел. (812) 103-06-07
ООО «Русич-Сан»,
тел. (812) 589-29-75

Москва: ООО «Азбука-М»
тел. (095) 150-52-11,
792-50-68, 792-50-69
ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 540-45-44
www.club366.ru, club366@aha.ru

Екатеринбург: ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75

Новосибирск: ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28;
www.opt-kniga.ru

Калининград: Сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38

Хабаровск: ООО «МИРС»
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67;
sale_book@bookmirs.khv.ru

Челябинск: ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52

Казань: ООО «Таис»
тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82
tais@bancorp.ru

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «Озон»
<http://www.ozon.ru/>

Я
АЩАТЬСЯ:

Факс 327-01-60

клуб 36,6»

6@aha.ru

5

8;

и книжечки»
58, 35-38-38

55, 29-25-67;
hvv.ru

ТД»
74, 21-26-52

55, 72-27-82

изине «ОЗОН»

**НЕ ОТКАЖИТЕ СЕБЕ
В УДОВОЛЬСТВИИ —
ПРОЧИТАЙТЕ СЕЙЧАС!**

**«Брачный транзит
Москва —
Париж —
Лондон»**

Авантюрная
мелодрама из жизни
российской
Золушки!

ISBN 5-352-01624-2

9 785352 016244

www.azbooka.ru

Между Александрой Стюарт, женой лондонского банкира, и Алькой Захаровой, журналисткой ленинградской газеты «Смена», лежит целая жизнь, в которой было все: любовь, предательство, большой риск, разочарование, несказанная удача и снова любовь.

Жизнь заставила Альку пуститься в авантюру, которая могла стоить ей жизни. Она оказалась в компании валютных проституток, она была на крючке у КГБ, но случай в лице парижского музыканта не отвернулся от нее... Зачем спустя много лет она вернулась на родину?

ОБ АВТОРЕ:

Надя Лоули (урожд. Александрова) родилась в СССР.

В конце восьмидесятых вышла замуж за гражданина Франции и уехала в Париж.

Преподавала русский язык на знаменитых курсах «Школа-2000». Работала в журнале «Эхо России», принимала участие в создании русско-французской газеты «Телеграф».

Печаталась в периодических изданиях Франции и Англии. В настоящее время живет в Лондоне.

**В МАРТЕ ВСТРЕЧАЙТЕ НОВУЮ КНИГУ
НАДИ ЛОУЛИ**

«ЖИТЬ И УМЕРЕТЬ В ПАРИЖЕ»

Fröhliche
Weihnachten

Reber
Spezialitäten

Fröhliche
Weihnachten

Moscow

Russia

Saint Petersburg

Nizhny Novgorod

Kazan

Yekaterinburg

Sochi

Mozart Kugeln

DIE ECHTEN REBER MOZART-KUGELN®
THE GENUINE REBER MOZART-KUGELN®

Mozart Kugeln
DIE ECHTEN REBER MOZART-KUGELN®